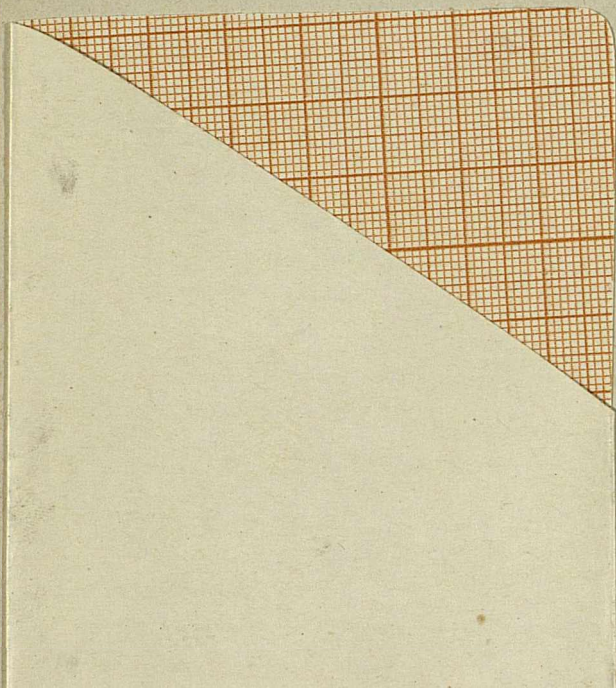
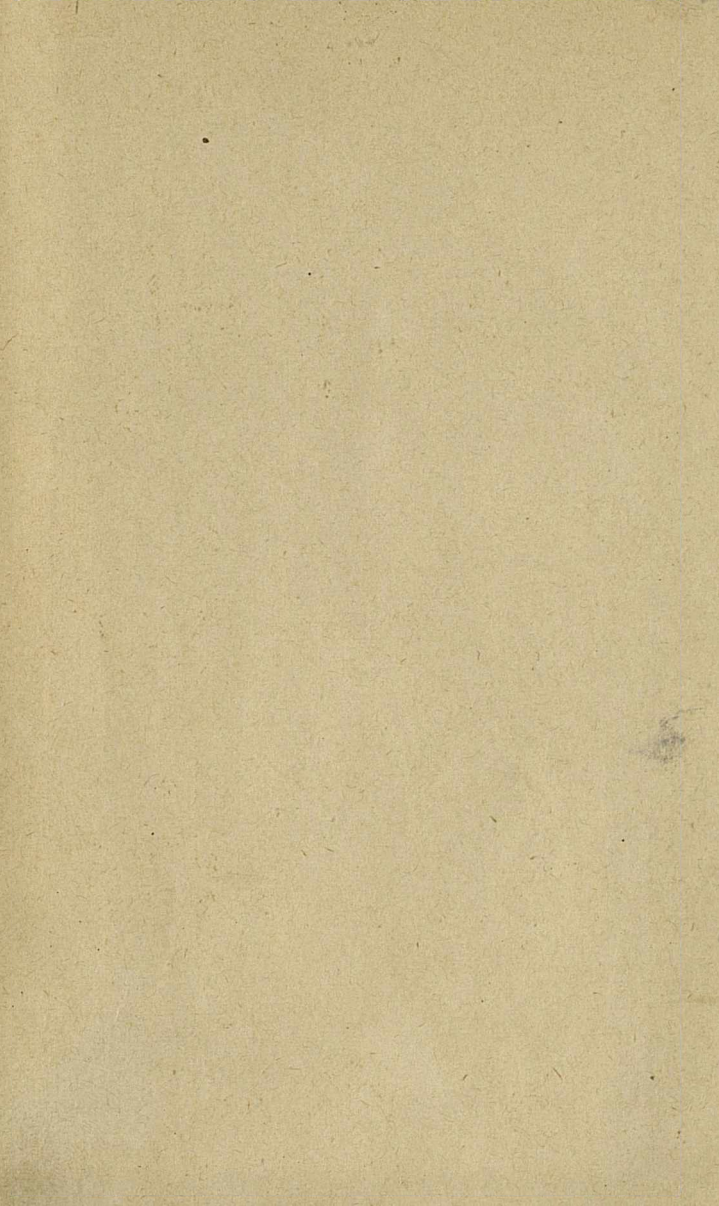

Y $\frac{58}{183}$ T.T

J $\frac{58}{183}$

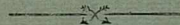

183.
В. БУРЕНИНЪ

ТЕАТРЪ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ПОТОНУВШІЙ КОЛОКОЛЬ.
ЗАБАВА ПУТЯТИШНА.
ОЖЕРЕЛЬЕ АФРОДИТЫ.
ЖЕНЩИНА СЪ КИНЖАЛОМЪ.
МАДОННА БЕАТРИЧЕ.
ФЪЯММЕТТА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

1904

1871

1871

В. БУРЕНИНЪ

ТЕАТРЪ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ПОТОНУВШІЙ КОЛОКОЛЬ.
ЗАБАВА ПУТЯТИШНА.
ОЖЕРЕЛЬЕ АФРОДИТЫ.
ЖЕНЩИНА СЪ КИНЖАЛОМЪ.
МАДОННА БЕАТРИЧЕ.
ФЪЯММЕТТА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. 13
1903

LEA T P B

LIBRARY

UNIVERSITY OF ALABAMA

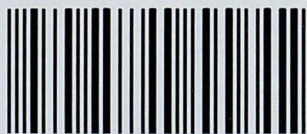
LIBRARY

LIBRARY

LIBRARY

LIBRARY

LIBRARY

2007054979

ПОТОНУВШІЙ КОЛОКОЛЪ

СКАЗКА-ДРАМА

ГЕРГАРТА ГАУШТМАНА

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Горная поляна, окаймленная соснами. Налѣво, на заднемъ планѣ хижина, полураскрытая подъ нависшей скалой. Направо близъ лѣвой лѣсной опушки старый колодезь.

I.

На краю колодца сидитъ фея Раутенделейнъ, полуребенокъ, полудѣвушка. Она расчесываетъ свои густые красновато-золотистые волосы, отмахиваясь отъ пчелы, которая назойливо жужжитъ вокругъ нея.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Прочь золотая пчелка, прочь! Откуда Ты прилетѣла! Собирай съ цвѣтовъ Душистый медъ. Не приставай, мѣшаешь Мнѣ бабушкинымъ гребнемъ волоса Расчесывать. Домой—того гляди— Вернется бабушка, браниться будетъ. Оставь меня! Чего тебѣ далась я? Вѣдь я не розанъ, на губахъ моихъ Нѣтъ меда сладкаго. Лети-ка лучше Черезъ ручей, туда, къ лѣсной опушкѣ: Тамъ золотоцвѣтъ растеть, растутъ фіалки, Вползи въ ихъ чашечки и пей въ нихъ медъ.

Ну, убирайся же скорѣе, право!
 Ты знаешь, бабушка тебя не любитъ:
 Она сердита на тебя за то,
 Что въ церковь на рождественскія свѣчи
 Ты доставляешь воскъ... Эй, эй, дымокъ!
 Спустишь ко мнѣ скорѣе изъ трубы
 И прогони своей струею пчелку!..

Пчела улетаетъ.

Что, улетѣла! Наконецъ-то.

Расчесываетъ нѣсколько мгновений волосы, потомъ наклоняется
 въ колодезь и кричитъ:

Дѣдъ!

Дѣдъ! Водяной!.. Не слышитъ... Дай спою
 Я пѣсенку любимую мою.

Не знаю откуда пришла я

И выросла гдѣ я,

Не знаю—я птичка лѣсная,

Иль фея.

Но развѣ кто знаетъ:

Откуда цвѣтокъ, что кругомъ

Во мракѣ лѣсномъ

Ароматъ разливаютъ?

Снова кричитъ въ колодезь:

Водяной дѣдушка! Поднимись-ка наверхъ. Бабушка
 ушла въ лѣсъ. Мнѣ скучно одной! Расскажи мнѣ что-
 нибудь. Потѣши меня. Я за это утащу для тебя ночью
 чернаго пѣтуха изъ курятника. Слышишь?
 Вотъ заплескалъ, забулькалъ. Побѣжали
 Серебряные шарики. Сейчасъ
 Онъ вынырнетъ и зеркало колодца,
 Въ которое я весело люблюсь,
 Онъ разобьетъ косматой головою...

Смотритъ въ колодезь и говоритъ со своимъ отраженіемъ:

А, здравствуй милочка! Какъ звать тебя?
 Раутенделейнъ? Вѣдь ты себя считаешь
 Красивѣе всѣхъ дѣвушекъ на свѣтѣ?

Что? что ты говоришь? Ты на себя
 Указываешь? Да, ты хороша,
 Какъ фея. Волосы твои соткали
 Изъ солнечныхъ лучей и тамъ, въ водѣ,
 Они блестятъ, какъ золотая сѣтка
 Для золотыхъ раскинутая рыбокъ.
 Ты хочешь быть прекраснѣе меня?
 Ахъ, глупенькая дѣвочка! Я брошу
 Въ колодезь камень и исчезнешь ты
 Со всей своей чудесной красотою,
 А я такой же, какъ была, останусь!..

Дѣдушка! Водяной дѣдушка! Да выходи же. Помоги мнѣ скоротать время. А, вотъ и онъ!

Водяной поднимается изъ колодца до груди.

Ха, ха, ха! Ну и хорошъ же ты, дѣдушка! Вотъ всякій разъ такъ: кличешь тебя, а какъ ты вылѣзешь, такъ мурашки отъ страху забѣгаютъ.

ВОДЯНОЙ.

Брекекекексъ!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ, передразнивая

Брекекекексъ. Только и знаешь! Весной пахнетъ, а ты дивишься этому. Всѣ это чуютъ — и послѣдняя ящерица и комаръ, и земляной червякъ, и форель въ ручьѣ, и выдра, и водяная мышь, и муха, и всякая былинка. А водяной дѣдушка ничего-ничего не подзрѣваетъ.

ВОДЯНОЙ, злится и надувается.

Брекекекексъ!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Что ты заспался, что ли? Ничего не видишь не слышишь.

ВОДЯНОЙ.

Брекекекексъ, какъ ты дерзка! Ахъ, ты, обезьяна, обезьяна! Выдра ты рѣчная, пиголица, скорлупка отъ яйца кузнечика! Я бы тебѣ и еще сказалъ... квараксъ! квараксъ!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ну что ты осерчалъ, дѣдушка. Я и безъ тебя попляшу. У меня всегда найдутся товарищи: на то я красива, мила и молода [поетъ]:

Я мила, я молода!

ЛѢШІЙ, за сценой.

Го-го-го!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

А, лѣшенька! поди сюда, поди,
Со мною попляши.

Лѣшій, съ козлиными ногами и козлиной бородой выскакиваетъ на поляну, комически припрыгивая.

ЛѢШІЙ.

Я не умѣю

Плясать по вашему, за то въ прыжкахъ
За мною и козлу не угоняться.

А если прыгать ты со мной не хочешь,—

Пойдемъ-ка феечка туда, въ кусты,

Тамъ не слышать ни пѣнья пѣтуха,

Ни бульканья ручья. Тамъ я потѣшу

Тебя игрой на дудочкѣ волшебной. Обнимаетъ ее.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ, вырываясь.

Къ себѣ зовешь меня ты?

Ахъ, ты, косматый!

Ахъ, козьи ноги!

Живи въ своей берлогѣ,

Подъ старою сосною,
 Съ лѣшачихой-женою.
 Пусть, коли ей не лѣнь,
 Она родить тебѣ каждый день
     Лѣшенятъ грязныхъ
     И безобразныхъ;
 А въ воскресенье заразъ четверыхъ:
     Вотъ въ недѣлю-то ихъ
 И выйдетъ ровно десятокъ
     Козленятокъ!
     Ха, ха, ха!..
     Убѣгаетъ въ хижину.

водяной.

Брекекекекскъ, экая проказница, чтобъ ее черти взяли!

лѣшій, бросившійся было за феей
возвращается.

Недурно бы прибрать ее къ рукамъ.

Вынимаетъ короткую трубку и закуриваетъ, черкнувъ огнемъ
объ копыто. Молчаніе.

водяной.

Ну какъ дѣла у васъ въ лѣсу?

лѣшій.

Да такъ, понемножку,
 Изъ кулька въ рогожку.
 У васъ тутъ внизу тепло, благодать,
 А у насъ наверху, въ горахъ,
 Какъ начнетъ гроза бушевать,
     Такъ просто а-ахъ!
 Тучи несутся, несутся
 Да потомъ дождемъ разольются:
     Изволь въ сырости—мокромъ жить.
     Свинство одно—что и говорить!

водяной.

Новенькаго ничего нѣту?

лѣшій.

Вчера была новинка: поѣлъ перваго щавелю. А сегодня по утру вышелъ прогуляться въ нашъ большой лѣсъ, спускаюсь по скаламъ, глядь—люди землю роютъ, ломаютъ камень. Сущій грабежъ! Вѣрно хотятъ строить часовни да церкви. Терпѣть не могу проклятаго колокольнаго звона.

водяной.

Да, не очень-то весело гудить.

лѣшій.

Вонъ, погляди, тамъ, на самомъ краю обрыва новая церковь. Росписныя стекла. Колокольня высокая, крестъ въ самое небо. Кабы не я, съ этой колокольни ревомъ ревѣлъ бы колоколь и мучилъ насъ своимъ гудѣньемъ. А теперь онъ лежитъ на днѣ озера. Да, ловкая вышла штука! Стою я, прислонясь къ сосновому пню, пожевываю травку да смотрю на церковь. Вдругъ изъ травы ко мнѣ прыгъ русалочка. И начала болтать. У насъ, говоритъ, теперь около озера кипитъ работа: лягушки икру мечутъ, и пошла, и пошла. А люди, говоритъ, изъ долины наверхъ что-то везутъ, кадушку, что ли, какую-то желѣзную. Хлопаютъ бичами, кричатъ. Даже смотрѣть страшно. Толкуютъ, что эту штуку люди хотятъ поднять высоко, высоко, на колокольню, да каждый день въ нее бить желѣзнымъ языкомъ, чтобы пугать и мучить всѣхъ добрыхъ духовъ. Ну, говорю я, это мы еще посмотримъ. Русалочка ушла, а я тотчасъ же къ стаду козъ. Вслась нососался молока. Цѣлыхъ три ведра выдулъ: го-го-го, думаю себѣ, пусть-ка теперь подоить козочекъ скот-

ница—ни капельки не выдоить. А потомъ сталъ я на краю скалы. Тутъ должны были проѣхать и лошади, и люди. Хорошо. Поползъ я за ними слѣдомъ, прячась за камнями и кустарникомъ. Восемь здоровыхъ ломовыхъ лошадей тащили чудовище. Храпятъ, натуживаются въ упряжи. Остановятся запыхавшись, ноги дрожатъ. А потомъ опять примутся тащить. Смекнулъ я, какъ лѣшій, что надо коньковъ избавить отъ лишняго труда, да и хватъ за колесо. Спица треснула. Колоколь покачнулся, а я еще подтолкнулъ повозку: онъ и рухнулъ въ озеро. Какъ онъ прыгалъ по камнямъ, ухъ, ухъ, ухъ! Какъ гудѣлъ: только эхо отдавалось. Внизу съ плескомъ приняли его глубокія воды. Пусть онъ тамъ и останется: ему тамъ покойно лежать.

Во время разсказа лѣшаго начало смеркаться. Нѣсколько разъ въ лѣсу раздавались крики о помощи. Входитъ литейщикъ Генрихъ, измученный, съ блѣднымъ, грустнымъ лицомъ. Онъ съ трудомъ пробирается къ хижинѣ. Лѣшій немедленно скрывается. Водяной прячется въ колодезь.

ГЕНРИХЪ.

Я заблудился. Помогите. Въ пропасть
Свалился я. Послушайте! Откройте
Мнѣ дверь... Ахъ, я не въ силахъ больше...

Падаеть безъ чувствъ на траву. Пурпуровыя облака плывутъ надъ горами. Солнце зашло. Легкій ночной вѣтерокъ. Старая Виттиха съ корзиной на спинѣ выходитъ изъ лѣсу. У нея сѣдая, непокрытая голова; лицо похоже на мужское; подбородокъ обросъ пухомъ.

ВИТТИХА.

Рутандля! Поди-ка сюда, помоги мнѣ стащить корзину. Больно ужъ я нагрузилась. Рутандля! Да иди же! Силушки моей не хватаетъ. Куда это дѣвка запропастилась?

Пролетаетъ летучая мышь.

Эй, эй, мышка, постой-ка. Звякни крыломъ въ оконце: тутъ ли дѣвчонка-то моя? Кликни ее, пусть идетъ сюда. Охъ быть сегодня ненастью.

Грозить небу, на которомъ блеститъ блѣдная зарница.

Ну, ну, полегче, Торъ! Не очень-то сверкай своей красною бородою. Эй, Рутандля!

Обращаясь къ шмыгнувшей мимо бѣлкѣ.

Бѣлочка, бѣлочка, у тебя проворныя ноги, я дамъ тебѣ орѣшковъ: сбѣгай-ка, покличь Рутандлю.

Увидѣвъ лежащаго Генриха.

Это что такое? Кто это тутъ валяется? Эй, ты, парень? Кажись, не слышишь. Ужъ не мертвый ли? Рутандля! Вотъ еще напасть! И безъ того мнѣ надоѣли пасторъ и бургомистръ. И такъ загнали, какъ собаку. А коли найдутъ у меня мертвое тѣло, такъ прощай моя избушка. Спялятъ ее, какъ лучинку. Эй, парень! Вставай! Не слышитъ...

Раутенделейнъ выходитъ изъ хижины и оглядывается вопросительно.

Ну, наконецъ-то пожаловала. Глянь-ка-сюда: у насъ гость, да еще какой! Тихій, смирный. Тащи-ка охапку сѣнца да постели ему.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Въ избѣ?

ВИТТИХА.

Ну, вотъ еще—въ избѣ! Здѣсь постели. Не принцъ какой—въ горницѣ валяются.

Уходить въ хижину.

II.

Раутенделей выходитъ изъ хижины съ охапкой сѣна. Становится на колѣни около Генриха. Онъ открываетъ глаза.

ГЕНРИХЪ.

Гдѣ я? скажи мнѣ, доброе дитя.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Въ горахъ.

ГЕНРИХЪ.

Въ горахъ? Но какъ сюда попалъ я?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Не знаю. Перестань объ этомъ думать,
Вотъ мохъ и сѣно. Лягъ и отдохни.
Тебѣ покой необходимъ.

ГЕНРИХЪ.

Ты правду
Сказала. Успокойся мнѣ надо.
Но не могу я, не могу...

Хочу

Тревожно.

Я знать: какъ это все со мной случилось?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Я, какъ и ты, не знаю.

ГЕНРИХЪ.

Это сонъ...

Я сплю и мнѣ во снѣ все это снится.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Вотъ молоко. Ты обезсиленъ. Надо
Тебѣ напиться.

ГЕНРИХЪ.

Дай.

Пьетъ изъ кружки, которую она придерживаетъ.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Сдается мнѣ,

Что не привыченъ ты къ горамъ. Должно быть,
 Ты изъ породы тѣхъ людей, что тамъ
 Живутъ, въ долинѣ. Вотъ, намедни тоже
 Одинъ охотникъ, за козой гоняясь,
 Сорвался и убился на-смерть здѣсь.
 Мнѣ кажется, однако, что онъ былъ
 Совсѣмъ не то, что ты.

ГЕНРИХЪ, пристально и съ востор-
 женнымъ удивленіемъ смотритъ на нее.

О, говори,

Еще, еще!... Твое питье—услада,
 Но рѣчь твоя еще мнѣ слаще.

Снова ослабѣваетъ, одолѣваемый своими мыслями.

Да,

Онъ былъ не то, что я, онъ былъ сильнѣе,
 И все жъ упалъ онъ... Говори, дитя,
 Еще, еще...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Что толку въ разговорахъ,
 Пойду-ка лучше зачерпну воды
 Въ колодцѣ свѣжей и тебѣ омою
 И пыль и кровь съ лица.

ГЕНРИХЪ, умоляющимъ голосомъ.

Постой, постой,

Не уходи!

Раутенделейнъ, которую онъ удерживаетъ за руку, останавли-
 вается въ нерѣшимости.

ГЕНРИХЪ.

Смотри въ мои глаза
Загадочными, чудными очами.
Ты знаешь ли, въ твоихъ очахъ сіяетъ
Весь божій міръ прекрасный: горы, небо
И облачка летящія, какъ птицы,
И снова манитъ онъ меня привѣтно...
Не уходи дитя, не уходи.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Коль хочешь, я останусь.

ГЕНРИХЪ, въ лихорадочномъ жару,
умоляя.

Да, останься,
Останься... Ты—дитя. Не знаешь ты,
Чѣмъ для меня ты можешь быть... Останься
И не буди меня... Я расскажу
Какъ я упалъ... нѣтъ, нѣтъ, я буду
Твой слушать голосъ чистый и небесный,
Что жъ ты замолкла? Отчего, дитя,
Не говоришь ты, не поешь?.. Упалъ я,—
Вѣдь я тебѣ сказалъ... Не знаю, какъ
Случилось это... Скалы подо мною
Обрушились, нарочно ль я упалъ
Или нечаянно—Богъ вѣсть... Сорвался
И покотился въ пропасть...

Возбужденно.

Но успѣлъ
За вѣтку дикой вишни ухватиться,
Да, да, за вѣтку вишни... Изъ скалы
Она росла... Вдругъ вѣтка обломилась,
А я, держа ее въ рукѣ и весь
Осыпанный цвѣтами съ дерева,
Понесся въ бездну темную и умеръ...

Но вотъ теперь я живъ... Скажи, скажи,
Что умеръ я. Скажи, чтобъ не будили
Меня теперь.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Мнѣ кажется, ты живъ.

ГЕНРИХЪ.

Я знаю. Прежде этого не зналъ я:
Не зналъ, что жизнь, есть смерть, а смерть есть жизнь.
Съ тоскою.

Да, я упалъ. И колоколъ упалъ.
Упали оба мы: и онъ, и я.
Я прежде, онъ за мной. Иль это было
Наоборотъ? Кто знаетъ! Все равно:
То было въ жизни, а теперь я умеръ...

Ласково.

Не отходи! Рука моя блѣдна,
Отяжелѣла, какъ свинець, мнѣ трудно
Ее поднять. Волна твоихъ волосъ
Ее цѣлить, какъ воды Силоама.
Какъ ты прекрасна... О, не уходи..
Моя рука честна,—а ты—святая...
Тебя я видѣлъ раньше... Гдѣ жъ я видѣлъ?..
Вѣдь для тебя я долго такъ боролся...
О, я хотѣлъ, чтобъ колокола мѣдъ
Звучала голосомъ твоимъ небеснымъ
И сочеталась съ золотомъ лучей
Въ воскресный день сіяющаго солнца!
Достичь такого совершенства я
Не могъ, не могъ... и плакалъ я слезами
Кровавыми...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ты плакалъ? Какъ же такъ?
Я не могу понять. Что значить—слезы?

ГЕНРИХЪ, сѣлясь приподняться.

Приподними меня, приподними,
Прелестное видѣнье.

Она приподнимаетъ Генриха.

Если сердцемъ

Ты мнѣ сочувствуешь—освободи
Меня своею любящею рукою
Отъ этой жизни, отъ земли суровой,
Гдѣ пригвожденъ я будто на крестѣ.
Освободи меня! Ты это можешь.
Ты можешь также снять вѣнокъ терновый,
Что сжалъ мнѣ лобъ. Не нужно мнѣ вѣнка.
Я одного хочу: любви.

Онъ принимаетъ полулежачее положеніе. Утомленно.

Благодарю,

Вотъ такъ.

Растерянно.

Здѣсь хорошо. Шумятъ деревья
И сосны темныя, какъ будто руки
Привѣтливо протягиваютъ мнѣ,
Торжественно качая головами;
И вѣтъ лѣсъ какой-то чудной сказкой...
Да, сказкой. Это сказка шепчетъ тамъ
И шелеститъ листочками и пѣсни
Поетъ въ травѣ... Смотри, смотри—она
Идетъ сюда въ одеждѣ изъ тумана
И на меня показываетъ блѣднымъ,
Прозрачнымъ пальцемъ... ближе, ближе... вотъ
Коснулась слуха моего и взора
И вдругъ исчезла—ты одна осталась...
Ты—сказка. Сказка, поцѣлуй меня.

Впадаетъ въ обморокъ.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ, про себя.

Ты странно говоришь. Не понимаю
Тебя я.

ГЕНРИХЪ, въ бреду.

Сказка, поцѣлуй меня.

Смерклось.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ, пристально вглядывается въ него и вдругъ вскрикиваетъ въ ужасѣ и тоскѣ.

Бабушка!

ВИТТИХА, изъ хижины.

Что, внучка?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Поди, поди сюда!

ВИТТИХА.

Ступай сама сюда. Надо развести огонь.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Бабушка, помоги ему! Онъ умираетъ, бабушка!

На порогѣ хижины появляется Виттиха. Въ одной рукѣ у ней горшокъ молока, другою она манитъ кошку.

Кисъ, кисанька, ко мнѣ.

Обращаясь къ лежащему Генриху.

Ну, что тамъ за напасть? Умеръ онъ, что ли?

На то онъ и человѣческое отродье, чтобы умереть.

Кисъ, кисъ! Вотъ твое молочко. Гдѣ же кисанька?

Сюда! ко мнѣ!

Лѣсные гномы!

Вотъ молоко—

Вамъ полокать,

Вотъ мягкій хлѣбъ—

Вамъ пожевать.

Десять маленькихъ уродливыхъ гномовъ торопливо выбѣгаютъ изъ чаши и бросаются къ кринкѣ съ молокомъ.

Потише, потише!

Распрыгались словно мыши.

Что за возня?
 Каждому кусочекъ,
 Каждому глоточекъ
 Есть у меня.
 Такъ торопиться
 Совсѣмъ не годится:
 Каждый бери свою долю.
 Поѣли, попили въ волю
 И убирайтесь:
 Въ лѣсъ возвращайтесь!

Гномы убѣгаютъ въ лѣсъ. Выходитъ луна. На скалѣ, надъ избушкой, показывается лѣшій. Приложивъ руки ко рту въ видѣ трубы, онъ кричитъ, подражая эху.

ЛѢШІЙ.

Помогите! Помогите!

ВИТТИХА.

Что тамъ еще стряслось?

Издалека въ лѣсу слышны крики: «Генрихъ! Генрихъ!»

ЛѢШІЙ.

Помогите! Помогите!

ВИТТИХА.

Полно-ка тебѣ морочить людей своими глупыми проказами. Извѣстно, что тебѣ любо: украсть у крестьянина посуду, взбѣсить собаку, завести путника на болотистыя кочки, чтобы онъ голову потерялъ, да ноги поломалъ.

ЛѢШІЙ.

Смотри, бабка,
 У самой-то подъ ногами не гладко.
 Побереги свои старыя кости.
 Къ тебѣ идутъ важные гости:
 Цирюльникъ съ мыломъ и бритвой,

Школьный учитель съ линейкой
 Да господинъ пасторъ съ молитвой.
 Потолкуютъ съ тобой, старой лиходѣйкой.
 Крики ближе: «Генрихъ!»

ЛѢШІЙ.

Помогите!

ВИТТИХА.

О, проклятый орало!
 Чтобъ тебя разорвало!
 Накликалъ гостей мнѣ на шею.
 Грозить лѣшему кулакомъ.

Ну, да я отплатить тебѣ сумѣю,
 Подожди ужо вотъ:
 Нападетъ на тебя комаръ да оводъ:
 Такъ начнутъ кусаться,
 Что не будешь знать куда дѣваться!

ЛѢШІЙ, злорадно.

Ну, бабушка, эта бѣда
 Пожалуетъ ко мнѣ еще когда!
 А твои-то гости ужъ идутъ сюда.
 Скрывается.

Пускай ихъ идутъ. Какое мнѣ до нихъ дѣло.
 Обращаясь къ Раутенделейнъ, которая не можетъ оторвать
 глазъ отъ Генриха.

Ступай въ избу. Гаси огонь. Пора спать. Провор-
 нѣй, проворнѣй!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ, мрачно и упрямо.

Не хочу.

ВИТТИХА.

Не хочешь?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Не хочу, бабушка.

ВИТТИХА.

Что такъ?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Они возьмутъ его.

ВИТТИХА.

Ну, такъ что жъ?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Не надо, чтобы брали.

ВИТТИХА.

Полно, полно, дѣвка. Пойдемъ. Оставь его. Пусть себѣ лежитъ. Пусть они дѣлаютъ съ нимъ, что хотятъ. Вѣдь долженъ же онъ помереть. Ну и пусть помираетъ. Таеъ-то лучше будетъ: перестанетъ мучиться тѣломъ и душою.

ГЕНРИХЪ, въ бреду.

Восходитъ солнце!

ВИТТИХА.

Вишь ты: не видывалъ онъ солнца. Пойдемъ. Пускай лежитъ. Я вѣдь добра тебѣ желаю. Уходитъ. Раутенделейнъ, оставшись одна, прислушивается. Снова слышны крики: Генрихъ! Генрихъ! Она проворно ломаетъ вѣтку въ цвѣту.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ, чертитъ вѣткой кругъ,
приговаривая.

Волшебной вѣткой кругъ черчу волшебный,
Какъ бабушка меня учила.
Останься здѣсь. Въ моей ты будешь власти.
Пусть не подступится никто къ тебѣ
Ни дѣвушка, ни мальчикъ, ни мужчина.
Скрывается въ темнотѣ.

III.

Пасторь, цирюльникъ и школьный учитель выходятъ одинъ за другимъ изъ лѣсу.

ПАСТОРЬ.

Я вижу свѣтъ.

УЧИТЕЛЬ.

И я тоже.

ПАСТОРЬ.

Гдѣ же мы?

ЦИРЮЛЬНИКЪ.

Богъ знаетъ. Вотъ опять кричатъ: «помогите, помогите!»

ПАСТОРЬ.

Это голосъ мастера Генриха.

УЧИТЕЛЬ.

Я ничего не слышу.

ЦИРЮЛЬНИКЪ.

Голосъ слышится оттуда — сверху.

УЧИТЕЛЬ.

Сверху? Но какъ же это такъ? Вѣдь если бы можно было падать на небо, такъ это могло бы быть. Но всегда падаютъ какъ разъ наоборотъ: съ горы въ долину, а не изъ долины въ гору. Я готовъ поклясться душой: мастеръ лежитъ тамъ, футовъ на пятьдесятъ ниже. А не здѣсь наверху.

ЦИРЮЛЬНИКЪ.

Фу, ты, пропасть! Да развѣ вы не слышали, какъ онъ кричалъ тутъ? Если это не былъ голосъ мастера

Генриха, такъ я готовъ обрить бороду самому Рубецалу! Это также вѣрно, какъ то, что я знаю свое ремесло. Вотъ опять зовегъ, слышите, слышите?

УЧИТЕЛЬ.

Гдѣ?

ПАСТОРЪ.

Прежде всего, господа, объясните мнѣ, гдѣ мы теперь? У меня все лицо испарано. Я едва волочу ноги. Подошвы ноютъ. Я дальше не пойду.

Снова крикъ «помогите!»

ПАСТОРЪ.

Опять кричатъ.

ЦИРЮЛЬНИКЪ.

И близехонько отъ насъ. Десяти шаговъ не будетъ.

ПАСТОРЪ, садится въ изнеможеніи.

Меня будто четверговали. Право, четверговали, любезные друзья. Я не въ силахъ идти дальше. Ради Бога, оставьте меня здѣсь. Бейте меня до синяковъ— я не двинусь съ мѣста. Я больше не могу. Такой торжественный праздникъ и какъ окончился! Праведное небо, кто бы могъ это подумать. А этотъ колоколъ! Лучшее созданіе благочестиваго мастера— и вдругъ въ воду! Ахъ, ахъ, пути Провидѣнія неисповѣдимы.

ЦИРЮЛЬНИКЪ.

Вы, господинъ пасторъ, спрашивали, гдѣ мы? Такъ позвольте вамъ дать добрый совѣтъ: уйдемте отсюда поскорѣй. Я лучше соглашусь голымъ переночевать въ осиномъ гнѣздѣ, чѣмъ тутъ. Вѣдь это— да охранить насъ Богъ—та самая поляна, гдѣ стоитъ лачуга старой Виттихи. Проклятая вѣдьма! Уйдемте, уйдемте скорѣй!

ПАСТОРЪ.

Я не могу двинуться.

УЧИТЕЛЬ.

Да, да, уйдемте, прошу васъ. Колдовство — ничего, колдовства я не боюсь. Но хуже этого мѣста не найти. Тутъ притонъ всякой сволочи, воровъ. Объ этомъ мѣстѣ въ народѣ худая молва. Тутъ разбойничаютъ, убиваютъ. Это похуже колдовства.

ЦИРЮЛЬНИКЪ.

Господинъ учитель, вы сильны въ таблицѣ умноженія. Не отрицаю. Но есть еще кое-что, кромѣ таблицы умноженія. Не дай вамъ Богъ узнать, что такое колдовство. Тутъ, въ своей норѣ прикурнула вѣдьма, безобразная, какъ жаба. Она вамъ пошлетъ всякое лихо: болѣзнь въ домъ, чуму на вашъ скотъ, коли онъ у васъ есть. Коровы начнутъ давать кровь вмѣсто молока, у овецъ разведется червь, на лошадей найдетъ сапъ. У дѣтей будетъ цынга, а то и еще хуже, коли вздумается вѣдьмѣ: зобы, нарывы.

УЧИТЕЛЬ.

Ну, вы фантазируете. Ночь затемнила вамъ рассудокъ. Толкуете о вѣдьмахъ. А я вамъ говорю — я своими глазами видѣлъ его.

ПАСТОРЪ.

Кого?

УЧИТЕЛЬ.

Да кого мы ищемъ: мастера Генриха.

ЦИРЮЛЬНИКЪ.

Э-э, господинъ учитель, эта колдунья кричала его голосомъ.

ПАСТОРЪ.

Да, тутъ замѣшалась нечистая сила.

УЧИТЕЛЬ.

Какая тамъ нечистая сила! Дважды-два—всегда четыре, а не пять. Никакихъ вѣдьмъ не существуетъ. А вотъ тамъ дѣйствительно лежитъ нашъ мастеръ-литейщикъ. Въ это я также вѣрю, какъ въ спасеніе моей души. Вотъ смотрите, смотрите, луна выходитъ изъ-за тучи. Теперь видно, господа. Ну, развѣ я не правъ?

ПАСТОРЪ.

Въ самомъ дѣлѣ это нашъ мастеръ.

ЦИРЮЛЬНИКЪ.

Мастеръ-литейщикъ!

Всѣ трое бросаются туда, гдѣ лежитъ Генрихъ, но не могутъ переступить волшебный кругъ и отшатываются въ разныя стороны.

ПАСТОРЪ.

Ой!

ЦИРЮЛЬНИКЪ.

Ой!

УЧИТЕЛЬ.

Ой!

Съ вѣтвей сосны соскакиваетъ Раутенделейнъ и, мелькнувъ на мгновеніе, исчезаетъ съ демоническимъ насмѣшливымъ хохотомъ.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ха-ха-ха!

Пауза.

УЧИТЕЛЬ, въ недоумѣніи.

Что это такое было?

ЦИРЮЛЬНИКЪ.

То-то вотъ: что это такое было?

ПАСТОРЪ.

Слышался смѣхъ.

УЧИТЕЛЬ.

У меня искры посыпались изъ глазъ. Точно кто обухомъ по головѣ хватилъ.

ПАСТОРЪ.

Вы слышали смѣхъ?

ЦИРЮЛЬНИКЪ.

Я слышалъ. Кто-то смѣялся и скрежеталъ зубами.

ПАСТОРЪ.

Кто-то захохоталъ. Вонъ тамъ, на соснѣ, что качается теперь, освѣщенная блѣдной луною. Да, вонъ тамъ, гдѣ сейчасъ пролетѣла и прокричала сова.

ЦИРЮЛЬНИКЪ.

Ага, теперь вы вѣрите тому, что я говорилъ про вѣдьму. Ну-съ, что же, вы хорошо себя чувствуете? Или у васъ, какъ у меня, мурашки по спинѣ? Говорю вамъ: тутъ вѣдьма, исчадье сатаны.

ПАСТОРЪ.

Кто бы тутъ ни былъ, мы войдемъ туда. Лукавство сатаны выразилось уже въ томъ, что онъ сбросилъ съ обрыва и колоколь и благочистиваго мастера, его соорудившаго. Но насъ подкрѣпить небо. Я поступъ въ эту лачугу.

ЦИРЮЛЬНИКЪ.

Не дѣлайте этого.

ПАСТОРЪ.

Нѣтъ, постучусь.

Стучится въ дверь хижины.

ВИТТИХА, за дверью.

Кто тамъ?

ПАСТОРЪ.

Христіанинъ.

ВИТТИХА.

Христіанинъ или язычникъ—что вамъ надо?

ПАСТОРЪ.

Женщина, именемъ Бога, котораго ты не признаешь...

ВИТТИХА.

Вишь ты какъ благочестиво начинаешь...

УЧИТЕЛЬ.

Заткни глотку, проклятая вѣдьма! Ни слова больше. Мѣра переполнена и твой часъ пришелъ! За твою гнусную жизнь и твои гнусныя дѣла тебя ненавидятъ въ народѣ. Если ты не будешь дѣлать, что тебѣ велятъ, смотри: къ утру на твоей лачугѣ запоетъ красный петухъ. Взлетитъ твое дьявольское гнѣздо дымомъ.

ЦИРЮЛЬНИКЪ, труся.

Я не боюсь твоего сглаза, кошка проклятая. Что ты глазѣешь на меня? Куда бы ты ни взглянула, я отчураюсь. Вотъ плюю и говорю: чуръ меня... Ну, выдавай его, тебѣ говорятъ.

ПАСТОРЪ.

Женщина, оставь свои дьявольскія козни. Вотъ тутъ лежитъ мастеръ-литейщикъ, божій слуга, которому данъ свыше даръ...

ВИТТИХА, подвигаясь туда, гдѣ ле-
жить Генрихъ.

Ну, ну, довольно. Берете его, коли онъ вамъ ну-
женъ. Мнѣ-то что? Развѣ я ему что-нибудь сдѣлала?
Пусть себѣ живетъ, коли можетъ. Только, кажется,
долго-то не проскрѣпитъ. Вишь ты, мастеръ! Его ма-
стерство для насъ не важно. Вѣдь это вамъ только
любо слушать звонъ колокола, что отлилъ этотъ па-
рень: у васъ такія уши, которыя ничего не слышать...
Что жъ, берите носилки, тащите его домой, вашего
великаго мастера! Вставай! Ты нуженъ пастору, чтобы
помогать ему говорить проповѣди; учителю, чтобы помо-
гать сѣчь ребятъ; цирюльнику, чтобы помогать взби-
вать мыло.

Генриха кладутъ на носилки; цирюльникъ и учитель поднима-
ютъ ихъ.

ПАСТОРЪ, Виттихъ.

Порочная, безстыдная баба! Замолчи. Иди своей
дьявольской дорогой. Иди...

ВИТТИХА.

Будетъ, будетъ. Мнѣ не нужно проповѣди. Я знаю
по-вашему, все на землѣ—грѣхъ. Земля—большой
гробъ. Голубое небо—крышка на гробѣ.

Охъ, проповѣдники! На себя бы сперва вы посмотрѣли.
Вы-то больно хороши...

ПАСТОРЪ.

Замолчишь ли ты, слуга дьявола!

ЦИРЮЛЬНИКЪ.

Ради Бога, не раздражайте проклятую вѣдьму.
Не-то намъ придется плохо.

Пасторъ, учитель, цирюльникъ уходятъ, унося Генриха.

IV.

Мѣсяцъ выходитъ изъ-за тучъ. Ночная тишина. Появляется изъ
лѣсу первая, вторая и третья эльфы и кружатся, сплетаясь ру-
ками.

ПЕРВАЯ, шопотомъ.

Сестры!

ВТОРАЯ.

Сестры!

ПЕРВАЯ.

Надъ скалою
Блѣдный мѣсяцъ въ облакахъ,
И прохладной вѣетъ мглою
И въ ущельѣ и въ горахъ,
И на озерѣ волна
Спитъ недвижно-холодна.

ВТОРАЯ.

Ты откуда?

ПЕРВАЯ.

Тамъ, гдѣ съ кручъ,
Льетъ бурный водопадъ,
Гдѣ, дробя сребристый лучъ,
И грохочуть, и шумятъ,
Брызжа пѣною, валы,—
Изъ разсѣлины скалы
Вышла я, чтобъ видѣть васъ.

ТРЕТЬЯ.

Въ часъ ночной, волшебный часъ,
Заводите хороводъ!

ВТОРАЯ.

Ты откуда?

ТРЕТЬЯ.

Тамъ, у скалъ,
 Блещеть озера кристалль,
 Въ глубину бездонныхъ водъ
 Смотрять звѣзды, золотясь.
 При сіяніи луны,
 Изъ серебряной волны
 Я взвилась и понеслась
 Въ чистомъ воздухѣ небесъ
 Черезъ горы, черезъ лѣсъ.

ЧЕТВЕРТАЯ, появляется.

Сестры!

ПЕРВАЯ.

Къ намъ, сестра, сюда!

ВСѢ.

Вейтесь въ сумракѣ ночномъ!

ЧЕТВЕРТАЯ.

Изъ сосѣдняго пруда
 Я всплыла тайкомъ, тайкомъ.

ВСѢ.

Заводите хороводъ!

Молнія блещеть чаще и чаще. Вдали раскаты грома. Раутен-
 делейнъ появляется на порогѣ хижины и останавливается, за-
 кинувъ руки за голову. Луна освѣщаетъ ее.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Эльфы!

ПЕРВАЯ.

Кто-то насъ зоветъ?

ВТОРАЯ.

Ахъ, проклятый, старый сукъ!
Разорвалъ онъ платье мнѣ.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Эльфы въ вашъ волшебный кругъ
Я хочу, чтобъ при лунѣ
Закружиться съ вами въ ладъ.
Поглядите мой нарядъ
Сотканъ весь изъ серебра:
Это бабушка ткала.
Эльфа, смуглая сестра,
Посмотри и я смугла,
Звѣздъ лучи въ моихъ глазахъ.
Эльфа свѣтлая, въ кудряхъ
Золотистыхъ, посмотри:
Краснымъ пламенемъ зари
Волоса мои блестятъ,
Льютъ волну вслѣдъ за волной
На плеча, вокругъ смуглыхъ щекъ:
Точно быстрый ручеекъ
Золотится подъ луной.

ЭЛЬФЫ, хоромъ.

Часъ полуночный насталь,
Вейтесь, вейтесь и пляшите!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Въ воду колоколь упаль:
Гдѣ лежитъ онъ, гдѣ—скажите?

ЭЛЬФЫ.

Слышенъ громъ. Гроза идетъ.
Заводите хороводъ!
Легкой, рѣзвою ногою
Не касайтесь земли:

Тамъ унизаны росю
 Маргаритки расцвѣли,
 Тамъ синѣютъ незабудки.

Лѣшій выскакиваетъ козлиными прыжками. Гроза усиливается. Въ продолженіе слѣдующей сцѣны сильные удары грома и ливень.

ЛѢШІЙ.

А вотъ я вдругъ наскочу—
 Ихъ копытомъ растопчу!
 Лѣшій я, мнѣ любы шутки!
 Если брызги—разъ и два!—
 Вдругъ взлѣтаютъ изъ болота,
 Иль шуршитъ въ лѣсу трава:
 Это все моя работа!
 Темной ночью, въ свѣтѣ дня,
 Жизнь кипитъ вокругъ меня.
 Жизнь всю тварь веселью учитъ
 И къ любви всю тварь зоветъ:
 Отвѣчаетъ кошкѣ котъ,
 Чуть кошурка замаячитъ;
 Зареветъ на сѣнѣ быкъ—
 Отзовется телка въ мигъ;
 Мошки, малыя пичужки,
 Лошадь, заяцъ и олень,
 Жабы, бабочки, лягушки,—
 Всѣ хлопчуть о подружкѣ,
 Никому любить не лѣнь!

Хватаетъ одну изъ эльфъ и убѣгаетъ съ нею въ лѣсъ. Остальныя эльфы разбѣгаются. Раутенделейнъ стоитъ одна, задумавшись. Гроза утихаетъ.

ВОДЯНОЙ, поднимается изъ колодца.

Брекекекекесъ! Эй, дѣвочка, что ты стоишь тутъ?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ахъ, милый дѣдушка, мнѣ грустно, грустно.

Трогаетъ пальцемъ лѣвый глазъ.

Смотри-ка, что такое у меня?

водяной.

А что?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Да вотъ, въ глазу.

водяной.

Въ твоёмъ глазу?

Ну, что жъ такое! Покажи-ка?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Видишь,

Упала капелька мнѣ въ глазъ.

водяной.

Не съ неба ль?

Поди сюда, я погляжу.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ, показываетъ ему
слезу на пальцѣ.

Смотри:

Какая свѣтлая!

водяной.

Ахъ, что за прелесть!

Не хочешь ли, обдѣлаю ее

Я въ розовую раковину?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ладно.

Я положу ее на край колодца.

Но что же это, дѣдушка, скажи?

водяной.

Прекрасный бриллиантъ. Онъ отражаетъ

И радость міра, и печаль. Слезой

Его зовутъ.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Слезой? Да, мнѣ сдается,
Я плакала. Теперь я поняла,
Что значитъ плакать, что такое слезы?
Скажи, скажи еще мнѣ что-нибудь...

ВОДЯНОЙ.

Поди ко мнѣ, дитя мое.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Зачѣмъ же?

И такъ мы можемъ говорить съ тобой.
Колодець твой и старъ, и мокръ. Въ немъ плѣсень
Да паутина. Мнѣ противенъ онъ.
И ты противенъ.

ВОДЯНОЙ.

Брекекекекесь!

Какъ это жалко.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Вотъ еще, еще

Такая жъ капелька.

ВОДЯНОЙ.

Весенній дождикъ!

Вдали грохочетъ Торъ. Сверкаетъ пламень
Отъ бороды его и молній свѣтъ
Прорѣзываетъ тучи, а подъ ними
Въ испугѣ стая вороновъ взвилась.
Ты чуешь ли, дитя, какъ мать-земля,
Измученная жаждой, влагу пьетъ,
Какъ травки и деревья, и букашки,
И черви радуются блеску молній?
Квараксь!

Молнія.

Небесный мастеръ зажигаетъ
 Въ долинѣ свой костеръ. Вотъ застучаль
 Желѣзный молотъ и на сотню верстъ
 Вкругъ искры разлетѣлись. Колокольня
 Колеблется и рушится, и дымъ
 Надъ нею клубомъ повалилъ...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Довольно!

Разсказывай о чемъ-нибудь веселомъ.

ВОДЯНОЙ.

О чемъ-нибудь веселомъ? Что же знать
 Ты хочешь?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ничего. Ты надоѣлъ мнѣ.

ВОДЯНОЙ.

Ты разсердилась?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Нѣтъ.

ВОДЯНОЙ.

Такъ что жъ съ тобой?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Со мной вотъ что: я бѣ уйти хотѣла
 Отъ всѣхъ отъ васъ.

Смотрить вдаль глазами, полными слезъ.

ВОДЯНОЙ.

Что сдѣлалъ я тебѣ?

Куда уйти ты хочешь? Потеряла
 Ты голову, ты хочешь убѣжать

Въ людское царство? Берегись! Вѣдь люди
 Народъ мудреный. Искони вѣковъ
 Они запутались. Живуть какъ будто
 То въ нашемъ свѣтломъ мѣрѣ, то въ своемъ,
 Наполовину здѣсь, наполовину
 Не знаютъ сами гдѣ. Не то намъ братья,
 Не то—враги, чужіе намъ. Бѣда,
 Бѣда тому изъ насъ, кто броситъ горы,—
 Волшебный, недоступный людямъ край,—
 И къ ихъ проклятому уйдетъ отродью.
 Отродье это хилое. Ихъ корень
 Въ землѣ растетъ, а между тѣмъ они
 Его оттуда сами вырываютъ
 И къ небу тянутся, а неба свѣтъ
 Не могутъ вынести и увядаютъ.
 Весенній вѣтерокъ больную вѣтвь
 Легко ломаетъ, но былинку нѣжитъ
 И оживляетъ. Брось, мое дитя,
 Мечту пустую. Ты навяжешь жерновъ
 Себѣ на шею, если къ нимъ уйдешь.
 Они тебя смутятъ. Во мглѣ туманной
 Ты будешь жить. Научишься ты плакать
 И горевать. А здѣсь всегда смѣялась.
 Ты будешь скована цѣпями ихъ
 И раздѣлять ихъ вѣчное проклятье!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Мнѣ говорила бабушка, что ты
 Умень и мудръ. Такъ погляди же: въ мѣрѣ
 Нѣтъ ручейка, нѣтъ самой тонкой струйки,
 Что не катилась бы въ людское царство.

ВОДЯНОЙ.

Брекекекексь! Но только не тебѣ
 Туда дорога. Слушай, что скажу я,
 Тысячелѣтній, опытный старикъ:

Пусть рабскіе ручки стремятся къ людямъ,—
 Что жъ люди съ ними дѣлаютъ? Ручьи
 Вертятъ колеса мельницы; полощатъ
 Въ ручьяхъ бѣлье и въ огородахъ льютъ
 Ихъ воду на капусту; заставляютъ
 Такую гадость обмывать, что мнѣ
 Противно вспомнить.

Горячо и убѣдительно.

Слушай: ты—принцесса!

Да, ты принцесса Раутенделейнъ.
 Твоя судьба—быть царскою женою.
 Есть у меня кристальный, голубой
 Вѣнецъ. Его я на тебя надѣну.
 Ты будешь жить въ чертогахъ золотыхъ,
 Гдѣ полъ и потолокъ изъ самоцвѣтныхъ,
 Сверкающихъ каменьевъ, а столы
 И кубки изъ коралловъ.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Если бы даже
 Вѣнецъ твой былъ изъ чистаго сапфира—
 Его бы не надѣла дочь твоя.
 Мнѣ золото моихъ волосъ милѣе:
 Вотъ мой вѣнецъ, его легко носить;
 И если бы твои столы и кубки
 Не изъ коралловъ были—изъ алмазовъ,
 Все жъ не пошла бы я къ тебѣ и жить
 Съ лягушками и рыбами въ водѣ,
 Въ болотѣ иль въ колодцѣ не могла бы!
 Удаляется.

ВОДЯНОЙ.

Куда жъ идешь ты?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Что тебѣ за дѣло?

ВОДЯНОЙ горестно.

Большое дѣло! Брекекекесь!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Иду,

Куда хочу.

ВОДЯНОЙ.

Да хочешь ты куда же?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Туда...

Вскидывая руки.

Въ далекое людское царство!

Исчезаетъ въ лѣсу.

ВОДЯНОЙ, испуганно.

Квараксь!

Съ воплемъ.

Квараксь!

Потише.

Квараксь. Брекекекекесь!

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Домъ литейщика Генриха. Половину задней стѣны занимаетъ глубокая ниша, въ которой устроенъ открытый очагъ; надъ потухшими углями виситъ мѣдный котелокъ. Въ другой, выступающей половинѣ стѣны окно; возлѣ него кровать. Въ боковыхъ стѣнахъ двѣ двери. Дверь слѣва ведетъ въ мастерскую; дверь справа—въ сѣни. На авансценѣ, съ правой стороны, столъ и стулья. На столѣ кувшинъ молока и коврига хлѣба. Стѣны украшены благочестивыми картинками. Раннее утро. Постепенно разсвѣтаетъ.

ФРАУ МАГДА дѣтямъ.

Смотрите, дѣти, я принесла цвѣты. За нашимъ садомъ есть мѣстечко, усѣянное этими цвѣточками. Вотъ мы и разукрасимся ими въ такой торжественный для вашего отца день.

ПЕРВЫЙ МАЛЬЧИКЪ.

Дай мнѣ.

ВТОРОЙ.

И мнѣ, и мнѣ букетикъ.

ФРАУ МАГДА.

Каждому достанется по пяти цвѣтиковъ. Вы знаете, ихъ зовутъ «ключиками неба». Пейте скорѣе молоко.

Скушайте по кусочку хлѣба. Далекъ путь до церковки, далекъ и кругъ.

СОСѢДКА, у окна.

А, вы ужъ встали, сосѣдка?

ФРАУ МАГДА.

Какъ же не встать. Я почти всю ночь не смыкала глазъ, а все-таки выспалась, какъ сурокъ. День, кажется, будетъ ясный.

СОСѢДКА.

Навѣрное, навѣрное.

ФРАУ МАГДА.

Вы, конечно, идете съ нами? Славная будетъ прогулка. Конечно, съ дѣтьми не очень-то скоро дойдешь. А я, сказать по совѣсти, сосѣдка, просто бы полетѣла. Такъ забираетъ меня радость и нетерпѣніе.

СОСѢДКА.

Развѣ мужъ вашъ не вернулся ночью?

ФРАУ МАГДА.

Вишь, чего захотѣли! Я буду довольна, коли колоколъ успѣютъ повѣсить къ тому времени, когда сегодня соберется весь приходъ. Времени мало: приходилось торопиться. И то надо благодарить Бога, если Генриху выпадетъ свободный часокъ поспать въ лѣсу на травѣ. Ну, да какъ быть: трудъ былъ тяжелъ, зато награда сладка. Вы не повѣрите, какъ чудно звучитъ новый колоколъ. Вотъ прислушайтесь ужо, какъ зазвонитъ онъ въ первый разъ. Ангельское пѣніе, да и только! Утѣшенье, радость...

СОСѢДКА.

Да, да. Вотъ что только мнѣ удивительно. Вы знаете, сосѣдка, съ моего порога видно церковку въ горахъ. Толковали, что взовьется бѣлый флагъ, когда укрѣпятъ на башнѣ колоколь. Но флага не видно.

ФРАУ МАГДА.

Смотрите хорошенько. Вѣрно онъ тамъ.

СОСѢДКА.

То-то вотъ, нѣтъ его до сихъ поръ.

ФРАУ МАГДА.

Можетъ, вы и въ самомъ дѣлѣ правы. Если бы вы знали, какъ знаю я, сколько труда требуетъ такое дѣло! Мастеръ долженъ обдумывать, бороться, работать день и ночь. Ну, что жъ удивительнаго, что въ назначенную минуту не успѣли вбить послѣдній гвоздь. А теперь флагъ, навѣрное, ужъ развѣвается.

СОСѢДКА.

Охъ, не думаю. По всей деревнѣ толкуютъ, будто тамъ въ горахъ что-то неблагополучно. Были, вишь, худыя примѣты. Каменщикъ тамъ видѣлъ голую бабу, скакавшую на помелѣ. Онъ поднялъ камень и бросилъ его въ вѣдму. Рука-то у него сейчасъ и отнялась по самую кисть. Это что значитъ? Это значитъ, что злые горные духи разсердились за новый колоколь. Дивлюсь я, какъ это вы ничего до сихъ поръ не знаете. Бургормистръ уже ушелъ туда съ людьми. Говорятъ, будто...

ФРАУ МАГДА.

Что же, говорятъ? Туда пошелъ бургормистръ? Ради Бога...

СОСѢДКА.

Да вѣдь еще ничего не извѣстно. Вѣрнѣе, что ничего нѣтъ. Пугаться нечего. Не волнуйтесь такъ, сосѣдка, прошу васъ. Ни о какомъ несчастіи не слышно. Толкуютъ вотъ только, что будто бы телѣга, на которой везли колоколь, поламалась. Ну, съ колоколомъ-то будто и приключилось что-то тамъ. А что такое—не знаю.

ФРАУ МАГДА.

Ахъ, если бы только это! Колоколь—Богъ съ нимъ совсѣмъ! Мнѣ бы лишь живъ остался Генрихъ. Но надо же узнать все навѣрное. Прощу васъ, возьмите моихъ дѣтей.

Подаетъ обоихъ дѣтей ей въ окно.

СОСѢДКА.

Разумѣется, я возьму ихъ къ себѣ.

ФРАУ МАГДА.

Да, да, къ себѣ въ домъ возьмите ихъ. Прощу васъ. А я побѣгу туда, туда, помочь. Я должна быть тамъ, гдѣ мой мужъ.

Поспѣшно уходитъ. Сосѣдка отходитъ отъ окна. За сценой гулъ толпы. Затѣмъ раздирающій вопль Магды. Пасторъ торопливо входитъ, вздыхая и вытирая себѣ глаза. Онъ озирается, быстро отбрасываетъ одѣяло на постели, возвращается къ двери и встрѣчаетъ носилки, на которыхъ учитель, цирюльникъ и другіе люди несутъ Генриха. Фрау Магда идетъ за носилками въ глубокомъ отчаяніи, ослабѣвшая отъ горя. Ее поддерживаютъ подъ руки. За нею въ комнату проталкивается народъ. Генриха кладутъ на кровать.

ПАСТОРЪ, Магдѣ.

Успокойтесь! Уповайте на Господа. Мы сочли мастера мертвымъ, когда клали на носилки. Но дорогой онъ очнулся. И, какъ увѣряетъ врачъ, видѣвшій его, можно надѣяться, что мастеръ выздоровѣетъ.

ФРАУ МАГДА, едва переводя духъ.

Можно надѣяться! Боже милосердый! Я была такъ счастлива. Что со мною? Что здѣсь случилось? Гдѣ дѣти?

ПАСТОРЪ.

Уповайте на Господа. Вооружитесь терпѣніемъ. Терпѣніемъ и смиреніемъ. Вы сами знаете, гдѣ великое несчастье — тамъ всего ближе и Божья помощь. Если Господь въ своей премудрости не опредѣлитъ даровать временное исцѣленіе вашему мужу, вы можете утѣшиться тѣмъ, что онъ войдетъ въ обитель вѣчнаго блаженства.

ФРАУ МАГДА.

Вы, господинъ пасторъ, говорите о моемъ утѣшеніи. Развѣ я нуждаюсь въ утѣшеніи? Онъ выздоровѣетъ. Онъ долженъ выздоровѣть!

ПАСТОРЪ.

Да, да, мы надѣемся. А если нѣтъ,—воля Божья. И такъ и этакъ мастеръ Генрихъ восторжествуетъ. Служа Всевышнему, онъ отлилъ колоколъ. Служа Всевышнему, онъ взбирался на горы, гдѣ царство темныхъ силъ въ ущельяхъ и пропастьяхъ. Служа Всевышнему, онъ палъ въ борьбѣ съ коварными духами ада. Ибо это они, убоявшись благовѣста его колокола, сплотились въ адскій союзъ, чтобы погубить мастера. Господь ихъ накажетъ, будьте покойны.

ЦИРЮЛЬНИКЪ.

Здѣсь въ околоткѣ живетъ женщина-чудотворица. Она исцѣляетъ молитвой.

ПАСТОРЪ.

Сходите за нею и приведите ее сюда.

ФРАУ МАГДА.

Какъ это случилось? Какъ случилось? Къ толпѣ. А вы что глазѣете? Уйдите. Одно пустое любопытство. Ступайте. Не беспокойте его вашимъ оглядываньемъ. Прикройте ему платкомъ лицо. Вы его мучаете. Пожалуй, еще сглазите. Прикройте. Вотъ такъ. Уходите. Что съ нимъ сдѣлалось? Что жъ, вы нѣмье, что ли?

УЧИТЕЛЬ.

Трудно объяснить, какъ и что съ нимъ случилось. Можетъ-быть, онъ хотѣлъ удержатъ колоколъ, когда колоколъ падалъ. Одно вамъ скажу: если бы вы взглянули въ пропасть, куда скатился колоколъ, такъ вы бы упали на колѣна и возблагодарили Бога, что вашъ мужъ живъ. Это, скажу вамъ,—чудо!

ГЕНРИХЪ, слабымъ голосомъ.

Воды... пить...

ФРАУ МАГДА.

Уйдите, уйдите, всѣ!

ПАСТОРЪ.

Ступайте, милыя дѣти. Больному необходимъ покой.
Народъ уходитъ.

Если я вамъ нуженъ, фрау Магда, то вѣдь вы знаете, гдѣ меня найти.

ЦИРЮЛЬНИКЪ.

И меня тоже.

УЧИТЕЛЬ.

Я думаю здѣсь остаться.

ФРАУ МАГДА.

Нѣтъ, никого, никого не надо.

Пасторъ, учитель и цирюльникъ, послѣ короткаго совѣщанія, уходятъ, пожимая плечами и качая головами.

ГЕНРИХЪ.

Дай мнѣ еще воды...

МАГДА, даетъ ему пить.

Ты боленъ, Генрихъ?

ГЕНРИХЪ.

Меня томить мучительная жажда.

Дай мнѣ воды. Ты слышишь?

МАГДА.

Потерпи

Пемножко, Генрихъ, потерпи...

ГЕНРИХЪ.

Терпѣнью

Я скоро научусь въ сырой землѣ.

Пьетъ.

Благодарю... Конецъ мой близокъ...

МАГДА.

Полно,

Твои слова мнѣ страшны.

ГЕНРИХЪ.

Не должна

Пугаться ты. Тебѣ придется, Магда,

Жить безъ меня.

МАГДА.

Нѣтъ, не хочу я жить...

Я не могу жить безъ тебя.

ГЕНРИХЪ.

Не мучай

Меня своей ребяческой печалью.

Ты перенести ее должна: ты мать,
 Пойми: ты мать—и будь тверда душою.

МАГДА.

Зачѣмъ такія мысли... Ты жестокъ...

ГЕНРИХЪ.

Тебѣ жестокимъ кажется, что въ дѣтяхъ
 Я вижу счастье твое? Твой долгъ
 Заботиться, трудиться для малютокъ:
 Въ нихъ жизнь твоя.

МАГДА.

Пусть мнѣ Господь проститъ,
 Но я тебя люблю, ты мнѣ дороже
 Дѣтей и жизни собственной моей.

ГЕНРИХЪ.

О, если такъ, то горе вамъ, сиротки!
 И трижды горе мнѣ: отъ вашихъ устъ
 Я отрываю хлѣбъ и молоко,
 Малютки бѣдныя!.. Но грудь моя,
 Я, чувствую, горитъ... Прощай, навѣки!
 Да сохранить васъ Тотъ, къ Кому мы всѣ
 Должны прійти. Подъ сѣнью темной смерти
 Находятъ многіе желанный свѣтъ:
 Пусть и со мной такъ будетъ.

Мягко.

Дай мнѣ руку.

Я много, много зла тебѣ принесъ
 И дѣломъ, и словами. Оскорблялъ я
 Твою любовь не разъ: прости мнѣ, Магда!
 Я оскорблялъ невольно и потомъ
 Раскаивался, но не могъ сдержаться
 И снова заставлялъ тебя страдать.
 Прости мнѣ, Магда.

МАГДА.

Но за что же, Генрихъ?

Ахъ, если любишь, любишь ты меня,
Не говори мнѣ это: я заплачу.
Ужъ лучше побрани меня. Ты знаешь,
Что я тебѣ обязана.

ГЕНРИХЪ, съ горечью.

Не знаю.

МАГДА.

Ты человѣка сдѣлалъ изъ меня.
Запуганною, бѣдною жила я,
Какъ подъ грозой трепещущая птичка,
Ты приманилъ меня, вознесъ изъ тьмы
На высоту сіяющаго счастья.
Вѣдь я тебя за то и полюбила
Такъ глубоко, такъ крѣпко, что меня
Ты къ свѣту повернулъ рукою сильной.
За что же мнѣ прощать тебя? За то ль,
Что возродилъ меня ты къ жизни?

ГЕНРИХЪ.

Странно

Сплетается порою ткань сердець.

МАГДА, гладить ему волосы, нѣжно.

Ахъ, если ты со мною былъ спокоенъ
И нравилась тебѣ я иногда,
Я этимъ счастлива и не могу я
Ничѣмъ воздать тебѣ за все добро,
Что для меня ты сдѣлалъ.

ГЕНРИХЪ, тревожно.

Слушай, Магда:

Нагнись ко мнѣ... я умираю... да,

Я умираю. Такъ судило небо
 И это хорошо—и для меня,
 И для тебя. Не говори, что мною,
 Моей любовью вызванъ былъ расцвѣтъ
 Твоей души прекрасной: это сдѣлалъ
 Тотъ вѣчный Чудотворецъ, что весной
 Живить въ поляхъ цвѣты, подъ зимней стужей
 Умершіе. Вотъ, видишь ли, я былъ
 И старъ, и утомленъ:—плохая форма,
 И не печалюсь я, что сотворившій
 Меня литейщикъ разобьетъ теперь
 Свое созданье. Если я былъ сброшенъ
 Съ моимъ твореньемъ въ пропасть, не жалѣю
 Объ этомъ я: мой колоколъ былъ плохъ,
 Онъ не годился для того, чтобъ эхо
 На горныхъ высяхъ гулко пробуждать.

МАГДА.

Я не могу понять тебя. Помилуй,
 Вѣдь колоколъ прекрасно былъ отлить,
 Ни пузырька въ металлѣ. Звукъ чудесный!
 Когда повѣшанный межъ двухъ деревъ,
 Здѣсь на дворѣ, онъ зазвонилъ впервые,—
 Всѣ говорили въ голосъ: «это хоръ
 Небесныхъ серафимовъ. Просто чудо—
 Не колоколъ—отлилъ нашъ мастеръ».

ГЕНРИХЪ, съ лихорадочною тревогой.

Да,

Онъ хорошо звучалъ у насъ въ долину,—
 На высотѣ, въ горахъ, не могъ звучать.

МАГДА.

Неправда. Слышала сама я, пасторъ
 Промолвилъ кистеру: «какъ будетъ онъ
 Звучать въ горахъ».

ГЕНРИХЪ.

Нѣтъ, онъ звучалъ въ долинѣ,
 А на горахъ не могъ. Про это я
 Одинъ лишь знаю. Пасторъ знать не можетъ...
 Да, я умру и умереть хочу.
 Вотъ, видишь ли: что будетъ въ этомъ толку,
 Коль выздоровлю я,—какъ говорятъ,—
 Немножко починившись. Ну, куда же
 Я буду годенъ: развѣ въ богадѣльню?
 Доселѣ жизни крѣпкое вино
 Привыкъ я пить: ужели пить я стану
 Какой-то жидкій, кисленькій напитокъ?
 Пусть пьетъ его, кто хочетъ: для меня
 Противно это. Подожди, дай кончить,
 Что я хочу сказать тебѣ... Пускай
 Найдется врачъ, который могъ бы снова
 Возстановить мнѣ силы, снова сдѣлать
 Меня способнымъ къ прежнему труду,
 Все жъ и тогда погибъ я, Магда...

МАГДА.

Боже,
 Что сдѣлалось съ тобой! Отъ неба ты
 Талантомъ награжденъ. Въ своемъ искусствѣ
 Ты—первый мастеръ, любятъ всѣ тебя
 И чтутъ. Трудясь неутомимо, отлилъ
 Ты сто колоколовъ. Тебѣ хвалу
 Они поютъ съ высокихъ колоколенъ
 И, будто кубки—свѣтлое вино,
 Надъ селами и нивами, въ часъ утра,
 Лютъ звуки чудные. Ты людямъ далъ
 Святое счастье: слышатъ Божій голосъ
 Они въ твоихъ созданьяхъ. На землѣ,
 Гдѣ столько мукъ и бѣдности, живешь ты
 Въ довольствѣ радостномъ. Когда тебѣ

Постыла жизнь, то для чего же буду
Я жизнью дорожить, что въ ней найду?

ГЕНРИХЪ.

Пойми меня, какъ слѣдуетъ. Глубоко
И ясно прозвучала рѣчь твоя,
Какъ ни одинъ изъ тѣхъ колоколовъ,
Что мной отлиты. Отъ души тебя
Благодарю. Но, Магда, все жъ должна ты
Понять меня. Я повторяю: мнѣ
Не удалось послѣднее созданье
Искусства моего. Я грустно шелъ
За лошадыми, когда онѣ тащили,
Подъ хлопанье бичей, на высоту
Мой колоколъ. И вотъ, съ обрыва въ пропасть
Скатился онъ и въ озеро упалъ,
И тамъ лежитъ на глубинѣ, быть можетъ,
Ста сажень. Въ безднѣ молчаливой водѣ,
Какъ будто въ темной и нѣмой могилѣ,
Похороненъ мой лучшій трудъ, а я
Еще живу, во мнѣ остатокъ тлѣетъ
Послѣднихъ силъ... Но я умру, умру...
Ни колоколъ, ни жизнь ко мнѣ не могутъ
Опять вернуться, какъ бы я ни жаждалъ
Услышать снова потонувшій звонъ...
О, горе мнѣ! Все, чѣмъ я жилъ такъ страстно,—
Все оказалось тьмою и безумьемъ,
Обманомъ, зломъ, отравой. Не могу
Я жить, какъ прежде. Жизнь долины мирной
Меня не обольщаетъ, какъ бывало.
Когда стоялъ я тамъ вверху,—душа
Еще стремилась выше и желала
Витать въ пространствѣ свѣтлыхъ облаковъ
И создавать великія творенья
При помощи небесныхъ, горнихъ силъ.
Но обезсилѣлъ я, и если бъ снова

Я устремился вверхъ, то упаду я,
 Да, упаду... Нѣтъ, лучше умереть.
 Чтобъ жизнью жить, я долженъ возродиться
 И вновь созрѣть, какъ зрѣть плодъ вторичный
 Въ волшебной черной чашечкѣ цвѣтка;
 Я долженъ вновь въ душѣ почуять силу
 И мощь въ рукахъ, и къ творчеству порывъ,
 Неодолимый и безумный.

МАГДА.

Генрихъ,

Мой милый Генрихъ, если бъ знала я,
 Гдѣ тотъ источникъ, что даетъ намъ юность,—
 Я отыскала бъ съ радостью его,
 Хотя бъ пришлось мнѣ въ кровь изранить ноги.
 И даже если бъ надо умереть,
 Я умерла бы съ радостью, чтобъ только
 Достать тебѣ его воды живой
 И юность возвратить.

ГЕНРИХЪ, съ мукой, въ полубреду.

О, дорогая...

Нѣтъ, не хочу я, не хочу... Тамъ кровь,
 Тамъ только кровь... Ступай, я умоляю...
 Оставь меня... и дай мнѣ умереть...

Теряетъ сознание.

III.

ПАСТОРЪ, входитъ.

Ну, какъ онъ, ффрау Магда?

МАГДА.

Ахъ, очень плохъ. Онъ мучится какою-то душевною мукой. Непонятная болѣзнь томить его. Не знаю, чего я должна бояться и на что надѣяться.

Поспѣшно набрасываетъ на себя платокъ.

Вы говорили о какой-то женщинѣ, которая исцѣляетъ?

ПАСТОРЪ.

Да, да, вотъ за этимъ-то я и вернулся. Она живетъ... не дальше мили отсюда. Зовутъ ее... какъ, бишь, ее зовутъ. Тамъ вотъ, у опушки лѣса живетъ она. Ея имя...

МАГДА.

Виттиха?

ПАСТОРЪ.

Что вы, что вы, ффрау Магда! Виттиха злая баба, исчадье сатаны. Она должна умереть. Противъ этой вѣдьмы ужъ возмущенъ народъ. Собираются къ ней съ камнями и дубинами. Хотятъ разорить ея проклятое гнѣздо. Вѣдь по ея-то кознямъ и приключилось все. Нѣтъ, ту, о комъ я говорилъ вамъ, зовутъ ффрау Финдеклее. Она честная, благочестивая женщина, вдова пастуха. Покойный мужъ передалъ ей тайну чудодѣйственнаго лекарства. Такъ толкуютъ въ народѣ. Хотите вы пойти къ ней?

МАГДА.

Да, да, господинъ пасторъ.

ПАСТОРЪ.

Сейчасъ?

Входитъ Раутенделейнъ, переодѣтая въ служанку. У ней корзина съ ягодами.

МАГДА.

Что тебѣ, мое дитя? Кто ты такая?

ПАСТОРЪ.

Это Анна, дочка Михаила. Не спрашивайте ее: она, къ несчастію, нѣмая. Но доброе созданье. Она принесла вамъ ягодъ.

МАГДА.

Поди сюда, дитя мое. Что я хотѣла сказать? Да, вотъ: смотри, мой мужъ боленъ. Если онъ проснетъ, будь подъ рукой. Понимаешь? Фрау Финдеклее—вѣдь такъ зовутъ эту женщину?—живетъ далеко, я не могу уйти надолго. Я отлучусь на одну минутку. Сосѣдка побудетъ здѣсь, сдѣлаетъ мнѣ одолженіе. Я сейчасъ вернусь. Господи Боже мой, какъ мнѣ тяжело.

Уходитъ.

ПАСТОРЪ.

Побудь здѣсь, милочка. Присядь. Будь умницей, старайся услужить, пока ты здѣсь нужна. Ты сдѣлаешь доброе дѣло. Богъ наградитъ тебя. Ты очень перемѣнилась, милая дѣвочка, съ тѣхъ поръ, какъ я не видѣлъ тебя. Держи себя скромно, оставайся хорошей дѣвушкой. Богъ одарилъ тебя великой красотой. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ погляжу я на тебя, ты какъ будто не то, что прежде. Ты похожа на сказочную принцессу. Кто бы могъ подумать. Да, да. Такъ смочи ему лобъ. Понимаешь? Онъ весь въ жару.

Генриху.

Да пошлетъ тебѣ Господь исцѣленіе.

Уходитъ.

IV.

Раутенделейнъ, до тѣхъ поръ робкая и смиренная, вдругъ измѣняется и начинаетъ хлопотать около очага.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Искра вслѣдъ за искрой яркой
Разлетайтесь кругомъ,
Разгорайся пламень жаркій
Въ очагѣ подъ котелкомъ!

Огонь въ очагѣ разгорается.

Будто легкій вѣтерокъ,
Я раздую огонекъ,
Пусть кипитъ цѣлебный сокъ...

Приподнимаетъ крышку котла.

Майскихъ травъ, душистыхъ травъ,
Брошу въ воду, прошептавъ
Тайну словъ, волшебныхъ словъ.
Будетъ силенъ и здоровъ,
Кто отвѣдаетъ мое,
Жизнь дающее, питье!

Ну, а покуда я почищу свеклу
Да принесу воды: пуста кадущка.
Нѣтъ, надобно сперва открыть окно.

Открываетъ окно.

Погода нынче славная, а завтра —
Навѣрно, будетъ вѣтрено: легла,
Какъ рыба, протянувшись, надъ горами
Большая туча. Ночь придетъ — она
Грозою разразится. Духи бури
Запрыгають черезъ сосновый лѣсъ
Въ долину тихую... Чу! здѣсь кукушка
Кукуетъ? Ласточки звенятъ, крыломъ
Мелькая въ яркомъ солнечномъ сіяньѣ.

Генрихъ открываетъ глаза и пристально смотритъ на Раутенделейнъ.

Сперва почищу свеклу, а потомъ
И за водой схожу. Пошла въ служанки,
Такъ не сиди безъ дѣла... Огонекъ,
Смотри же не потухни...

ГЕНРИХЪ, съ изумленіемъ.

Кто ты? кто ты?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ, быстро и смѣло.

Я—Раутенделейнъ.

ГЕНРИХЪ.

Раутенделейнъ?

Впервые слышу это имя. Гдѣ-то
Тебя я видѣлъ. Но не помню гдѣ.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Тамъ—на горахъ.

ГЕНРИХЪ.

Да, правда. Въ лихорадкѣ
Тогда лежалъ я, ты приснилась мнѣ.
Да и теперь во снѣ тебя я вижу.
Вѣдь часто страшные намъ снятся сны,
Не такъ ли? Вотъ мой домъ. Я на постели
Лежу и умираю, Вотъ окно
За нимъ летаютъ ласточки. Изъ сада
Пѣснь соловья звучитъ. Сирень, жасминъ.
Благоухаютъ. Я все слышу, вижу,
Все чувствую я. Нитку одѣяла
Мельчайшую и каждый узелокъ
Я примѣчаю. Да, и все же это
Лишь сонъ, не больше.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Почему же сонъ?

ГЕНРИХЪ.

Да потому, что это все мнѣ снится.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ты въ этомъ такъ увѣренъ?

ГЕНРИХЪ.

Да. Нѣтъ. Да.

Что говорю я? Все равно: увѣренъ,
Иль не увѣренъ я—пусть будетъ такъ.
Во снѣ ли, на яву ли, предъ собою
Тебя живую вижу я теперь...
О, милое дитя, пусть ты созданье
Моей фантазiи: тебя любить
Не меньше буду я. Со мной останься.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Да, я останусь.

ГЕНРИХЪ.

И все это сонъ...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Смотри сюда: вотъ подняла я ногу.
Ты видишь красный каблукъ? А вотъ
Орѣхъ. И я беру его рукою
И подъ каблукъ его: онъ раскололся.
Что жъ, это сонъ?

ГЕНРИХЪ.

То знаетъ только Богъ.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ну, посмотри еще. Вотъ подошла я,
Сажусь я на постелю близъ тебя

И весело грызу ядро орѣха.
Ты видишь ясно?

ГЕНРИХЪ.

Кто же ты, скажи мнѣ?

Откуда ты и кто тебя прислалъ?
Чего ты хочешь отъ меня, когда я,
Разбитый и страдающій, лежу
И смерти жду съ минуты на минуту?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ты нравишься мнѣ. А откуда я—
Вотъ этого сказать я не умѣю,
Не знаю и того, что впереди
Со мною будетъ. Бабушка на кочкѣ
Во мху меня нашла и молокомъ
Я лани вскормлена. Въ лѣсу, въ болотѣ
И на горахъ я дома. Въ часъ, когда
Крутитъ и свищетъ вѣтеръ и мяучить,
Какъ кошка дикая, охотно я
Кружусь, кричу и такъ смѣюсь, что эхо
Далеко раздается и со мной
Смѣются эльфы, лѣшій, водяной.
Я зла, царапаюсь, кусаюсь больно,
Когда меня разсердятъ. Берегись
Тотъ, кто меня раздражитъ. Я капризна:
То зла я, то добра, то такъ, то этакъ,—
Какъ вздумается, словомъ. Хочешь я
Останусь здѣсь. А лучше бы со мною
Ушелъ ты въ горы. Ты увидишь, буду
Служить тебѣ и угождать во всемъ.
Умѣю я угадывать, гдѣ скрыты
Въ подземныхъ копияхъ яхонтъ и алмазь,
Топазы, изумруды, аметисты.
Пускай упряма я, пускай лѣнива,
Коварна, непослушна—я исполню

Все, что прикажешь ты. Тебѣ въ глаза
Смотрѣть я буду и твои желанья
Предупреждать. Пусть бабушка моя..

ГЕНРИХЪ.

Прелестное дитя, но объясни мнѣ
Кто бабушка твоя?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Какъ! Ты не знаешь,
Кто бабушка моя?

ГЕНРИХЪ.

Я человекъ

И слѣпъ я.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ну, такъ скоро будешь зрячимъ.

Кому глаза я поцѣлую, тотъ
Откроетъ ихъ — и даль небесъ увидитъ.

ГЕНРИХЪ.

Попробуй, сдѣлай это мнѣ.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ, цѣлуетъ ему глаза.

Глаза,

Откройте!

ГЕНРИХЪ.

Дивная моя малютка!

Ты послана мнѣ въ грустный смерти часъ,
Ты вѣтвь цвѣтущая, десницей Божьей
Отломленная для меня въ раю.
О, свѣжій отпрыскъ, если бы такимъ же
Я былъ теперь, какъ въ давніе года,—
Прижалъ бы я тебя къ груди съ восторгомъ.

Да, я былъ слѣпъ. Теперь я вижу свѣтъ.
 Чѣмъ больше я тобою упиваюсь,
 Тѣмъ больше постигаю я твой міръ,
 Загадочное, чудное созданье.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Такъ что жъ, смотри, любуйся на меня.

ГЕНРИХЪ.

Какъ дивны эти кудри золотыя!
 Какая роскошь! Свѣтлый призракъ грезъ,
 Съ тобой и лодка мрачная Харона
 Преобразится въ царскую галеру,
 Что распустивши пурпуръ парусовъ,
 Плыветъ къ востоку, гдѣ выходитъ солнце!
 Ты чувствуешь ли: тихій вѣтерокъ
 Дыханіемъ чуть слышнымъ гонитъ пѣну
 На волнахъ моря, голубого моря,
 И брызгами алмазными порой
 Насъ обдаетъ. А мы въ нарядѣ свѣтломъ,
 Изъ золота и шелка, въ даль плывемъ
 По глади водъ. Ты узнаешь за далью
 Зеленый островъ, надъ лазурью волнъ
 Склонившіяся вѣтви изумрудной
 Листвы березъ, ты слышишь голоса
 Пѣвцовъ весны, что радостнымъ привѣтомъ
 Встрѣчаютъ насъ?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Да, слышу...

ГЕНРИХЪ.

Хорошо.

Идемъ съ тобою. Я готовъ. Когда я
 Проснусь, то кто-то скажетъ мнѣ пора,
 Иди. Потомъ огонь потухнетъ. Холодъ

И тьма могильная повѣсть въ домѣ,
И я умру прозрѣвшій, какъ слѣпой...
Но все жъ тебя я видѣлъ и...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Вздремни,
Усни!

Проснешься—будешь мой.

Хлопочеть около очага, приговаривая.

Тайной силѣ исцѣленья
Покорись, освободись
Отъ недуга, отъ мученья
И душою обновись!

Дѣлаетъ движенія, обращаясь къ Генриху.

Разъ, два, три!

Живи

Для живого счастья и любви!

ГЕНРИХЪ.

Что сдѣлалось со мною? Пробудился
Я ото сна? Какое солнце льется
Ко мнѣ въ окно и золотитъ меня.
О, воздухъ утра! Если это сила,
Что чувствую я въ тѣлѣ, этотъ пылъ
Моей души—ниспосланы отъ неба
И проявленье воли божества,
Тогда я вновь возстать готовъ для жизни
И снова въ путь идти готовъ, желать,
Надѣяться, стремиться и опять
Творить, творить!

Фрау Магда входитъ.

А, Магда...

МАГДА.

Ты проснулся.

ГЕНРИХЪ.

Да, я проснулся.

МАГДА.

Лучше ли тебѣ?

ГЕНРИХЪ.

Мнѣ хорошо. Ахъ, хорошо мнѣ. Буду
Я жить—я чувствую.МАГДА, внѣ себя, бросается къ нему
и обнимаетъ его.

Ты будешь жить!

О, Генрихъ! Милый, дорогой мой Генрихъ!

Раутенделейнъ стоитъ въ сторонѣ и смотритъ на нихъ горящими
глазами.

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Заброшенная лачуга въ горахъ, вблизи ледниковъ. Направо изъ скалы, замѣняющей стѣну, бѣжитъ вода сквозь глиняный жолобъ въ естественный каменный бассейнъ. Налѣво, у другой стѣны, кузнечный очагъ съ трубой и мѣхами. Въ глубинѣ сцены въ открытый пролетъ виденъ горный пейзажъ: вершины горъ, дремучій лѣсъ, обрывъ.

I.

Лѣшій, сначала внѣ лачуги, собираетъ хворостъ, потомъ входитъ и робко озирается. Водяной показывается изъ бассейна.

ВОДЯНОЙ.

Брекекекексъ! Ну, что ушами хлопать,
Входи, входи.

ЛѢШІЙ.

Здорово, старина.

ВОДЯНОЙ.

Вишь, задави ихъ сатана,
Какой дымище и какую копотъ
Повсюду въ домъ развели.

ЛѢШІЙ.

А что хозяева ушли?

водяной.

Само собой, не то бы изъ колодца
Не выглянулъ я.

лѣшій.

Сейчасъ у скаль.

Встрѣтился мнѣ гномъ

водяной.

Я не терплю.

Охъ, этого народца

лѣшій.

Съ киркой и топоромъ.

водяной.

Что жъ онъ сказалъ?

лѣшій.

Сказалъ онъ, что кручина
Тебя изводитъ: квакаешь все.

водяной.

Ну?

лѣшій.

Вишь, надоѣлъ ему.

водяной.

Ахъ, дурачина!

А я, возьму вотъ, голову сверну
Ему... и кой-кому другому.

лѣшій.

Да, съ тѣмъ покончить надо бы расчетъ!

Проклятый человѣчій родъ:

Что отъ него стуку да грому.

Въ горы забрался къ намъ

Да и пошелъ хозяйничать тамъ.
 Долбитъ киркою ребры скалъ:
 Добываетъ мѣдь и всякій металлъ.
 Куетъ да плавить,
 Всѣмъ командуетъ—править.
 Словно коней проворныхъ,
 Водяныхъ духовъ и горныхъ
 Запрягаетъ въ телѣгу
 Да бичемъ поддаетъ имъ бѣгу.
 Самую красивую фею
 Забралъ и живетъ себѣ съ нею,
 Она ему золото и янтарь воруетъ,
 Отрываетъ дорогія каменя
 Его цѣлуетъ-милуетъ,
 А намъ ничего, кромѣ презрѣнья.
 Рушитъ онъ все, ни надъ чѣмъ не сжалится,
 Рубить старыя деревья—цѣлый лѣсъ валится...
 По ущельямъ разбиваетъ камень.
 Отъ его кузницы красный пламень
 Долетаетъ въ лѣсъ, до моего угла.
 Да, натворилъ онъ намъ тутъ дѣла!

водяной.

Эхъ; кабы онъ въ мои руки попался—
 Давно бы трупомъ на днѣ озера валялся,
 Тамъ, гдѣ лежитъ его колоколь-звѣрь.

лѣшій

Я тоже такъ думаю, повѣрь.

водяной.

Да ему-то отъ нашихъ думъ горя мало:
 Устроился здѣсь, какъ ни въ чемъ не бывало,
 Молотомъ бьетъ съ угра до полночи,
 Слушать стукъ этотъ просто нѣтъ мочи.

Плаксиво.

Дѣлаетъ феѣ кольца и сережки
Плечики ей цѣлуетъ, да ручки и ножки...

лѣшій.

Охъ, клянусь моею козлиной рожей!
Съ этою дѣвчонкою пригожей
Надоѣлъ ты: долбишь, точно дятель,
Все о ней. Старикъ, ты съ ума спятилъ:
Вѣдь она и знать тебя не хочетъ,
Надъ тобой глумится и хохочетъ.
Право, ты съ своей любовью жалокъ.
Развѣ мало въ озерѣ русалокъ:
Взялъ любую, веселился съ нею;
Вотъ тогда и позабудешь фею
И не охатъ станешь, а смѣяться,
Если даже будетъ цѣловаться
При тебѣ она съ своимъ желаннымъ.

водяной.

Нѣтъ, я съ нимъ расправлюсь окаяннымъ:
Я убью его.

лѣшій.

Положимъ...

водяной.

Глотку

Прокушу ему.

лѣшій.

А все жъ красоту
Этимъ не добудешь. Бабка не позволить:
Вѣдь старуха явно имъ мирволить.
Злобою напрасно ты себя тревожишь,
Тутъ терпѣньемъ только и поможешь.
Знаешь ты людишекъ: любить и ласкаетъ,
А потомъ, глядишь, и заскучаетъ.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ, за сцѣной, поеть.

Жукъ усѣлся на кусточкѣ,
Зумъ, зумъ!
Въ черно-бѣленькой сорочкѣ,
Зумъ, зумъ!
Входитъ.

А, добрый вечеръ, гости дорогіе!
Что Водяной,—ты золото намыль?
А ты, пріятель козлоногій, хворостъ
Мнѣ натаскаль? Смотрите, у меня
Диковинки какія! Я прилежно
Вездѣ ихъ собираю. Вотъ алмазь,
Мѣшечекъ съ золотымъ пескомъ и горный
Сверкающій хрусталь... Медовый сотъ...
Охъ, нынче жаркій день, прежаркій.

водяной.

Ночи

Такія жъ жаркія теперь пойдутъ
За днями жаркими.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Быть-можетъ. Ты
Студеную вѣдь только любишь воду,
Такъ окунись въ нее и освѣжись.
Лѣшій хохочетъ. Водяной безшумно погружается въ бассейнъ.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Вишь, пристаеть, покуда не осадись.

лѣшій, все еще смѣясь.

Ахъ, чтобы васъ!...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Подвязка у меня
Спустилась по колѣно, рѣжетъ ногу.

ЛѢШІЙ.

Дай я поправлю.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Убирайся прочь!...

Послушай, лѣшенька, ты надоѣлъ мнѣ.
Нехорошо ты пахнешь и съ собой
Приводишь мухъ: глядя вокругъ тебя
Они летаютъ роємъ.

ЛѢШІЙ.

Ну, такъ что же?

Онѣ пріятнѣй бабочекъ цвѣтныхъ,
Что за тобой порхаютъ и трепещутъ,
Увязнувъ въ волосахъ твоихъ; а ночью
По груди ползаютъ и по плечамъ.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ, смѣется.

Ну,

Смотри, смотри, ты у меня не очень.

ЛѢШІЙ.

Послушай, подари мнѣ колесо
Вотъ это. Гдѣ его взяла ты?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Знаешь

Ты это лучше вѣдь, чѣмъ я.

ЛѢШІЙ.

Хе, хе!

Когда бы я не изломалъ повозки
Подъ колоколомъ, какъ своихъ ушей
Тебѣ бѣ соколика не видѣть. Такъ-то.
Ну, будь же благодарна, подари

Мнѣ эту штучку. Смоляной веревкой
Я обмотаю колесо, зажгу
Да и пуцу высоко съ самой кручи.
Вотъ будетъ-то потѣха.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Въ деревняхъ
Пожаръ ты сдѣлаешь.

ЛЪШІЙ.

Да, разгорится
Превесело огонь багровый!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Нѣтъ,
Не будетъ этого. Уйди-ка лучше.

ЛЪШІЙ.

Зачѣмъ такъ скоро? Али надоѣлъ?
Скажи-ка, что подѣлываетъ мастеръ?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Онъ надъ созданьемъ трудится своимъ.

ЛЪШІЙ.

Работа днемъ, а ночью поцѣлуи.
Эхъ, знаемъ мы какъ льютъ колокола!
Гора къ долину тянетъ, а долина
Ползетъ къ горѣ и создается вдругъ
Ни то, ни се: какой-то полу-богъ
И полу-звѣрь. Землѣ на прославление,
Въ насмѣшку небу. Феечка, пойдѣмъ
Ко мнѣ въ орѣшникъ. Право, я не хуже,
Чѣмъ мастеръ. Что за толкъ особый въ немъ?
Вѣдь не родишь же отъ него ты чудо.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ахъ, ты животное, ахъ озорникъ!
 Ты у меня ослѣпнешь, если будешь
 Того, кто мною избранъ, поносить,
 Онъ борется, стремится, васъ избавить
 Онъ отъ проклятья: вотъ зачѣмъ стучить
 Во тьмѣ его могучій молотъ. Всѣ вы
 И все, что въ этомъ мѣрѣ существуетъ,
 Обречено проклятію. О томъ
 Не знаете вы сами. Прочь отсюда!
 Ты здѣсь безсиленъ. Здѣсь теперь царитъ
 Духъ мастера.

ЛѢШІЙ.

А мнѣ какое дѣло.
 Ну, поклонись супругу. Какъ-нибудь
 Навѣдаюсь къ нему я въ мастерскую.
 Уходить.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Не знаю, что со мной. Мнѣ тяжело.
 Пойду въ ближайшій ледникъ, въ гротъ прохладный
 Тамъ синяя, студеная вода
 Поосвѣжитъ меня. Сегодня въ полдень
 Я наступила на змѣю, что тамъ,
 На сѣрыхъ скалахъ, грѣлася подъ солнцемъ,
 Она чуть не ужалила меня.
 Ахъ, душно мнѣ... Шаги? Эй, кто тамъ, кто тамъ?
 У входа появляется пасторъ, одѣтый въ костюмъ для ходьбы въ
 горахъ.

ПАСТОРЪ.

Должно быть, тутъ... Охъ, было не легко
 Взобраться мнѣ, но я на твердой почвѣ
 Теперь стою. Во имя Божье я
 Пошелъ на это дѣло и сторицей

Вознагражденъ я буду, если мнѣ
 Спасти заблудшую овцу удастся,
 Какъ подобаетъ пастырю. Впередъ
 Бодрѣе.

Входитъ въ лачугу.

Есть здѣсь кто-нибудь, откликнись?

Замѣчаетъ Раутенделейнъ.

А, это ты! Я такъ и думалъ!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ, блѣдная, озлобленная.

Что

Тебѣ здѣсь нужно?

ПАСТОРЪ.

Вотъ сейчасъ узнаешь,
 Богъ мнѣ свидѣтель, ты узнаешь. Дай
 Мнѣ потъ съ лица стереть, да отдышаться
 Покуда же скажи-ка мнѣ,
 Ты здѣсь одна?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Тебѣ какое дѣло?

ПАСТОРЪ.

А погляди-ка на меня! Такъ, такъ.
 Не дурно. Ну, теперь ты показала
 Мнѣ настоящее свое лицо.
 Тѣмъ лучше. Къ дѣлу приступлю я прямо.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Смотри, поберегись!

ПАСТОРЪ.

Мнѣ ничего
 Не можешь сдѣлать ты. Я твердъ душою
 И сердцемъ чистъ. Я не боюсь тебя.

Тотъ, кто мнѣ далъ и мужество, и крѣпость,
 Чтобъ я отважился придти въ вашъ адъ,
 Тотъ мнѣ поможетъ—чувствую я это.
 Чертовка, повредить не думай мнѣ,
 Не трать напрасно чаръ своихъ волшебныхъ...
 Вѣдь онъ тобою завлеченъ сюда?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Кто завлеченъ?

ПАСТОРЪ.

Какъ кто! Да мастеръ Генрихъ!

Ты чарами волшебными его
 И сладкимъ зельемъ ада обольстила,
 Пока не сталъ онъ бѣгать за тобой,
 Какъ собаченка. Человѣкъ почтенный,
 Отецъ семейства, образецъ для всѣхъ,
 До глубины души благочестивый—
 И что жъ! какая-то дѣвчонка съ горь
 Къ намъ прибѣжала и его хватаетъ,
 Какъ малаго ребенка, въ фартукъ свой,
 И тащитъ за собой куда захочетъ,
 Къ соблазну добрыхъ христіанъ!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Пускай

Разбойница я, у тебя не крала
 Я ничего.

ПАСТОРЪ.

Не крала у меня!
 Ахъ наглое творенье! Отняла ты
 Не только у меня, но у жены
 И у дѣтей его. Ты человѣка
 Похитила у насъ!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ, прислушивается и вдругъ преобразившись, восклицаетъ съ торжествомъ.

Онъ, онъ идетъ!

Ты слышишь шагъ увѣренный и смѣлый?
 Ужель укоровъ жалкія слова
 Ты не замѣнишь радостнымъ восторгомъ?
 Ужели ты не чувствуешь огонь
 Его божественныхъ очей и сердце
 Онъ не проникъ тебѣ? Цвѣты—и тѣ
 Склоняются у ногъ его съ весельемъ.
 Король идетъ, король! И, нищій, ты
 Не радуешься, не ликуешь? Мастеръ,
 Привѣтъ тебѣ!

Бѣжитъ навстрѣчу входящему Генриху и бросается ему на шею.

II.

Генрихъ, въ живописномъ рабочемъ костюмѣ, съ молоткомъ, рука-объ-руку съ Раутенделейнъ, приближается къ пастору.

ГЕНРИХЪ.

Почтенный пасторъ! Вы?
 Добро пожаловать.

ПАСТОРЪ.

Да будетъ, Генрихъ,
 Благословенье Господа съ тобой.
 Возможно ль это: онъ передо мною.
 Стоитъ здоровый, стройный, точно букъ,
 А между тѣмъ лежалъ еще недавно
 Измученный болѣзнью на одрѣ,
 Безъ силъ, разбитый, блѣдный, ожидая
 Свой смертный часъ. Сдается, право, мнѣ,
 Что милосердіе небесъ надъ вами
 Свершилось явно. Вы, какъ царь Давидъ,

Возставши отъ недуга восплясали
И заиграли Господу хвалу.

ГЕНРИХЪ.

Да, это такъ и было.

ПАСТОРЪ.

Совершилось

Надъ вами чудо.

ГЕНРИХЪ.

Вѣрно. Всею душой

Я это чувствую.

Къ Раутенделейнъ.

Дитя мое,

Поди и принеси вина для гостя
Почтеннаго.

ПАСТОРЪ.

Спасибо. Не теперь...

ГЕНРИХЪ.

Поди и принеси вина. Но, впрочемъ,
Какъ вамъ угодно. Ну, прошу присѣсть.
Съ тѣхъ поръ, какъ отъ позорнаго недуга
Я излечился, съ вами въ первый разъ
Мы видимся. Я потерялъ надежду
Привѣтствовать васъ перваго теперь,
Когда на новый путь я смѣло вышелъ.
Но, вижу я, вы сильною рукой
Тяжелыя оковы долга рвете,
И, внѣ условнаго служенья людямъ,
Вы Бога ищите.

ПАСТОРЪ.

Ну, слава небу!

Я чувствую, что вы не измѣнились,

Все тотъ же вы. У насъ, въ долинь, врутъ,
Что стали вы не тѣмъ, чѣмъ были.

ГЕНРИХЪ.

Да, тотъ же я и, вмѣстѣ съ тѣмъ, другой.
Я окна настезь растворилъ—пусть льется
Сіянье Божьей благодати въ нихъ.

ПАСТОРЪ.

Хорошая пословица.

ГЕНРИХЪ.

Я лучшей

Не знаю.

ПАСТОРЪ.

Есть и лучшія. Но все жъ
И эта хороша.

ГЕНРИХЪ.

Когда бы только
Вы руку протянули мнѣ,—клянусь
Предъ вами головою лошадиной,
И пѣтухомъ, и лебедемъ!—готовъ
Я отъ души принять васъ и, какъ другу,
Открыть вамъ эту душу, гдѣ царить
Теперь весна.

ПАСТОРЪ.

Откройте смѣло, мастеръ.
Вы это часто дѣлывали прежде,
И знаете достаточно меня.

ГЕНРИХЪ.

Да, я васъ знаю. Но пускай бы даже
Я въ васъ ошибся и подъ маской друга

Не разглядѣлъ я пошлости черты,
 Все жъ и тогда не могутъ затеряться
 Всѣ золотыя искры, что блестятъ
 И въ самыхъ темныхъ и постыдныхъ душахъ.

ПАСТОРЪ.

Скажите, мастеръ, почему такъ странно,
 Такъ дико вы клянетесь?

ГЕНРИХЪ.

Пѣтухомъ

И лебедемъ?

ПАСТОРЪ.

И конской головою?

ГЕНРИХЪ.

Не знаю самъ, какъ мнѣ на умъ взбрела
 Такая клятва. Кажется, на это
 Меня навелъ на вашей церкви флюгеръ,
 Что въ видѣ пѣтуха блеститъ на солнцѣ;
 Изображенъе конской головы
 Я у сосѣда Каргеса замѣтилъ
 На крышѣ дома; ну, а лебедь тамъ
 Въ небесной синевѣ передо мною
 Мелькалъ не разъ. Но, впрочемъ, это—вздоръ...
 Вотъ и вино. Отъ искренняго сердца
 Я пью здоровье вашей и моей
 Подруги дорогой!

ПАСТОРЪ.

Благодарю васъ.

На это я могу однимъ отвѣтить:
 За здравіе того, кто исцѣлился!

ГЕНРИХЪ, расхаживая взадъ и впе-
 редъ.

Я исцѣлился, обновился. Да,
 Я это вижу по всему. Волненьемъ

Глубокимъ, сладостнымъ моя душа
 Исполнена. Я чувствую порывы
 Могучей свѣжести, какъ будто я
 Дыханьемъ весны обвѣянь. Сила
 Желѣзная въ моей рукѣ: ее
 То разжимаю я, то вновь сжимаю,
 Какъ ястребъ когти. Я исполненъ весь
 Желаньемъ творчества. Вонъ тамъ, глядите,
 Въ моемъ саду стоитъ моя святыня.

ПАСТОРЪ.

Святыня? Я не понимаю васъ.

ГЕНРИХЪ.

Да, да моя святыня. Это чудо.
 Всмотритесь.

ПАСТОРЪ.

Я не вижу ничего.

ГЕНРИХЪ.

Я говорю о деревѣ вотъ этомъ,
 Что, будто облако въ вечерней часъ,
 Раскинулось по синевѣ небесной,
 Вы знаете ль, богъ свѣта нисходилъ
 Подъ сѣнь его. Волшебный, чудный шопоть
 Въ его зеленыхъ слышится вѣтвяхъ,
 Гдѣ стаи пчель съ цвѣтовъ благоуханныхъ
 Сбираютъ медъ. Я на него похожъ —
 На это дерево. Богъ свѣта также
 Мнѣ въ душу снизошелъ и зацвѣла
 Она благоуханными цвѣтами
 Затѣмъ, чтобъ пчелы съ нихъ собрали медъ.

ПАСТОРЪ.

Вы говорите хорошо. Я васъ
 Съ охотой слушаю. Хвалы достойны
 И вы, и ваше дерево. Но плодъ
 На немъ созрѣетъ ли по волѣ Божьей?

ГЕНРИХЪ.

О, да. Вы правы, мой почтенный другъ,
 Все въ Божьей волѣ. Богъ меня низринулъ
 Съ утеса въ бездну и опять вознесъ,
 И возвратилъ мнѣ силу. Все отъ Бога—
 И цвѣтъ, и плодъ. Все отъ него. Молите,
 Чтобъ лѣто Онъ мое благословилъ.
 То, что во мнѣ цвѣтетъ и созрѣваетъ,
 Достойно завершенья, вѣрьте мнѣ.
 Задумалъ я великое творенье,
 Какого я не создавалъ донинѣ!
 Подборъ колоколовъ задумалъ я
 Изъ благороднаго металла. Сами
 Они звонить и двигаться должны.
 Когда рукой, какъ раковиной, ухо
 Я ограждаю,—ихъ чудесный звонъ
 Немолчно раздается. Стоить только
 Закрыть глаза мнѣ,—вижу предъ собой
 Я чудныя ихъ формы, вижу ясно
 Въ моей фантази. Почтенный другъ,
 Подумайте: что прежде я искалъ
 Съ такимъ трудомъ, съ такою горькой мукой,—
 Теперь досталось, какъ подарокъ, мнѣ!
 Вы звали мастеромъ меня, считали
 Меня счастливецемъ избраннымъ. Ну, вотъ,
 Я этого добился: да, я, мастеръ,
 И счастливъ я!

ПАСТОРЪ.

Да, это хорошо,
 Когда васъ мастеромъ зовутъ. Однако,

Отъ васъ самихъ такія рѣчи слышать
Немного странно. Для какой же церкви
Свое творенье создаете вы?

ГЕНРИХЪ.

Ни для какой!

ПАСТОРЪ.

Но кто жъ заказъ вамъ сдѣлалъ?

ГЕНРИХЪ.

Тотъ, кто вотъ этой повелѣлъ соснѣ
На край утеса стать и красоваться!
Ту церковку, что вы на высотѣ
Построили, пожаръ совсѣмъ разрушилъ,
И я задумалъ новый храмъ, на новомъ
Фундаментѣ поднять, тамъ, на вершинѣ,
Подъ самымъ небосводомъ!

ПАСТОРЪ.

Мастеръ, мастеръ,
Вы увлекаетесь Но не хочу
Я съ вами спорить. Кажется, другъ друга
Не такъ мы понимаемъ. Я скажу
Вамъ коротко: въ мечтахъ вы создаете
Прекрасное творенье...

ГЕНРИХЪ.

Да, оно

Прекрасно.

ПАСТОРЪ.

Тотъ подборъ колоколовъ...

ГЕНРИХЪ.

Подборъ, иль—какъ хотите, такъ его
И называйте.

ПАСТОРЪ.

Вѣдь сейчасъ вы сами
Его такъ называли.

ГЕНРИХЪ.

Да назвалъ
Я такъ то диво, что создать я долженъ.

ПАСТОРЪ.

Прекрасно. Но скажите же мнѣ, кто
Заплатитъ вамъ за трудъ?

ГЕНРИХЪ.

Кто мнѣ заплатитъ?

О, пасторъ, пасторъ! Иль хотите вы,
Чтобъ счастье осчастливили? Награду
Вознаградили?.. Да, зовите такъ
Мое твореніе, какъ самъ назвалъ я:
Подборъ колоколовъ. Повѣрьте мнѣ,
То будетъ дивный колоколъ, какого
Досель еще не отливалъ никто.
Онъ обладаетъ мощной силою звона,
Гудящаго, какъ громъ небесъ весной,
Когда онъ яростно гремитъ, и нивы,
И села потрясая. Будто гулъ
Трубы архангела, заставитъ смолкнуть
Онъ всѣхъ церквей колокола, и вѣсть
Онъ принесетъ ликующую міру
О новой, свѣтлой жизни на землѣ!
О, солнце, нашъ небесный прародитель!
Тобою вскормлены равно и мы,
И дѣти наши. Пусть они въ грядущемъ
Восторженные ликованья шлютъ
Въ обитель чистую небесъ. Какъ въ этой
Разрыхленной, зазеленѣвшей нивѣ,
Что стелется далеко передо мной,

Такъ и во мнѣ зажгло ты, солнце, жажду,
 Святую жажду жертвоприношенья;
 Все существо мое я приношу
 Тебѣ на жертву! Онъ настанетъ, день,
 Когда изъ мраморныхъ чертоговъ храма,
 Мной созданнаго, благовѣсть святой
 Раздастся съ высоты и разорвется
 Завѣса тучъ, висѣвшая надъ нами
 Всю зиму долгую, и упадутъ
 Дождемъ на землю перлы и алмазы!
 И тысячи людей въ восторгѣ свѣтломъ
 Къ нимъ устремятся, жадно собирая
 Сокровища и въ хижины свои
 Ихъ понесутъ. Потомъ, схвативъ знамена,
 Давно ихъ ждавшія, пойдутъ на праздникъ
 Паломниками солнца! Вижу я
 Толпы ихъ къ храму моему стремятся,
 Колышется надъ ними шелкъ знаменъ,
 Мой колоколъ звучитъ и дивный звонъ
 Находитъ отзывъ въ ихъ сердцахъ, и сладко
 Сливается онъ съ криками восторга,
 Съ рыданьемъ умиленнаго народа!
 Онъ запоетъ забытый, дивный гимнъ,
 Пѣснь родины, пѣснь золотого дѣтства,
 Пѣснь сладкую любви, что всѣмъ звучитъ
 Тайнственно изъ сказочнаго царства,
 Знакомую и ласковую пѣснь,
 И все жъ еще неслыханную въ мѣрѣ!
 И вотъ, когда раздастся эта пѣснь,
 Какъ рокоть соловья, какъ воркованье
 Веселыхъ горлинокъ, у всѣхъ въ груди
 Растаетъ ледъ и ярости, и горя,
 И ненависти, и безумныхъ мукъ,
 И жаркими слезами онъ прольется.
 И всѣ тогда съ слезами ликованья
 Преклонятся передъ крестомъ. И Онъ,
 Христосъ распятый, вознесенный вновь

Освобождающею силой солнца,
Въ его лучахъ небесныхъ засіяеть,
Улыбкой Божьей озаряя землю!

Проговоривъ это все съ большимъ и большимъ одушевленіемъ, Генрихъ начинаетъ ходить взадъ и впередъ. Раутенделейнъ, опяненная восторгомъ и любовью, со слезами на глазахъ, опускается передъ нимъ на колѣни и цѣлуетъ его руки. Пасторъ слушаетъ Генриха съ возрастающимъ ужасомъ. Послѣ короткой паузы, онъ начинаетъ говорить съ притворнымъ спокойствіемъ, которое, однако, скоро пропадаетъ.

ПАСТОРЪ.

Я выслушалъ, любезный мастеръ, васъ
И нахожу, что говорили правду
Мнѣ члены нашей общины почтенной.
Признаюсь вамъ: мнѣ причиняетъ скорбь
О вашемъ дивномъ колоколѣ сказка.
Но я пришелъ сюда не для того,
Чтобъ видѣть ваши чудеса, а съ цѣлью
Помочь въ бѣдѣ вамъ.

ГЕНРИХЪ.

Мнѣ помочь въ бѣдѣ?

Въ какой бѣдѣ?

ПАСТОРЪ.

Безумецъ ослѣпленный,
Проснитесь, наконецъ, вѣдь вы въ бреду...
Вы въ страшномъ снѣ, и, если Божье слово
Васъ не разбудитъ, мастеръ Генрихъ, вы
Погибли навсегда, и муки ада
Вамъ суждены.

ГЕНРИХЪ.

Не думаю.

ПАСТОРЪ.

Пророкъ

Сказалъ слова: «Кого сгубить захочетъ

Господь, царящій въ небѣ, поразить
Онъ слѣпотой того».

ГЕНРИХЪ.

Коль Богъ назначилъ

Погибель мнѣ, — его свершится воля.
Но почему жъ считаете меня
Вы ослѣпленнымъ? Я съ благоговѣньемъ
Молюся въ свѣтлый утра часъ
И вижу я отверстыми очами
Сіянье Божьяго величья.

ПАСТОРЪ.

Генрихъ,

Полетъ вашъ черезчуръ высокъ, поймите.
Я человѣкъ простой, я на землѣ
Жить обреченъ и мало разумѣю
Я въ выспреннихъ вещахъ. Но все же мнѣ
Одно вполне понятно: вы забыли —
Что правда, что неправда, что есть зло
И что добро.

ГЕНРИХЪ.

Адамъ въ раю объ этомъ
Не больше зналъ, чѣмъ я.

ПАСТОРЪ.

Слова, слова!

Вы ими не прикроете нечестья!
Мнѣ жаль васъ, я васъ пощадить хотѣлъ...
У васъ вѣдь есть жена и дѣти, Генрихъ.

ГЕНРИХЪ.

Такъ что же?

ПАСТОРЪ.

Покидаете вы ихъ,
Бѣжите въ горы, по недѣлямъ цѣлымъ

Не возвращаетесь домой; а тамъ
Томятся ваши близкіе: тамъ дѣти
Пьютъ слезы бѣдной матери своей...

ГЕНРИХЪ.

О, пасторъ, если бы я эти слезы
Могъ осушить,—я осушилъ бы ихъ!
Но я не въ силахъ это сдѣлать. Горю
Сочувствую вполнѣ я, но смягчить
Его не въ состояннн. Да, теперь я
Живу любовью, самъ я весь любовь
И ею обновленъ. Но все жъ не смѣю
Я отъ избытка своего богатства
Наполнить кубокъ для моей семьи:
Мое вино для нихъ отравой будетъ.
Могу ли я вотъ этою рукой,
Съ орлиными когтями вмѣсто пальцевъ,
Ребенка щечку нѣжную ласкать?
Нѣтъ, только Богъ одинъ помочь имъ можетъ.

ПАСТОРЪ.

Но это вѣдь безумье. Я сказалъ.
Да, нечестивое безумье. Мастеръ
Я пораженъ жестокосердіемъ вашимъ.
О, злomu духу удалось вполнѣ
Его продѣлка, долженъ я сознаться.
Вѣдь это дивное созданье ваше,
Которымъ вы такъ бредите—ужель
Не чувствуете вы?—оно есть мерзость,
Языческая мерзость. Нѣтъ, пускай
Всѣ казни злыя, что рука Господня
Ниспосылала древле на Египеть,
Обрушатся на христіанскій міръ,
Все жъ это будетъ легче, чѣмъ увидѣть
Оконченнымъ вашъ нечестивый храмъ.
Ваалу, Вельзевулу и Молоху!

Останьтесь христіаниномъ. Еще
 Для васъ не поздно это. Прогоните
 Разлучницу, негодную дѣвчонку,
 Колдунью, вѣдму. Сбросьте разомъ мракъ
 Лукавыхъ чаръ—и вы спасетесь!

ГЕНРИХЪ.

Когда въ горячкѣ смертной я лежалъ,
 Она пришла ко мнѣ и исцѣлила
 Недугъ мой.

ПАСТОРЪ.

Лучше бъ было умереть,
 Чѣмъ исцѣлиться съ помощію ада.

ГЕНРИХЪ.

Объ этомъ, пасторъ, можете судить,
 Какъ вамъ угодно. Отъ нея я принялъ
 Жизнь новую и съ нею буду связанъ,
 Пока меня съ ней смерть не разлучитъ.

ПАСТОРЪ.

Я вижу вамъ возврата нѣтъ. Глубоко,
 По горло вы погрязли въ бездну зла
 И адъ свой преукрасили красою
 Небесною. Зло крѣпко держитъ васъ.
 Я дальше не пойду. Но вамъ извѣстно:
 Въ былые дни, какъ и теперь, костерь
 Колдуньямъ и еретикамъ назначень.
 Vox populi—vox Dei. Ваши всѣ
 Дѣянія языческія въ ужасъ
 Людей приводятъ, возбуждаютъ въ нихъ
 Къ вамъ ненависть. Случиться очень можетъ,
 Что мы не въ силахъ будемъ обуздать
 Порывъ возстанья. Оскорбленный вами
 Въ его святынѣ, бросится народъ

На вашу мастерскую безъ пощады,
Чтобъ истребить очагъ грѣха и зла.

ГЕНРИХЪ, послѣ краткаго молчанія,
спокойно.

Послушайте, не запугать меня вамъ!
Когда томимый жаждой человекъ,
Къ которому я приближаюсь съ кубкомъ
Прохладнаго напитка, вырветъ вдругъ
Тотъ кубокъ, разольетъ его и послѣ
Умретъ отъ жажды,—я ль виновенъ буду
Въ его безумной смерти? Самъ хотѣлъ
Онъ участи такой, и пусть заслужитъ
Свою судьбу. Я жаждущей толпѣ
Несу живую воду возрожденья.
Пусть въ ярости бросается толпа
И разбиваетъ драгоценный кубокъ,
Пусть затмеваетъ дивный свѣтъ небесъ
Безумья тьма,—я не дрогну душою.
Я знаю, что хочу, на что способенъ!
Да, мнѣ не разъ случалось разбивать
Колоколовъ уже готовыхъ формы;
И вотъ опять могу поднять я молотъ
И раздробить однимъ ударомъ въ прахъ
Тотъ жалкій колоколь, что грубой чернью
Отлить изъ злобы, желчи и тщеславья,
Отлить затѣмъ, что благовѣстилъ онъ
Невѣжество и глупость!

ПАСТОРЪ.

Ну, прощайте.
Я все сказалъ вамъ, Генрихъ,—все, что могъ.
Никто не вырветъ сорную траву
Грѣховныхъ помысловъ, что въ вашемъ сердцѣ.
Да смилуется надъ тобою Богъ!
Но дай еще одно сказать. Есть слово—

Раскаянье; о, человекъ, придетъ,
Придетъ тотъ день, когда тебя стрѣлою
Оно пронзитъ, и ты не будешь жить,
И не умрешь, и проклянешь въ смятеньи
И самого себя, и міръ, и Бога,
Свое твореніе, и все на свѣтѣ!
Тогда... тогда ты вспомни обо мнѣ.

ГЕНРИХЪ.

Всѣ эти ужасы себѣ представить
Я могъ бы лучше васъ, почтенный другъ.
Но то, что вы сулите, не случится.
Меня стрѣла раскаянья не можетъ
Поранить, какъ не можетъ зазвонить
Тотъ старый колоколь, что рухнулъ въ пропасть
И въ озерѣ теперь лежитъ на днѣ.

ПАСТОРЪ.

Онъ зазвонитъ — я говорю тебѣ!
Онъ зазвонитъ — и ты его услышишь!

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ДВѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Внутренность лачуги, какъ въ третьемъ дѣйствіи. Въ скалистой стѣнѣ, направо, ходъ, ведущій въ горную пещеру. Налѣво открытый кузнечный очагъ съ мѣхами и дымовой трубой. На очагѣ пылаетъ огонь. Невдалекѣ отъ очага наковальня.

I.

Генрихъ держитъ на наковальнѣ кусокъ раскаленнаго желѣза. Около Генриха шестеро карликовъ въ одеждѣ рудокоповъ. Первый карликъ, мѣстѣ съ Генрихомъ, придерживаетъ клещи. Второй взмахиваетъ большимъ молотомъ и опускаетъ его на раскаленное желѣзо. Третій раздуваетъ огонь мѣхомъ. Четвертый внимательно наблюдаетъ за работой. Пятый стоитъ въ выжидательной позѣ; въ рукахъ у него кирка; онъ, очевидно, готовится ею орудовать. Шестой карликъ сидитъ на небольшомъ возвышеніи на головѣ у него блестящая коронка.

Кругомъ видны: отлитыя формы, архитектурныя украшенія, фигуры.

ГЕНРИХЪ.

Бей, колоти, покуда хватитъ силы!
Твое нытье не трогаетъ меня:
Не сдѣлаешь того, что я назначилъ —
Я бороду тебѣ спалю.

Второй карликъ бросаетъ молотъ.

А, плутъ,

Я такъ и зналъ! Ну, погоди жъ, увидишь
Ты у меня сейчасъ, что говорилъ
Не въ шутку я.

Хватаетъ карлика и держитъ надъ огнемъ. Карликъ барахтается
и визжитъ. Карликъ, раздувающий мѣхъ, начинаетъ работать еще
усерднѣе.

ПЕРВЫЙ КАРЛИКЪ.

Силъ больше нѣтъ, хозяинъ!

Рука нѣмѣтъ!

ГЕНРИХЪ.

Я приду сейчасъ.

Второму карлику.

Что, отдохнулъ?

Второй карликъ весело киваетъ головой, снова схватываетъ
молотъ и колотитъ имъ.

Клянусь я пѣтухомъ

И лебедемъ! Держать васъ надо въ страхѣ.

Берется опять за клещи.

Подковы бы не могъ сковать кузнецъ,

Когда бъ онъ церемонился съ такими

Лѣнтыями. Ударивъ первый разъ,

Вы думаете силы ужъ не хватить

Вамъ на второй ударъ. Охоты нѣтъ,

Старанія. Ну, колоти живѣе!

Ты что тамъ дѣлаешь?

ПЕРВЫЙ КАРЛИКЪ, въ своемъ усердіи
пробуетъ придать форму раскаленному желѣзу рукой.

Моей рукою

Сформирую я желѣзо.

ГЕНРИХЪ.

Ты безумецъ!

Иль хочешь руку ты испепелить?

Что буду дѣлать я, коль перестанешь
Ты мнѣ служить? Какъ къ солнцу вознесу
То зданіе, которое замыслилъ?

ПЕРВЫЙ КАРЛИКЪ.

Готова форма. А рука немного
Устала, онѣмѣла—вотъ и все.

ГЕНРИХЪ.

Скорѣй къ бассейну. Пусть зеленой тиной
Тебѣ обложитъ пальцы Водяной.

Ко второму карлику.

Ну, будетъ, отдохни теперь, лѣнивонецъ.

Береть только-что выкованный кусокъ желѣза, садится
и разглядываетъ его.

Прекрасно! Превосходно! Я достигъ
Желаннаго успѣха. Я доволенъ
Въ послѣдній этотъ часъ моимъ трудомъ:
Беформенная масса обратилась
Въ осмысленную форму, чудный перлъ
Ихъ хаоса образовался. Надо
Теперь одно: сработанную часть
Включить въ недовершенное созданье.

Четвертый карликъ влѣзаетъ на табуретъ и что-то шепчетъ
на ухо Генриху.

Что ты такое шепчешь?.. Прочь! Оставь
Меня въ покоѣ, а не то свяжу
Тебѣ я руки, ноги и заткну
Твой глупый ротъ.

Карликъ убѣгаетъ.

Ну, что же въ этой части
Не нравится тебѣ? Что не подходитъ
Въ ней къ цѣлому? Да говори жъ, тебя
Я спрашиваю? Никогда такъ вѣрно
Я не работалъ, какъ теперь: рука
Вполнѣ согласна съ мыслию. И смѣешь

Ты порицать меня? Иль я не мастеръ?
Иль ты меня искуснѣй? Подойди
И объясни мнѣ внятно и толково,
Что хочешь ты сказать?

Карликъ подходитъ и шепчетъ. Генрихъ блѣднѣетъ, вздыхаетъ, поднимается и кладетъ приготовленную часть снова на наковальню.

Пусть сатана

Работу эту адскую кончаетъ,
А я примусь копать въ огородѣ,
Начну сажать картофель и морковь.
Я буду пить и ѣсть и спать спокойно,
Ну, а потомъ умру.

Пятый карликъ подходитъ къ наковальнѣ.

Не смѣй, не смѣй

Къ моей работѣ прикасаться! Слышишь?
Ты весь дрожишь отъ злости, волоса
Щетиной поднялись, глаза сверкаютъ,
Какъ молніи. Убійца! Знаю я, —
Кто твердою рукой тебя не сдержитъ,
Тому одно останется: нагнуть
Передъ тобою голову покорно,
Подъ роковой ударъ твоей кирки!

Пятый карликъ разбиваетъ выдѣланную форму на наковальнѣ.

Генрихъ въ гнѣвѣ скрежещетъ зубами.

Довольно! Вечеромъ сегодня — праздникъ.

Работа кончена. Идите. Вновь

На утро соберусь я съ свѣжей силой

И васъ тогда я призову опять.

Ты что стоишь съ мѣхами? — Убирайся!

Всѣ карлики, кромѣ того, что съ короной, уходятъ.

А ты, увѣнчанный короной, — ты,

Что говоришь однажды только въ жизни,

Чего стоишь и ждешь здѣсь? Уходи.

Ты не сегодня и не завтра слово

Завѣтное свое произнесешь.

Богъ вѣсть, услышу ль я когда: «свершилось,

Свершилось все!» Ахъ я усталъ, усталъ...
 Я не люблю печальный часъ вечерній.
 Межъ днемъ и ночью проползаетъ онъ,
 И дню, и ночи чуждый; вырываетъ
 Онъ молотъ изъ руки моей, но сна
 Мнѣ не даетъ; а только сонъ намъ силы
 Вновь возвращаетъ. Утра свѣтъ бодрить;
 Но, пурпуромъ окутанное, солнце
 Нисходитъ въ глубину, и на землѣ
 Грустимъ мы въ одиночествѣ суровомъ
 И въ тьмѣ ночной беспомощно дрожимъ.
 Мы утромъ—короли. Настанетъ вечеръ,
 Мы—нищіе.

Ложится на камень и грезить съ открытыми глазами. Въ отверстие стѣны проникаетъ бѣлесоватый туманъ. Когда онъ разсѣялся, появляется изъ бассейна Водяной.

ВОДЯНОЙ.

Квараксъ! Брекекекексъ!

Залегъ на отдыхъ мастеръ нашъ. Лежить
 И ничего не видитъ и не слышитъ,
 А тамъ, на скалы, призраки ползутъ,
 Карабкаются, кулаками злобно
 Грозятъ они, иль бѣшено кричатъ...
 Лежить нашъ мастеръ утомленный. Холодъ
 И боль въ его костяхъ, но трудъ дневной
 И въ грезахъ сна онъ все же продолжаетъ.
 Оставь! Твой трудъ—напрасная борьба.
 Ты съ Богомъ борешься. Ты Бога вызвалъ,
 И Богъ отвергъ тебя и ты ослабъ!

Генрихъ со стономъ ворочается.

Твои всѣ жертвы тщетны. Ты виновень.
 И не искупишь ты вину трудомъ.
 Благословенья не взялъ ты у неба,
 Чтобы въ заслугу превратить свой грѣхъ,
 Въ награду—кару. Гордости порокомъ
 Ты омраченъ. Возьмездья близокъ часъ.

Въ ущельяхъ горныхъ демоны толпою
 Сбираются на дикую охоту.
 Ты слышишь, слышишь черной своры лай?
 Свою добычу сыщеть злая свора!
 Ты видишь: великаны въ облакахъ
 Громады замковъ темныя воздвигли:
 Они обрушатъ ихъ на выси горъ,
 Чтобъ раздавить тебя, червякъ ничтожный,
 И жалкое мечты твоей созданье!

ГЕНРИХЪ.

Я задыхаюсь. Раутенделейнъ,
 Ко мнѣ, ко мнѣ! На помощь!

ВОДЯНОЙ.

Пусть услышитъ

Она тебя и пусть къ тебѣ придетъ,
 Но все же помочь она тебѣ не можетъ.
 И если бы она была какъ Фрея
 Прекрасна и могуча, если бъ ты
 Былъ Бальдеромъ и солнечныя стрѣлы
 Ты изъ колчана своего металъ—
 Все жъ и тогда близка твоя погибель
 Да, слушай, слушай, что тебѣ скажу:
 Тамъ, въ озерѣ, на каменистомъ ложѣ
 Лежить упавшій колоколь и вверхъ
 Стремится всплыть, гдѣ въ темносинихъ волнахъ
 Отражены небесныхъ звѣздъ огни,
 И такъ гудитъ онъ жалобно, какъ будто
 Сбирается звонить надъ мертвецомъ.

Бимъ-бомъ.

О, вздрогнешь ты отъ горькихъ мукъ
 Когда его раздастся звукъ—

Бимъ-бомъ!

Навѣки ты утратишь сонъ,
 Услышавъ тотъ могильный звонъ—

Бимъ-бомъ!

Спасите! Помогите!

ГЕНРИХЪ.

Просыпается.

Что со мною?

Я живъ или умеръ?

Онъ протираетъ глаза и озирается.

Есть тутъ кто-нибудь?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ, появляется у входа

Я здѣсь, съ тобой. Меня ты кликалъ, Генрихъ?

ГЕНРИХЪ.

Да, да, приди ко мнѣ! Приди ко мнѣ!
 Дай руку. Положи на лобъ горячій.
 Вотъ такъ. Хочу я чувствовать тебя,
 И шелкъ твоихъ волосъ и трепегъ сердца...
 Склонись на грудь мою. Цѣлуй меня!
 Весны дыханіе и свѣжесть лѣса,
 И ароматъ цвѣтовъ твой поцѣлуй
 Приносить мнѣ.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Мой дорогой, ты боленъ?

ГЕНРИХЪ.

Нѣтъ... ничего. Я здѣсь лежалъ, озябъ...
 Дай одѣяло мнѣ... Лишился чувствъ я
 И сердце замерло, и мнѣ казалось,
 Что силы темныя вокругъ меня
 Сошлись и мучаютъ меня, какъ жертву...
 Но это все прошло. Теперь онѣ
 Не властны надо мною.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Кто не властенъ?

ГЕНРИХЪ.

Враги.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Какіе же враги?

ГЕНРИХЪ.

Всѣ, всѣ!

Какъ ихъ зовутъ—не знаю я. Подкрались
Они во тьмѣ коварно, какъ гѣнна,
Меня сгубить. Но я имъ не поддамся.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ты въ лихорадкѣ, Генрихъ.

ГЕНРИХЪ.

Да, знобитъ

Меня немножко. Не тревожся этимъ
И обними меня покрѣпче... Такъ.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Мой милый! Дорогой!

ГЕНРИХЪ.

Дитя, скажи мнѣ:

Въ меня ты вѣришь?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Генрихъ, ты мой богъ!

Ты—Бальдеръ! Ты—могучій рыцарь солнца!
Ты блѣднолицый. Я твой бѣлый лобъ
Цѣлую сладко, синевою ясною
Твоихъ очей не налюбуюсь я!

Пауза.

ГЕНРИХЪ.

Да я таковъ. Я Бальдеру подобенъ,
 Ты говоришь? Прекрасное дитя,
 Дай въ этомъ убѣдиться мнѣ, забывшись
 Въ твоихъ объятіяхъ. Забвенья хмель
 Для творчества необходимъ. Порой,
 Когда рука трудиться устаетъ,
 Роняя молотъ и клещи, и душу
 Тревожитъ мелкихъ неудачъ тоска,
 Когда одушевленіе и вѣра
 Насъ покидаютъ, свѣтлый идеалъ
 Невольно меркнетъ, пламень вдохновенья, —
 Небесный даръ, — утрачиваемъ мы.
 Тогда стоишь обманутый и жаждешь
 Избавиться, какъ отъ мечты пустой,
 Отъ муки творчества... Но я не буду
 Объ этомъ больше говорить теперь.
 Дымъ жертвенника моего покуда
 Летитъ струей прямою къ небесамъ,
 И если Божія рука направитъ
 Его къ землѣ, — не властенъ въ этомъ я.
 Тогда одежду жреческую сброшу
 Я съ плечъ моихъ и покорюсь судьбѣ.
 Теперь же — свѣта! факеловъ! Искусство
 Свое волшебное мнѣ покажи:
 Дай мнѣ вина и будемъ веселиться
 Мы, какъ простые люди, и ловить
 Минуту счастья.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Я летала, милый,
 Носясь по вѣтру точно паутинка,
 Порхая по цвѣтамъ, какъ мотылекъ,
 И съ каждаго цвѣтка и съ каждой травки,
 Съ гвоздики, съ колокольчиковъ, — со всѣхъ
 Взяла я клятву, что они не стануть

Вредить тебѣ ничѣмъ. И каждый Эльфъ,
Какъ ни былъ бы враждебень, не отточить
Стрѣлы онъ смертоносной для тебя!

ГЕНРИХЪ.

Что говоришь ты про стрѣлу? О томъ
Слыхаль я рѣчь отъ призрака, въ одеждѣ
Священника: онъ руку простираль
И мнѣ грозилъ пронзить стрѣлою сердце.
Но кто же, кто метнетъ въ меня стрѣлу?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Никто, никто, мой милый, успокойся.
Ты безопасенъ здѣсь со мной. Кивни
Мнѣ только головою—и польются
Волшебныхъ пѣсенъ свѣтлые лучи,
Замкнутъ тебя звучащею оградой,
И сквозь нее къ тебѣ не долетятъ
Ни голоса людей, ни звонъ печальный
Колоколовъ. Подай рукою знакъ—
И высоко чертоговъ пышныхъ своды
Надъ нами скалы вознесутъ, и рой
Веселыхъ гномовъ прибѣжитъ; цвѣтами
Они украсятъ пирные столы,
Карнизы, стѣны и заблещутъ ярко
Вкругъ насъ огни волшебные...

ГЕНРИХЪ.

Дитя,

Оставь, оставь все это! Пиръ волшебный
Не можетъ весилить меня, пока
Стоитъ, подобное руинѣ жалкой,
Мое твореніе. Настанетъ часъ
Завѣтный торжества и возликуетъ
Тогда душа моя весельемъ чуднымъ.
Теперь я рвусь туда, наверхъ: хочу

Я видѣть зданіе, съ которымъ скованъ
 Я узами желѣзными. Возьми
 Скорѣ факель и свѣти мнѣ. Чую
 Я сердцемъ: безымянные враги
 Подкапываютъ тайно основанье
 Заложенаго храма. Долженъ я
 Не пировать, а дѣйствовать. Окончу
 Я трудъ великій и передъ людьми
 Воздвигнется то чудо, что скрывалось,
 Воздвигнется изъ чугуна и камня,
 Сіяя золотомъ, слоновой костью,
 Воздвигнется—и будетъ изумлять
 Вѣка грядущіе.

Хочетъ идти, но останавливается у выхода.

Что жъ ты печально
 Стоишь, дитя? Иль я тебя обидѣлъ?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ...

ГЕНРИХЪ.

Но что жъ съ тобою?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ничего.

ГЕНРИХЪ.

Бѣдняжка! знаю, что тебя печалить:
 Ребенокъ ловить мотылька, смѣясь,
 И убиваетъ самъ, что любитъ нѣжно.
 Ужели я не лучше мотылька?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

А я не лучше ль этого ребенка?

ГЕНРИХЪ.

Да, лучше, лучше! Если бы объ этомъ
 Я позабылъ, то жизни смыслъ и блескъ

Утратился бы для меня. Приди же,
 Приди ко мнѣ! Твоихъ очей слеза
 Мнѣ выдаетъ то горе, что принесъ я
 Тебѣ, малютка. Вѣрь мнѣ, я люблю,
 Люблю тебя. Не плачь. Ты обновила
 Мнѣ душу для борьбы, ты мнѣ дала
 То золото, что бросилъ я на ставку
 Въ игрѣ съ богами. И теперь еще
 Я чувствую: наградой несказанной
 Твоя краса волшебная была
 Для моего измученнаго сердца:
 Съ тобою я извѣдалъ ласку счастья
 Непостижимаго. Впередъ! Свѣти!
 Свѣти мнѣ ярче на моемъ пути!

II.

ЛѢШІЙ, у входа.

Сюда! сюда! Взбирайтесь проворнѣе! Что вы тамъ
 мѣшкаете, сатана васъ побери! Впередъ, господинъ
 пасторъ! Впередъ, цирюльникъ! Здѣсь есть и солома,
 и смола, и хворостъ. А мастеръ Генрихъ цѣлуется со
 своею феечкой. Лежитъ въ постели и въ усь себѣ
 не дуется!

ГЕНРИХЪ.

Кажется, дуракъ объѣлся белены. Чего ты раз-
 орался ночью? Смотри, берегись!

ЛѢШІЙ.

Кого бояться? Тебя, что ли?

ГЕНРИХЪ.

А вотъ я тебя оттреплю за бороду, козлоногій не-
 годяй! Съ такими, какъ ты, я умѣю справляться. Я

тебѣ покажу, что я мастеръ! Я остригу тебя. Вотъ тогда ты и присмирѣешь: будешь ты у меня, козель, служить подмастерьемъ. Видишь наковальню и молотъ? Онъ достаточно тяжелъ, чтобы расплющить тебя въ лепешку.

ЛѢШІЙ, подставляя спину.

Попробуй, поколоти! Меня не то что молотъ, и мечъ не беретъ, а только щекотить.

ГЕНРИХЪ.

Погоди ты у меня, проклятый зобатый бѣсъ. Будь ты старъ, какъ дремучій боръ и силенъ, какъ медвѣдь, я все-таки посажу тебя на цѣпь, заставлю таскать воду, мести хижину, таскать камни. А залѣнишься—розги!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Генрихъ, вѣдь онъ тебя предостерегаетъ.

ЛѢШІЙ.

Веселѣй! Спѣшите сюда, ребята! Славная будетъ потѣха. И я вамъ помогу. Вотъ, мастеръ, они тебя разрубятъ на жаркое, какъ теленка. А я имъ притащу сѣры, масла и смолы. Такой запалимъ огонекъ, что отъ дыму свѣтъ потемнѣетъ!

Уходитъ. За сценой крики толпы.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ты слышишь, Генрихъ, голоса людей!
Они грозятъ тебѣ! Они все ближе!
На помощь! Бабушка!

Летятъ каменя. Одинъ попадаетъ въ Раутенделейнъ.

ГЕНРИХЪ.

Приснилось мнѣ,
Что свора гонится за мною. Слышу

Я этой своры вой. Ну, что жъ, я радъ,
Идите! Если бъ даже ангелъ съ неба
Ко мнѣ сошелъ и началъ убѣждать,
Что трудъ мой важенъ, я бы убѣдился
Его словами меньше, чѣмъ теперь,
Когда услышалъ этотъ вой противный.
Идите! Я васъ буду защищать
Отъ васъ самихъ: вотъ лозунгъ мой!

Уходить.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ, въ тревогѣ.

Спасите!

Спасите! помогите! Водяной,
Прошу тебя: спусти по скаламъ воду
Потокомъ бурнымъ. Прогони людей!
Я умоляю, сдѣлай это, сдѣлай!

ВОДЯНОЙ, появляется въ бассейнѣ.

Брекекекексъ! Что сдѣлать долженъ я?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Смой въ пропасть ихъ волнами водопада.

ВОДЯНОЙ.

Я не могу.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ну, полно, Водяной,
Ты можешь это сдѣлать.

ВОДЯНОЙ.

Да, помилуй,
Что будетъ въ этомъ толку? Вѣдь для васъ
Помѣха мастеръ Генрихъ. Онъ надъ богомъ
Желаетъ властвовать и надъ людьми.

Пускай они убьютъ его теперь:
Мнѣ это на руку.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ступай скорѣе

И помоги ему.

водяной.

А что ты дашь

За это мнѣ?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Скажи, чего ты хочешь?

водяной.

Хочу тебя. Брекекекексъ! хочу,
Чтобъ плечи смуглыя ты мнѣ открыла,
Чтобъ съ ножки красный башмачекъ сняла.
Раздѣнься, сдѣлайся такой, какъ прежде,
Спустись ко мнѣ сюда и унесу
Тебя далеко я.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Вишь, какъ разумно
Ты рассудилъ. Такъ знай же никогда
Не буду я твоей, хотя бы вдвое
Иль втрое старше бабушки ты былъ,
Хотя бы заключилъ меня, какъ жемчугъ,
Ты въ раковину—слышишь: никогда!

водяной.

Ну, коли такъ—пускай погибнетъ мастеръ!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ты лжешь! Я чувствую, старикъ, ты лжешь:
Ты слышишь, онъ зоветъ меня! Ага,
Ты испугался, ты узналъ тотъ голосъ!

Водяной скрывается. Генрихъ входитъ. Онъ возбужденъ борьбой,
смѣется дикимъ, торжествующимъ смѣхомъ.

ГЕНРИХЪ.

Какъ псы, они напали на меня,
 Какъ псовъ я разогналъ ихъ головнями
 Горящими. Я отрывалъ гранитъ
 И глыбами бросалъ его съ утеса:
 Кто не погибъ на мѣстѣ—тотъ бѣжалъ.
 Дай мнѣ напитокъ. Освѣжаетъ душу
 Горячая борьба: клокочетъ кровь
 И сердце бьется весело тревогой
 Побѣдною и чувствуетъ сильнѣй
 Любовь и ненависть.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Вотъ, Генрихъ, выпей.

ГЕНРИХЪ.

Давай, давай. Дитя мое, я вновь
 Хочу твоей любви, я жажду свѣта!

Пьетъ.

Пью въ честь тебя, небесный счастья духъ!
 Съ тобой опять любовью сочетаюсь.
 Художникъ—если онъ съ тобой въ разладѣ—
 Во тьмѣ погибнетъ; тяготы земли
 Не одолѣетъ онъ. О, будь со мною:
 Ты окрыляешь душу мнѣ, дитя!
 Не покидай меня, я умоляю!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Лишь ты меня бы не покинулъ, Генрихъ...

ГЕНРИХЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! Да сохранить меня Господь
 Ну, музыку!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Сюда, мои малютки,
Изъ норъ, изъ щелей, изъ разсѣлинъ скалъ,
Сбирайтесь всѣ сюда! На звонкихъ лютняхъ,
На флейточкахъ играйте. Пусть звучитъ
Весельемъ пиръ побѣдный!

Музыка.

Въ рѣзвой пляскѣ
Подъ вашу музыку я закружусь!
На золотыя кудри я надѣну
Уборъ сверкающій изъ свѣтляковъ:
Пусть онъ живымъ мерцаетъ ореоломъ
Надъ головою феи!

ГЕНРИХЪ.

Тише, тсс!

Мнѣ чудится...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Что, милый?

ГЕНРИХЪ.

Ты не слышишь?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Чего не слышу я?

ГЕНРИХЪ.

Такъ, ничего...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Но что съ тобою, дорогой?

ГЕНРИХЪ.

Не знаю...

Мнѣ показалось, съ музыкой слился
Какой-то странный звукъ.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Какой же, Генрихъ?

ГЕНРИХЪ.

Звукъ жалобный... умолкнувшій давно...

Но это ничего... Оставимъ это.

Приди ко мнѣ, дай пурпурный цвѣтокъ
Твоихъ прекрасныхъ устъ—волшебный кубокъ,
Который пьешь и жаждешь, жаждешь пить
Безъ устали. Пусть сладко опьяненный
Забудусь я.

Они цѣлуются. Продолжительная пауза. Затѣмъ, обнявшись,
идутъ къ выходу и любятъ величественнымъ горнымъ кряжемъ.

Смотри: отъ темныхъ скалъ,
Спускаясь внизъ, долина протянулась.
Живутъ тамъ люди. Человѣкъ и я.
Но я имъ чуждъ теперь; пойми: я дома
Всѣмъ чуждъ. И здѣсь, на горныхъ высотахъ,
Я также чуждъ... Меня понять ты можешь?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ, тихо.

Да, Генрихъ.

ГЕНРИХЪ.

Ты сказала это «да»
Такъ странно.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Я боюсь.

ГЕНРИХЪ.

Чего?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Не знаю.

ГЕНРИХЪ.

Пойдемъ. Пора на отдыхъ.

Отводитъ ее, но вдругъ останавливается у входа и оглядывается.

Одного

Я не хотѣлъ бы: этотъ блѣдный мѣсяцъ,
 Что взоромъ пристальнымъ глядитъ и льетъ
 Лучи кристальные,—пусть онъ долину,
 Откуда я пришелъ, не озаряетъ!
 Что скрылъ завѣсой сѣрою туманъ,
 Того не долженъ видѣть я... Что это?...
 Ты ничего, дитя, не слышишь?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Нѣтъ.

И что сказалъ ты—я не понимаю.

ГЕНРИХЪ.

Какъ? и теперь не слышишь ничего?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Но что же слышать мнѣ? Я слышу: вѣтеръ
 Шуршитъ въ травѣ. Я слышу крикъ совы,
 И странныя слова твои я слышу,
 Что ты съ испугомъ шепчешь.

ГЕНРИХЪ.

Тамъ, внизу,
 Луны кровавый отблескъ. Видишь, видишь,
 Въ водѣ онъ отразился?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ничего

Не вижу я.

ГЕНРИХЪ.

Какъ, взоръ твой соколиный
 Не видитъ ничего? Ослѣпла ты?
 Что тамъ ползеть такъ медленно, такъ тихо?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ты обманулся.

ГЕНРИХЪ.

Нѣтъ, молчи, молчи!
 Нѣтъ, я не обманулся. Это вѣрно,
 Какъ то, что на прощеніе небесъ
 Надѣюсь я. Смотри, теперь на камняхъ,
 Что около тропинки, чья-то тѣнь...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Довольно. Не смотри туда. Я двери
 Запру. Насильно я спасу тебя.

ГЕНРИХЪ.

Оставь! Оставь! Я долженъ, долженъ видѣть!
 Хочу я видѣть.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Отойди. Ты слабъ.
 Тамъ, въ котловинѣ, облака по вѣтру
 Крутятся, будто волны водопада.

ГЕНРИХЪ.

Не слабъ я. Это ничего. Прошло.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ну, вотъ и хорошо. Очнись, мой Генрихъ,
 И снова будь властителемъ тѣхъ чаръ,
 Что на тебя нагнало навожденье.
 Возьми свой молотъ! Размахнись сильнѣй...

ГЕНРИХЪ.

Но развѣ и теперь тебѣ не видно:
Тамъ по горѣ карабкаются?..

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Гдѣ?

ГЕНРИХЪ.

Тамъ, наверху, тамъ, по тропинкѣ горной,
Они въ однѣхъ лишь рубашонкахъ...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Кто?

ГЕНРИХЪ.

Босые мальчуганы. Тащутъ оба
Они кувшинъ. Онъ такъ тяжелъ для нихъ:
Вонъ то одинъ колѣнкой подпираетъ,
То вслѣдъ за нимъ другой...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

О, что съ тобою,

Скажи мнѣ, Генрихъ?

ГЕНРИХЪ.

Точно у святыхъ,

Вкругъ ихъ головокъ свѣтлое сіянье.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Обмануть ты блудящимъ огонькомъ.

ГЕНРИХЪ.

Нѣтъ, нѣтъ. Сложи-ка руки. Ну, ты видишь?
Вотъ, вотъ они. Ты видишь?

Онъ становится на колѣни. Появляются двое дѣтей; они въ однѣхъ
рубашонкахъ, робко пробираются, придерживая кувшинъ.

ПЕРВЫЙ РЕБЕНОКЪ.

Папа!

ГЕНРИХЪ.

Что,

Мое дитя?

ПЕРВЫЙ РЕБЕНОКЪ.

Намъ мамочка велѣла
Снести поклонъ тебѣ.

ГЕНРИХЪ.

Благодарю,
Мой милый мальчикъ. Что же, хорошо ей
Теперь живетъся?

ПЕРВЫЙ РЕБЕНОКЪ, медленно ударяя на
каждое слово.

Да, ей хорошо.

Едва слышный звукъ колокола раздается изъ глубины.

ГЕНРИХЪ.

Что вы такое принесли?

ВТОРОЙ РЕБЕНОКЪ.

Кувшинчикъ.

ГЕНРИХЪ.

Не для меня ль?

ВТОРОЙ РЕБЕНОКЪ.

Да, папа, для тебя.

ГЕНРИХЪ.

Но что жъ у васъ въ кувшинѣ томъ?

ВТОРОЙ РЕВЕНОКЪ.

Питье

Соленое.

ПЕРВЫЙ РЕВЕНОКЪ.

И горькое.

ВТОРОЙ РЕВЕНОКЪ.

То — слезы мамы.

ГЕНРИХЪ.

О, Боже милосердный!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

На кого ты

Такъ пристально глядишь?

ГЕНРИХЪ.

На нихъ, на нихъ...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Да на кого же?

ГЕНРИХЪ.

Или ты ослѣпла?

На нихъ. Гдѣ жъ ваша мама, гдѣ она?

ПЕРВЫЙ РЕВЕНОКЪ.

Гдѣ наша мама?

ГЕНРИХЪ.

Да.

ВТОРОЙ РЕВЕНОКЪ.

Тамъ подъ водою,

Гдѣ розы.

ГЕНРИХЪ.

Колоколь!.. Вотъ... вотъ опять...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Какой еще тамъ колоколь?

ГЕНРИХЪ.

Тотъ... старый,
 Чтò въ озерѣ лежитъ... онъ зазвонилъ!..
 Кто это сдѣлалъ?.. Не хочу я слушать...
 Нѣтъ, не хочу!.. О, помоги же мнѣ!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Опомнись, Генрихъ!

ГЕНРИХЪ.

Боже, дай мнѣ силы!
 Онъ вновь звонитъ! Ты слышишь этотъ гулъ,
 Какъ будто изъ могилы?.. Выше... выше
 Онъ поднимается...

Отталкивая Раутенделейнъ.

Прочь отъ меня!

Тебя я ненавижу!.. Я ударю
 Тебя, проклятая колдунья!.. Прочь!
 Проклятье надо мной и надъ тобою,
 И надъ моимъ твореньемъ, и надъ всѣмъ,
 Надъ всѣмъ на свѣтѣ!.. Здѣсь я... здѣсь я... Магда...
 Иду... О, небо сжался надо мной...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Опомнись, Генрихъ... Онъ ушелъ!.. ушелъ!..

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Декорация перваго дѣйствія: горная поляна съ хижиной Виттихи. За полночь. Три эльфы сидятъ около колодца.

ПЕРВАЯ.

Огни пылають.

ВТОРАЯ.

Вѣтъ вѣтеръ бурный
Съ высокихъ горъ въ долину.

ТРЕТЬЯ. -

Черный дымъ

Клубится и, задѣвъ вершины сосенъ,
Спускается съ утесовъ.

ПЕРВАЯ.

А внизу

Туманъ бѣлѣтъ...

ВТОРАЯ.

Въ роцѣ задремавшей
Въ часъ поздній распѣваетъ соловей
И такъ рыдаетъ жалобно, что слушать
Нельзя безъ слезъ.

ТРЕТЬЯ.

Какъ странно! Я уснула

На тонкой паутинкѣ межъ цвѣтовъ.
 На пурпурной, сплетенной дивно ткани,
 Какъ будто бы на царскомъ ложѣ, мнѣ
 Лежать такъ было хорошо. При блескѣ
 Зари вечерней, свѣтлая роса
 Сверкала брилліантами. Былъ сладокъ
 Мой сонъ. Когда же пробудилась я,—
 Заря померкла, сѣрый сумракъ ночи
 Кругомъ ложился до тѣхъ поръ, пока,
 Какъ глыба раскаленного металла,
 Луна не выплыла надъ гребнемъ скаль,
 И подъ ея кровавыми лучами
 Лужайка вся какъ будто ожила:
 Послышался повсюду шопоть, вздохи,
 И жалобные голоса и плачь...
 Мнѣ стало страшно, кликнула въ тревогѣ
 Я свѣтлаго жучка, что промелькнулъ
 Съ фонарикомъ своимъ зеленымъ мимо,
 Но полетѣлъ онъ дальше. Я лежала
 Въ томлении грустномъ... Вдругъ прелестный эльфъ
 На крылышкахъ блестящихъ стрекозы
 Ко мнѣ спустился и ласкать другъ друга,
 И цѣловать мы стали... и, къ груди
 Меня прижавъ, возлюбленный съ тоскою
 Заплакалъ и сказалъ мнѣ: «Бальдеръ умеръ»...

ПЕРВАЯ, встаетъ.

Огни пылаютъ!

ВТОРАЯ, тоже встаетъ.

Бальдера костеръ!

Исчезаетъ.

ТРЕТЬЯ.

Да, Бальдеръ умеръ, Бальдера хоронятъ!

Исчезаетъ.

ПЕРВАЯ.

Проклятіе ложится надъ землею,
 Какъ дымъ отъ погребальнаго костра!
 Туманъ стелется надъ поляной; когда онъ разсѣивается—эльфы
 исчезли. Лѣшій выходитъ изъ лѣсу.

ЛѢШІЙ, кричитьъ въ колодець.

Эй! царь лягушечій, всплывай наверхъ!
 Плескунъ проклятый! Али ты не слышишь?
 Заснулъ ты, что ли? Говорю тебѣ:
 Иди сюда скорѣе! Если-бъ даже
 Прекраснѣйшая изъ наядъ ласкала
 Твою сѣдую бороду, — оставь
 Свою постель изъ тины. Расскажу я
 Тебѣ такія новости, что ты
 Запрыгаешь, старикъ.

ВОДЯНОЙ, изъ глубины колодца.

Бреккекекексь!

ЛѢШІЙ.

Да вылѣзай наверхъ! Что ты ворчишь?

ВОДЯНОЙ.

Мнѣ некогда. Оставь меня въ покоѣ.

ЛѢШІЙ.

Вишь, некогда ему! Ахъ, ты, брюханъ!
 Ты слышишь ли: я кое-что развѣдалъ.
 Что предсказалъ я, старый, то сбылось:
 Дѣвчонку мастеръ бросилъ. Коль не будешь
 Зѣвать теперь, такъ словишь прямо въ сѣть
 Ты рѣдкостную рыбку, хоть немного
 Подержанную; ну, да намъ съ тобой
 До этого нѣтъ дѣла. Говорю я

Тебѣ, старикъ: найти ты можешь больше,
Чѣмъ думалъ.

ВОДЯНОЙ, поднимается изъ колодца;
глаза у него лукаво сверкають.

Такъ бросилъ онъ ее!

И ты воображаешь, — за дѣвчонкой
Я побѣгу теперь?

ЛѢШІЙ.

Коль не нужна

Она тебѣ, такъ мнѣ бѣ узнать хотѣлось,
Гдѣ дѣвочка.

ВОДЯНОЙ.

Что жъ, лѣшенька, ищи,

Авось, найдешь.

ЛѢШІЙ.

Да я искалъ повсюду.

Всю ночь въ густомъ туманѣ я бродилъ,
Взбирался я на кручи, гдѣ и козы
Ходить боятся, спрашивалъ сурка;
Но ни сурокъ, ни даже соколъ горный
Не знали, гдѣ она. Увидѣлъ я
Костеръ горящій, вырвалъ головешку,
И снова я пошелъ искать въ лѣсу,
Покуда, наконецъ, не очутился
Предъ кузницей, покинутой въ горахъ;
Она горитъ теперь во мракѣ ночи,
Огонь свиститъ, трещать столбы и балки.
Конецъ величью мастера: оно
Навѣки рушилось!

ВОДЯНОЙ.

Про это знаю.

Не для того ль тревожилъ ты меня?

Да то ль еще я знаю! Мнѣ извѣстно,
 Что колоколь звонилъ, я знаю даже,
 Кто двигалъ мертвымъ языкомъ его.
 Когда бы видѣлъ ты, что здѣсь творилось,
 На днѣ глубокомъ въ озерѣ! Рука
 Застывшая утопленницы мертвой
 Заколебала колоколь, и онъ
 Вдругъ сталъ звонить, и гулъ его громовой
 Раздался, будто львицы грозный ревъ,
 И, оглашая горы и ущелья,
 Взывалъ онъ къ мастеру. Я видѣлъ ликъ
 Утопленницы, страшный, съ волосами,
 Прилипшими на черепѣ. Когда
 Костлявые ея касались пальцы
 Къ дрожащему металлу,—онъ гудѣлъ
 Съ двойною силою! Я старъ годами,
 Видалъ я много на своемъ вѣку,
 Но волосы мои сѣдые дыбомъ
 Отъ страха поднялись. Когда бы ты
 Увидѣлъ это, то ко мнѣ не сталъ бы
 Ты приставать съ какою-то дѣвчонкой?
 Ничтожное созданье! Пусть она
 Съ цвѣтка порхаетъ на цвѣтокъ. Довольно!
 Мнѣ надоѣло быть влюбленнымъ.

лѣшій.

Ну?

А мнѣ такъ вотъ не надоѣло. Каждый
 То дѣлаетъ, что нравится ему;
 И если въ руки захвачу я тѣло,
 Живое и прелестное, такъ что мнѣ
 До мертвой той, что въ озерѣ лежитъ?

водяной.

Квараксъ! Брекекекеккъ! Ищи, гдѣ хочешь,
 Хоть десять лѣтъ,—ее ты не найдешь.
 Она въ меня влюбилась, образины

Козлиныя противны ей. Прощай!
 Мнѣ надо внизъ, на дно. Ты понимаешь?
 Когда тебѣ твое удастся дѣло,
 То я, я—водяной, начну плясать
 Подъ дудку самой молодой русалки.
 Опускается въ колодець.

ЛѢШІЙ, кричить ему вслѣдъ.

Такъ вотъ какъ: скоро будешь ты качать
 Людского выродка! Да это вѣрно,
 Какъ то, что звѣзды на небѣ блестятъ,
 Какъ то, что рыбы плаваютъ, а птицы
 Летаютъ. Ну, спокойной ночи, дѣдъ!
 А я... впередъ по зарослямъ и чащамъ!..
 Убѣгаетъ, прыгая козломъ. Виттиха выходитъ изъ хижины и
 открываетъ ставни.

ВИТТИХА.

Нора вставать. Чую разсвѣтъ. Нынче ночью что-то
 сильно громыхало.

Пѣніе пѣтуха.

Ну, да, кукуреку! Буди другихъ. Для меня тебѣ не-
 чего трудиться. Я и безъ твоихъ кукуреку знаю все,
 что творится на бѣломъ свѣтѣ. Курица снесла золотое
 яйцо. Скоро на небѣ засвѣтитъ зоря. Запой свою пѣ-
 сенку, маленькій зябликъ. Новый день настаетъ—это
 навѣрное. Нѣтъ ли чего въ родѣ блудящаго огонька?
 Вотъ-на, я и забыла о моемъ аломъ камнѣ. Гдѣ онъ
 у меня? А, вотъ онъ.

Вытаскиваетъ изъ кармана блестящій рубинъ.

ГЕНРИХЪ за сценой.

Раутенделейнъ!

ВИТТИХА.

Такъ она сейчасъ и придетъ. Кричи побольше!

ГЕНРИХЪ.

Раутенделейнъ! Я здѣсь. Иль ты не слышишь?

ВИТТИХА.

Думается мнѣ, что не слышитъ.

Появляется Генрихъ, на скалѣ надъ хижиной, спасаясь отъ преслѣдованія. Онъ блѣденъ и растерянъ. Въ правой рукѣ раскачиваетъ камень, готовясь бросить его внизъ съ обрыва.

ГЕНРИХЪ.

Попробуйте! Осмѣльтесь! Будь то пасторъ,
Учитель, лавочникъ, цирюльникъ—кто
Шагнетъ наверхъ,—покатится отсюда
Внизъ головой! Не я, не я, а вы
Мою жену, бродяги, утопили!
Свищи пустые, сволочь! Бормотать
Готовы вы свои молитвы тридцать
Ночей подъ-рядъ, чтобъ воротить себѣ
Пропавшій грошъ, а Бога не стыдитесь
Обманывать на цѣлые червонцы!
Лжецы вы! Лицемѣры! Адъ сухой
Своей долины вы загородили
Плотиною каменной отъ волнъ живыхъ
И благодатныхъ райскаго потока!
Когда жъ, когда къ вамъ каменщикъ придетъ,
Чтобъ разорить ту крѣпкую плотину;
Не я имъ буду... нѣтъ, клянусь, не я!

Онъ отбрасываетъ камень и взбирается выше.

ВИТТИХА.

Остановись. Не ходи дальше: Туда нельзя.

ГЕНРИХЪ.

Старуха, что горитъ тамъ, наверху?

ВИТТИХА.

Охъ, почемъ мнѣ знать. Тамъ былъ человѣкъ, который построилъ—не то церковь, не то царскій замокъ. Потому онъ его бросилъ. Вотъ теперь и горитъ это зданіе.

Генрихъ въ отчаяніи пытается взобраться еще выше.

Говорятъ тебѣ: тамъ за стѣною обрывъ въ бездну. Чтобы взобраться туда, надо имѣть крылья. А твои крылья, человѣкъ, поломаны.

ГЕНРИХЪ.

Поломаны, иль нѣтъ, но я взойду
Туда наверхъ. То зданье, что пылаетъ—
Мое творенье. Понимаешь ты?
Я тотъ, кѣмъ созданъ этотъ храмъ горящій,
И все, чѣмъ былъ я, душу всю мою
Туда я ввергнулъ... Не могу я... силы
Мои слабѣютъ... не могу...

Молчаніе.

ВИТТИХА.

Отдохни маленько. Теперь темно идти. Вотъ скамья, присядь.

ГЕНРИХЪ.

Мнѣ отдыхать? Теперь? Когда бы ложе
Пуховое ты предложила мнѣ,
Оно бы привлекло меня не больше,
Чѣмъ груда черепковъ. И если бъ мать—
Ее, увы! давно ужъ нѣтъ на свѣтѣ—
Меня теперь поцѣловала въ лобъ,
Холодный отъ озноба,—не могла бы
Она мою тревогу успокоить.

ВИТТИХА.

Что жъ, можетъ быть, и такъ. Но, постой-ка у меня на погребѣ найдется для тебя винцо.

ГЕНРИХЪ.

Ждать не могу я, не могу. Воды!
Бросается къ колодцу.

ВИТТИХА.

Зачерпни и напейся.

Генрихъ черпаетъ и пьетъ, присѣвъ на край колодца; оттуда
раздается тихій и сладостный голосъ.

ГОЛОСЪ.

Генрихъ, Генрихъ, милый мой,
Надо мной легла волна.
Подъ студеною волной
Я страдаю, я больна...
Прощай, прощай!
Молчаніе.

ГЕНРИХЪ.

Что это было? Отвѣчай, старуха!
Кто звалъ меня такъ жалобно и тихо
Промолвилъ мнѣ изъ глубины: «Прощай»?
Кто ты, старуха, и гдѣ я теперь?
Мнѣ показалось, словно я проснулся:
Скала, и хижина, и ты сама—
Все это мнѣ знакомо такъ и вмѣстѣ
Все это чуждо для меня. Иль то,
Что пережилъ я, было только звукомъ,
Мелькнувшимъ на мгновеніе? Кто ты?

ВИТТИХА.

Кто я? Да самъ-то ты—кто?

ГЕНРИХЪ.

Кто я, кто я? Ты хочешь знать, старуха?
Я самъ объ этомъ небо вопрошалъ

Не разъ: кто я? И не было отвѣта!
 Одно лишь несомнѣнно для меня:
 Кто бъ ни былъ я—герой или ничтожный
 И слабый человѣкъ я, полубогъ
 Или животное, но только къ солнцу—
 Моей отчизнѣ—я стремлюсь душой.
 О солнцѣ я беспомощно тоскую
 И свѣтъ и ласку золотыхъ лучей
 Ловлю я жадно сердцемъ и очами,
 Но никогда ихъ не могу привлечь...
 Что дѣлаешь ты тамъ?

ВИТТИХА.

А вотъ, увидишь.

ГЕНРИХЪ, встаетъ.

Вотъ это ладно: фонаремъ своимъ—
 Онъ блещетъ ярко огонькомъ кровавымъ—
 Мнѣ освѣти дорогу, что ведетъ
 Туда наверхъ. Я властвовалъ когда-то
 На этихъ скалахъ. Тамъ я кончу жизнь
 Отшельникомъ, который одиноко
 Живетъ, чуждаясь власти надъ людьми
 И презирая всѣ заботы міра.

ВИТТИХА.

Не думаю. То, чего ты ищешь наверху, совсѣмъ
 въ другомъ мѣстѣ.

ГЕНРИХЪ.

А ты почему знаешь?

ВИТТИХА.

Мало ли, что я знаю. Вѣдь вотъ люди гнались за
 тобою по пятамъ. Да, да. А когда люди преслѣдуютъ
 кого-нибудь, они что волки. Когда же дѣло коснется

того, чтобы ветрѣтить смерть, они—стадо барановъ, въ которое ворвался волкъ. Всегда такъ бываетъ. Пастухи, что при стадѣ—вотъ молодцы-то! Они кричатъ: бѣгите, спасайтесь! И травятъ собаками не волка—нѣтъ! а своихъ же овецъ, и загоняютъ ихъ прямо волку въ пасть. Ты самъ-то много ли лучше другихъ? Вѣдь ты преслѣдовалъ свѣтлую жизнь и не встрѣтилъ мужественно смерти.

ГЕНРИХЪ.

Ахъ, видишь ли, старуха, я не знаю,
Какъ вышло то, что вдругъ я оттолкнулъ
Жизнь свѣтлую, Да, да. Вѣдь былъ я мастеръ
И отъ своей работы убѣжалъ,
Какъ ученикъ. Тотъ колоколь, который
Я создалъ самъ, печальнымъ, скорбнымъ звукомъ
Смутилъ мнѣ сердце, покорилъ меня;
Но все же я остался властелиномъ
Руки, что отлила его... Разбить
Я долженъ былъ въ куски свое созданье!

ВИТТИХА.

Что было, то прошло. Не воротишь. На свою вершину тебѣ ужъ не взобраться. Ты былъ могучимъ росткомъ, но твой ростъ остановился. Ты былъ призванъ къ дѣлу, но не былъ избранникомъ. Иди сюда, присядь.

ГЕНРИХЪ.

Прощай, старуха!

ВИТТИХА.

Иди сюда, говорю тебѣ. То, къ чему ты стремился, теперь—груда пепла. А, говорятъ, кто живъ, тотъ ищетъ жизни; тамъ ты не найдешь ея вовѣкъ.

ГЕНРИХЪ.

Такъ пусть умру я здѣсь, на этомъ мѣстѣ.

ВИТТИХА.

Такъ и будетъ. Кто, какъ ты, взлетѣлъ въ горнюю область свѣта и упалъ, тотъ долженъ разбиться.

ГЕНРИХЪ.

Я это чувствую: мой конченъ путь.

ВИТТИХА.

Да, конченъ.

ГЕНРИХЪ.

О, если такъ, скажи мнѣ ты, кому
Открыто столько тайнаго: предъ смертью
Найду ли то, что долго такъ искалъ?
Отвѣтъ мнѣ: неужель изъ тьмы глубокой
Сойду я въ тьму еще страшнѣй и отблескъ
Утраченнаго свѣта никогда
Не суждено увидѣть мнѣ?

ВИТТИХА.

Кого же

Увидѣть хочешь ты?

ГЕНРИХЪ.

Ее, ее!

Кого жъ, какъ не ее!

ВИТТИХА.

Задумай только

Свое желанье—сбудется оно.

ГЕНРИХЪ, быстро.

Ну, я задумалъ!

ВИТТИХА.

Ты ее увидишь.

ГЕНРИХЪ.

Возможно ль это? Неужели настолько
 Могущественна ты? Въ тотъ часъ, когда
 Я умиралъ и каждый вздохъ послѣднимъ
 Казался для меня,—она пришла
 И, какъ весенній вѣтерокъ, проникла
 Мнѣ бодрость въ грудь и выздоровѣлъ я.
 Вотъ и теперь легко, легко мнѣ стало,
 Какъ будто я готовъ подняться вновь
 На высоту...

ВИТТИХА.

Нѣтъ, этому уже не быть. То, что тебя тянетъ къ
 землѣ, слишкомъ тяжело. Да и твои собратья-люди
 сильны: ты не справишься съ ними. Смотри: вотъ я
 ставлю на столъ три кубка. Въ одинъ я налила бѣлаго
 вина, въ другой—краснаго, въ третій—золотога. Вы-
 пьешь первый кубокъ—къ тебѣ сразу вернется прежняя
 сила. Выпьешь второй—къ тебѣ возвратится въ по-
 слѣдній разъ тотъ небесный духъ, что тебя покинулъ.
 Но тотъ, кто выпилъ изъ двухъ первыхъ кубковъ, тотъ
 долженъ выпить и послѣдній.

Собирается уйти въ хижину, но останавливается и говоритъ мед-
 ленно и торжественно.

Ты слышалъ: долженъ выпить. Кончено.

Уходить.

Генрихъ порывисто встаетъ. При словѣ Виттихи: «кончено», онъ
 отшатывается, блѣдный. Потомъ опускается въ безсиліи на скамью.

ГЕНРИХЪ.

Да, кончено... все—кончено—сказала
 Сивилла вѣщая... О, сердце, сердце!
 Ты чувствуешь, что этимъ словомъ
 Разрѣзана нить жизни, какъ мечомъ.
 Свершилось. Безполезенъ мигъ отсрочки.
 Повѣялъ предразсвѣтный вѣтерокъ

Изъ горнаго ущелья. День, что блѣдной
 Полоскою прорѣзываетъ тучу,
 Уже не мой. Я столько прожилъ дней,
 Но этотъ день блеснетъ не для меня.

Береть первый кубокъ.

Тебя я первый кубокъ выпиваю,
 Покуда вѣчности нѣмая тѣма
 Не обняла еще меня. Я вижу,
 На днѣ осталась капля лишь одна:
 Ужели больше не нашла, старуха,
 Волшебнаго питья?

Пьетъ.

Теперь — второй.

Береть второй кубокъ.

Изъ-за тебя я выпилъ первый кубокъ,
 И если бы не могъ отвѣдать я
 Твой ароматный, пѣнистый напитокъ,
 За пиръ, который Богомъ уготованъ
 Намъ, жалкимъ несчастливцамъ, не могли бъ
 Хозяину воздать мы благодарность;
 Теперь же я благодарю его.

Пьетъ.

Папитокъ этотъ сладокъ и отраденъ...

Въ то время, какъ онъ пьетъ, раздаются звуки золотой арфы.
 Раутенделейнъ, утомленная, блѣдная и печальная, поднимается
 изъ колодца, садится на край его и расчесываетъ длинные рас-
 пущенные волосы. Лунный свѣтъ.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ, тихо поетъ.

Красавица Раутенделейнъ,
 Въ глубокую ночь, одинокая,
 Я кудри чешу золотыя.
 Уснули всѣ птички лѣсныя,
 Туманъ растилается съ горъ,
 Покинутый гаснетъ костеръ...

ВОДЯНОЙ, изъ глубины колодца.

Раутенделейнъ!

РАУТЕНТЕЛЕЙНЪ.

Иду!

ВОДЯНОЙ.

Иди скорѣй.

РАУДЕНДЕЛЕЙНЪ.

Платье мнѣ узко...

Тѣло болитъ...

Я бѣдная,

Проклятая русалка...

ВОДЯНОЙ.

Раутенделейнъ!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Сейчасъ иду.

ВОДЯНОЙ.

Живѣе.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

При блѣдномъ мѣсяца сіяніи

Расчесываю кудри я...

И все о немъ я думаю, о немъ,

Кто былъ когда-то

Моимъ сердечнымъ, миленькимъ дружкоймъ...

Вотъ колокольчики-цвѣточки

Звенятъ, звенятъ;

Про счастье, иль про горе злое?

Сдается мнѣ —

Про то и про другое...

Жить тяжело въ озерѣ, на днѣ:

Тамъ тина и вода;

Но водяной меня тамъ ждетъ —
Иду туда.

Хочетъ опуститься въ колодець.
Кто тихо такъ меня зоветъ?

ГЕНРИХЪ.

Я.

РАУТЕДЕЛЕЙНЪ.

Кто жъ ты?

ГЕНРИХЪ.

Подойди ко мнѣ поближе:
Ужели ты не узнаешь меня?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Нѣтъ, я тебя не знаю,
Уйди! Я всѣхъ гублю, кто говоритъ
Со мной.

ГЕНРИХЪ.

Ты мучаешь меня. Дай руку —
И ты меня признаешь.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Никогда.

Тебя не знала я...

ГЕНРИХЪ.

Какъ! не видались
Съ тобою мы?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Не помню.

ГЕНРИХЪ.

Пусть меня
Накажетъ Богъ — тебя не цѣловалъ я
До крови въ губы?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Никогда.

ГЕНРИХЪ.

Меня ты

Не цѣловала?

ВОДЯНОЙ, изъ колодца.

Раутенделейнъ!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Иду.

ВОДЯНОЙ.

Домой пора.

ГЕНРИХЪ.

Кто говоритъ тамъ?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Мой мужъ.

ГЕНРИХЪ.

Смотри, смотри: передъ тобой
Въ страданьяхъ я предсмертныхъ угасаю,
Не мучь меня, освободи меня!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Но что жъ ты хочешь?

ГЕНРИХЪ.

Подойди ко мнѣ.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Я не могу.

ГЕНРИХЪ.

Не можешь? Отчего?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Тамъ, подъ водой, мы водимъ хороводы,
 Въ веселой пляскѣ рѣзвимся. Нога
 Моя отяжелѣла, но когда я
 Начну плясать,—она перестаетъ
 Горѣть. Прощай, Прощай...

ГЕНРИХЪ.

Не уходи...

Не уходи... Куда ты?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ, опускаясь ниже края колодца.

Въ вѣчный сумракъ.

ГЕНРИХЪ.

Тамъ... кубокъ тамъ... О, Магда... Магда...
 Какъ ты блѣдна... Подай мнѣ этотъ кубокъ...
 Кто мнѣ подастъ, того въ послѣдній часъ
 Благословлю я.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ, приблизившись къ нему.

Я подамъ!

ГЕНРИХЪ.

Ты хочешь,

Ты хочешь это сдѣлать?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Мертвецовъ

Оставь въ покоѣ.

ГЕНРИХЪ.

Чувствую тебя я,
Небесное созданіе..

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Прощай!

Теперь я больше не твоя. Когда-то
Была твоею милой: расцвѣталъ
Въ то время май... но все теперь, навѣки
Все миновало...

ГЕНРИХЪ.

Миновало...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Да...

Ты помнишь: кто тебя баюкалъ пѣсней
И кто волшебнымъ голосомъ будиль?

ГЕНРИХЪ.

Ты, дорогая, ты...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Кто?

ГЕНРИХЪ.

Раутенделейнъ!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Кто отдавалъ тебѣ всю прелесть тѣла?
Кого ты оттолкнулъ?

ГЕНРИХЪ.

Тебя.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Кого?

ГЕНРИХЪ.

Раутенделейнъ!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Прошай! прощай! прощай!

ГЕНРИХЪ.

Возьми меня, возьми меня съ собою...
Ночь наступаетъ... страшная для всѣхъ...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ, бросается къ нему
обнимаетъ его колѣни и восклицаетъ съ восторгомъ.

Восходитъ солнце!

ГЕНРИХЪ.

Солнце!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ, съ рыданіемъ и восторгомъ.

Генрихъ! Генрихъ!

ГЕНРИХЪ.

Благодарю...

Раутенделейнъ обнимаетъ Генриха, прижимаетъ его губы къ своимъ губамъ, потомъ тихо опускаетъ умирающаго на скамью.

Тамъ... въ вышинѣ... звонятъ...

Звонятъ колокола... сіяетъ небо...

И солнце... солнце всходитъ! Ночь долга.

Заря.

К О Н Е Ц Ъ.

КОМЕДІЯ
О КНЯЖНѢ ЗАБАВѢ ПУТЯТИШНѢ
И
БОЯРЫНѢ ВАСИЛИСѢ МИКУЛИШНѢ.
ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Л И Ц А:

Князь.

Княжна Забава Путятишна, его племянница.

Соловей Будимировичъ, заѣзжій богатырь, венеціанецъ.

Ставръ Гоудиновичъ, богатырь.

Василиса Микулишна, его жена, являющаяся подъ именемъ королевича Василя Етмануйловича.

Бермята Васильевичъ, бояринъ.

Катерина, его жена.

Илья Ивановичъ.

Добрыня Никитичъ.

Чурила Пленковичъ.

Алеша Поповичъ.

} Богатыри.

Бакланъ.

Турухтанъ.

Тараканъ.

} Послы ордынскаго царя Калина.

Настасья, подруга княжны Забавы.

Княжая мамка.

Старый слуга.

Богатыри, бояре, боярыни, гридни, слуги и проч.

Первый.

Второй.

Молодой.

Старый.

} Изъ кабацкой голи.

Куликъ.

Клюшка.

Гридня.

Сѣнныя дѣвушки.

Дѣйствіе въ древнемъ Кіевѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Садъ. Посрединѣ, на первомъ планѣ, развѣсистый дубъ подъ нимъ кресла и скамьи. На второмъ планѣ крыльцо княжескихъ палатъ съ шатровымъ золоченымъ верхомъ. Направо первый планъ занятъ густыми кустами орѣшника. Въ глубинѣ сцены деревья; за ними Днѣпръ.

I.

Старый слуга и двое молодыхъ.

СТАРЫЙ СЛУГА, сходить съ крыльца.

Оконченъ пиръ. Теперь, того гляди,
И князь и гости выйдутъ прохладяться
Сюда, на вольный воздухъ.

Молодымъ слугамъ.

Ну, проворнѣй,

Оправьте мѣсто княжее.

Слуги оправляютъ кресло и паловочники на скамьяхъ.

Вотъ такъ.

Въ порядкѣ все. Идемъ въ хоромы.

Уходятъ.

II.

Катерина, потомъ Чурила Пленковичъ.

КАТЕРИНА, выходитъ на крыльцо,
оглядывается.

Кому въ веселье пиръ, а мнѣ въ досаду.
Не довелось словечка перемолвить
Съ моимъ Чурилою: то Князь мѣшаетъ,
То въ споръ насмѣшливый княжна Забава
Съ нимъ ввяжется, то мужъ во всѣ глаза
Глядитъ да примѣчаетъ; слава Богу,
Далъ отдыхъ хоть минуточку: ушелъ
Изъ княжеской палаты... Я кивнула
Тотчасъ же милому: ступай, молъ, въ садъ —
Я выду слѣдомъ... Гдѣ жъ онъ?

ЧУРИЛА, выходитъ изъ-за крыльца.
Катерина!

КАТЕРИНА.

Чурилушка! Мой ладо дорогой!
Цѣлуетъ его.

ЧУРИЛА.

Постой, постой же! Могутъ запримѣтить...

КАТЕРИНА.

Кому примѣтить: всѣ въ палатѣ пирной.

ЧУРИЛА.

А гдѣ Бермята?

КАТЕРИНА.

Въ гридницу пошелъ
Порядокъ наблюсти... Охъ, надоѣлъ мнѣ!
Куда ни ступишь — онъ вездѣ за мною:
Съ глазъ не спускаетъ. Ходитъ, какъ козелъ,

Уставясь въ землю хмурымъ лбомъ. Ей Богу,
Не только скучно—страхъ беретъ.

ЧУРИЛА, смѣется.

Ну, ну,

Небось не забодаетъ.

КАТЕРИНА.

Стосковалась

Я по тебѣ: вѣдь три дня не видались.
Легко ли мнѣ, подумай, милый мой,
Сидѣть, какъ въ клѣткѣ, въ терему, да слушать
Ревнивое ворчанье.

ЧУРИЛА.

Подожди,

Не жалуйся: найдемъ для жалобъ время.
Теперь, грѣхомъ, того и жди, сюда
Кто подойдетъ. Скажи-ка лучше, радость:
Когда увидимся?

КАТЕРИНА.

Да, да, объ этомъ

Сама хотѣла: завтра, въ полночь, въ роцѣ
Зеленой...

ЧУРИЛА.

У Ярилина оврага?..

Да какъ же ты обладишь? Какъ уйдешь?..

КАТЕРИНА.

Облажу. Приходи же. Не обманешь?

ЧУРИЛА.

Ну, вотъ еще!

КАТЕРИНА.

Чурилушка, голубчикъ,
Ужъ такъ тебя я приласкаю крѣпко,
Такъ расцѣлю: лишь дождаться бѣ ночи
Завѣтнаго свиданья!..

Хочетъ его обнять.

ЧУРИЛА.

Что ты, что ты,
Безумная... Смотри, вонъ кто-то тамъ..
Бермята!..

КАТЕРИНА.

Онъ... Въ кусты скорѣ спрячься...

Чурила прячется за кустъ и роняетъ шапку.

III.

Катерина, Бермята.

БЕРМЯТА, сходить съ крыльца, по-
шатываясь.

Фу, хорошо въ саду-то какъ! Свободно,
Легко. Черемуха-то—что-за духъ!

Машетъ рукою къ лицу.

А я, признаться, на пиру немножко
Поутомился. Въ голову отъ меду
Ударило: у князя крѣпокъ медъ.
Пройдусь... Нѣтъ—стой!

Останавливается.

Совсѣмъ вѣдь я опѣшилъ,
Отъ меду вѣрно: говорю: пройдусь—
Одинъ-то безъ жены! Вотъ навожденье.
Да гдѣ жъ жена-то, гдѣ?

КАТЕРИНА.

Я здѣсь, Бермята

Васильевичъ.

БЕРМЯТА.

Здѣсь? Какъ же ты
Сюда попала изъ палаты княжей?

КАТЕРИНА.

Въ палатѣ душно. Вышла погулять.

БЕРМЯТА.

А съ кѣмъ?

КАТЕРИНА.

Одна.

БЕРМЯТА.

Одна? Не врешь ли, полно?

Подозрительно осматриваясь, подходит къ кустамъ и видитъ шапку, оброненную Чурилой.

А это что? Чья шапка?

Въ то время, какъ Бермята наклоняется, чтобы поднять шапку Чурилы, Катерина снимаетъ у него съ головы его шапку сзади и прячетъ ее за спину.

КАТЕРИНА.

Шапка чья?

БЕРМЯТА, грозно.

Ну, да: чья шапка?

КАТЕРИНА.

Да твоя же шапка.

БЕРМЯТА.

Рехнулась ты? Смѣешься надо мной?
Смотри, жена!

Топаеть.

КАТЕРИНА.

За что твой гнѣвъ—не знаю.

БЕРМЯТА.

Да какже мнѣ не гнѣваться, коль ты
Въ глаза мнѣ лжошь: моя, вишь, шапка это,
Когда моя—гляди—на головѣ.

КАТЕРИНА.

Господь съ тобой, перекрестись, Бермята
Васильевичъ. Ощупайся: стоишь
Безъ шапки ты.

БЕРМЯТА.

Что? что?

Хватаетъ себя за голову рукою. Въ изумленіи.

Тьфу, пропасть!

И впрямь лишь лысина, а шапки нѣтъ!
Жена, что жь это? Какъ же это вышло:
Былъ съ шапкою на головѣ— и вдругъ
Она въ рукахъ?

КАТЕРИНА.

Да ты, какъ наклонился
Сронилъ ее.

БЕРМЯТА.

Сронилъ?

КАТЕРИНА.

А послѣ поднялъ.

БЕРМЯТА.

А послѣ поднялъ? Такъ.

КАТЕРИНА.

Ну, вотъ и все.

БЕРМЯТА.

Такъ, такъ. Теперь я домекнулся. Такъ.
А то сначала-то мнѣ показалось
Нехорошо, нечисто дѣло тутъ.
Молва идетъ не даромъ про Бермяту—
Ему Господь послалъ ума палату:
Люблю все досконально разсудить.
Ты баба, ты сего понять не можешь.
Пословица-то вѣрно говорится:

Мужъ стелеть вдоль, а баба поперегъ
 Лечь наровить; другая молвить: волосъ
 У бабы дологъ, да коротокъ умъ;
 И третья есть: что баба и что бѣсъ—
 Одинъ въ нихъ вѣсъ; четвертая...

ГРИДНЯ, выходитъ на крыльцо.

Бояринъ,

Князь приказалъ тебя позвать.

БЕРМЯТА.

Иду:

Проворнѣй, Катиринушка, проворнѣй...

Идетъ и вдругъ останавливается.

Четвертая-то какъ бишь говоритъ

Пословица?.. Забылъ... Нѣтъ—вспомнилъ, вспомнилъ:

Отъ нашего ребра не жди добра...

Да что жъ ты стала и разводишь лясы?

Князь ждетъ, а ты задерживаешь тутъ:

Охъ, непокорливый вашъ бабѣй норовъ!..

Торопливо уходитъ, уводя жену. Катерина, уходя подбрасываетъ шапку Бермяты, которую прятала, къ кусту. Чурила выскакиваетъ изъ-за куста, смѣясь поднимаетъ шапку и скрывается.

IV.

Забава Путятишна, Соловей Будиміровичъ.

ЗАБАВА, сбѣгаетъ съ крыльца, смѣясь
 и увлекая за руку Соловья.

Ужъ если говорю, такъ покажу

Такое чудо—просто обомлѣешь...

Взгляника-ка вонъ туда—вонъ тамъ, вонъ тамъ,

Повыше-то, по-надъ шатромъ крылечнымъ...

Указываетъ наверхъ.

СОЛОВЕЙ, смотрить.

Что жъ тамъ, княжна?

ЗАБАВА, смѣется еще веселѣе.

Не видишь развѣ—птица:

Хвостъ изумрудный...

Въ то время какъ Соловей глядитъ вверхъ, она отстегиваетъ на шеѣ у него золотую цѣпь съ складнемъ.

Вотъ что надо мнѣ!

Отбѣгаетъ съ хохотомъ.

СОЛОВЕЙ, догоняя ее.

Княжна, зачѣмъ ты это? Что-за шалость?

Отдай, прошу тебя...

ЗАБАВА.

Нѣтъ, не отдамъ:

Хочу твою узнать-провѣдать тайну,

Хочу увидѣть, что хранится въ складнѣ:

Ужъ вѣрно что для сердца дорогое?

СОЛОВЕЙ.

Да, дорогое, не ошиблась ты...

ЗАБАВА.

Вотъ видишь, видишь: самъ ты признаешься!

Такъ какже утерпѣть и не взглянуть?

Взгляну. Открываетъ складень.

Лицо написано. Какая

Красавица! Какъ яхонты уста

И кудри золотистыя скатились

На плечи бѣлыя; живые точно

Глядятъ глаза и ласково глядятъ...

Такъ вотъ какъ, богатырь: ты къ намъ пріѣхаль,

На струнахъ нашимъ дѣвушкамъ играешь,

Да пѣсни сладкія поешь, да рѣчи

Разводишь нѣжныя, а на груди—

Для памяти—потайно носишь образъ

Своихъ красавицъ венецейскихъ, тѣхъ,
Которымъ тоже распѣвалъ, чай, пѣсни,
Катаясь съ ними въ челнокѣ рѣзномъ
По синимъ волнамъ—тамъ, у лукоморья...

СОЛОВЕЙ.

За что коришь, княжна...

ЗАБАВА.

Я не корю,
Я только говорю, что, зная, не даромъ
Ты прозванъ Соловьемъ: залетной пташкой
Ты на сторонку припорхнула чужую,
Ты ищешь здѣсь...

СОЛОВЕЙ.

Подругу, чтобы съ ней
Свить гнѣздышко.

ЗАБАВА.

На долго ли—на лѣто?
А къ осени вновь въ край родной, за море
Къ другой—вотъ къ этой—улетишь?

СОЛОВЕЙ.

Княжна,
Не говори такъ, выслушай!..

ЗАБАВА.

Признался
Ты самъ, что дорога тебѣ она.

СОЛОВЕЙ.

Такъ дорога, что нѣтъ другой дорожке.

ЗАБАВА.

Спасибо, что хоть прямо говоришь.
Когда нельзя слукавить.

СОЛОВЕЙ.

И не надо
Лукавить мнѣ: вѣдь этотъ образъ...

ЗАБАВА.

Чей же?

Скажи, скажи-ка!

СОЛОВЕЙ.

Матери моей!

ЗАБАВА.

Солгалъ. Взглянувъ на него, потомъ на складень.
Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ ты правду:
Похожа на тебя, твои глаза
И улыбается, какъ ты... Вся въ черномъ,
На головѣ изъ кружева уборъ:
Такъ наряжаются у васъ всѣ жены?

СОЛОВЕЙ.

Да, это венецейскій нашъ нарядъ.

ЗАБАВА.

Чудно, а хорошо... Родной твой городъ
Роскошенъ и великъ? Слыхала я:
На морѣ синемъ онъ стоитъ?

СОЛОВЕЙ.

На морѣ.

Красавицей не даромъ названа
Венеція: нѣтъ города пышнѣе
Какъ въ зеркало, въ лазурь прозрачныхъ водъ
Любуясь на себя, она глядится,
И солнца жаркіе лучи играютъ
На куполахъ церквей и на узорныхъ
Балконахъ бѣломраморныхъ палатъ
И на столпѣ гранитномъ, гдѣ воздвигся
Крылатый левъ, и на высокихъ мачтахъ

Золотогрудыхъ гордыхъ кораблей,
Что въ пристани стоятъ толпой несмѣтной *).

ЗАБАВА.

Да, за моремъ у васъ все такъ чудесно...

СОЛОВЕЙ.

А ночью, ночью, какъ всплыветъ луна
Надъ гладью сонныхъ водъ, и даль морская
Одѣнется серебрянымъ туманомъ,
Блестятъ, сіяютъ яркими огнями
Въ палатахъ пышныхъ стрѣльчатыхъ окна...
По мраморнымъ ступенямъ, что въ водѣ
Купаются, какъ павы, гордо сходятъ
Красавицы въ нарядахъ парчевыхъ,
Вельможи въ черныхъ бархатныхъ кафтанахъ,
Съ цѣпями золотыми на груди,
Съ мечами у бедра; и всѣ садятся
Въ разубранные челноки; скользятъ
Какъ лебеди они, высокой грудью
Разрѣзывая гладь уснувшихъ водъ,
И закормой, блестя струей кристальной,
Разбуженныя волны ропщутъ тихо,
И ропотъ ихъ сливается съ напѣвомъ,
Веселыхъ пѣсень, звонкихъ мандолинъ.

ЗАБАВА.

Какъ хорошо! Скажи мнѣ: вашимъ царствомъ
Кто управляетъ—князь?

СОЛОВЕЙ.

Да, князь.

Зовется дожемъ. Онъ женихъ вѣнчанный
Невѣсты-моря: золотымъ кольцомъ
Онъ съ моремъ обручается.

*) Авторъ позволилъ себѣ нѣкоторые анахронизмы въ описаніи Венеціи.

ЗАБАВА.

Какъ съ моремъ?!

СОЛОВЕЙ.

Да, каждый годъ, въ Успеневъ день, нашъ князь
 На кораблѣ, украшенномъ богато
 Рѣзьбою золоченой, выплываетъ
 Изъ пристани, при звонѣ колокольномъ,
 При звукѣ трубъ, торжественно гремящихъ,
 При крикахъ радостныхъ всего народа.
 Въ кругу вельможъ, подъ парчевой шатеръ
 Онъ всходитъ гордо на корму и въ волны
 Бросаетъ перстень золотой—залогъ
 Союза брачнаго съ царицей-моремъ.

ЗАБАВА.

Я слушаю—и кажется мнѣ, будто
 Все это чудеса волшебной сказки.
 О, какъ бы мнѣ желалось увидать
 Хоть сонъ такой...

СОЛОВЕЙ.

И на яву ты можешь

Увидѣть это.

ЗАБАВА.

Перестань шутить.

СОЛОВЕЙ.

Я не шучу, княжна. Ты знаешь, сердцемъ
 Давно стремлюсь въ отчизну я, но ты
 Меня въ плѣну здѣсь держись на чужбинѣ.
 Отвѣть душою на мою любовь—
 И распущу я паруса по вѣтру
 На кораблѣ—на «Соколѣ» моемъ:
 Примчится онъ по волнамъ къ лукоморью,
 Зеленому, въ Венецію родную,
 И я введу красавицу-жену

Въ узорчатыхъ, пышныхъ палаты—
 Въ домъ матери моей. Съ какою лаской
 Она бы встрѣтила тебя, какимъ
 Мы зажили бы счастьемъ!..

ЗАБАВА.

        Полно, полно...
 Вѣдь я тебя просила, Соловей
 Будиміровичъ, не смущать мнѣ сердца
 Рѣчами этими...

СОЛОВЕЙ.

        Прости, княжна:
 Не могъ я удержаться... Днемъ и ночью
 Живу завѣтною мечтой. Ужель
 Она несбыточна... Не милъ тебѣ я
 И никогда не буду милъ...

ЗАБАВА.

        Напрасно
 Такъ говоришь: тебя держу я въ сердцѣ;
 И если бъ я о суженомъ гадала—
 Тебя я выбрала бы: ты милѣй
 Мнѣ всѣхъ другихъ—признаюсь въ этомъ прямо.

СОЛОВЕЙ.

Такъ для чего жъ, голубка дорогая,
 Не хочешь ты, чтобъ къ князю я заслалъ,
 По вашему обряду, честныхъ сватовъ?
 Не мучай, не томи: скажи мнѣ слово
 Рѣшное—порадуй.

ЗАБАВА.

        Подожди,
 Коль любишь, богатырь. Дай нагуляться,
 Натѣшиться дѣвичьей долей мнѣ,
 Дай вольной птицей поноситься въ небѣ.
 Придетъ пора: въ серебряную клѣтку
 Сама къ тебѣ я прилечу...

СОЛОВЕЙ, беретъ ее руку.

КНЯЖНА,

Ахъ, если бъ знала ты, какъ этой рѣчью,
Надеждой этой ласковой во мнѣ
Волнуешь душу ты! Ахъ, если бъ знала,
Какъ я тебя люблю...

ЗАБАВА.

Тс... тише... Князь!

V.

Князь, Добрыня, Ставръ, Илья, Бермята, Алеша, Катерина,
боляре, боярыни, отроки, гридни.

КНЯЗЬ, сходить съ крыльца, со-
провождаемый Добрыней и другими.

Ну, что-за благодать! Сіяетъ солнце,
Щебечутъ птицы, шепчутся листы,
Все жизнію, все радостью трепещетъ:
Разликовалась отъ земли до неба
Красавица, волшебница весна;
И старика и мужа бодрой силой
Вновь оживляетъ, юности даритъ
Цвѣты, красу, веселье... Такъ, Добрыня?

ДОВРЫНЯ.

Такъ, государь. Да юность вѣдь сама
Весна-красна: она рукою смѣлой
Беретъ у жизни всѣ ея дары
И лучшій изо всѣхъ—любви усладу. Указываетъ на За-
баву и Соловья.

Вонъ погляди на юность-то: рядкомъ,
Другъ съ другомъ, на устахъ улыбка счастья...

КНЯЗЬ, усмѣхаясь.

Да, да... Забавѣ.

Ну, что, Забавушка моя,
О чемъ съ богатыремъ вели бесѣду?
Ужъ вижу по глазамъ—о чемъ... Сказать? Смѣется.

ЗАБАВА.

Не отгадаешь, князь.

КНЯЗЬ.

Охъ, отгадаю,
Племянница. Шутя грозить ей. Къ прочимъ.

Ну, гости дорогіе,
Кто помоложе—тотъ гуляй, рѣзвись,
А мы—постарше кто—ладкомъ присядемъ
Да потолкуемъ. На пиру шумнѣе
Бываетъ рѣчь, а въ отдыхъ послѣ пира
Душевноѣе.

Садится на княжее мѣсто подъ дубомъ. Богатыри тоже садятся.
Часть гостей расходится по саду. Соловей, Забава и Катерина
отходятъ; Бермята хочетъ идти за Катериной; князь замѣчаетъ
это.

А ты куда жъ, Бермята?

БЕРМЯТА, останавливается.

Я, государь...

КНЯЗЬ.

За молодыми хочешь,
Старикъ, угнаться?

АЛЕША ПОПОВИЧЪ.

Слово молвлю, князь:
Какой же онъ старикъ? Совсѣмъ молодчикъ!
И шапку, вишь, надѣлъ себѣ такую
Нарядную... Ахъ, батюшки, Бермята
Васильевичъ,—смотри-ка—у тебя
Бѣдь шапка-то Чурилина: соколье
Перо примкнуто яхонтомъ—его!

БЕРМЯТА, снимаетъ шапку и съ испугомъ осматриваетъ.

Тьфу! Снова навожденье!... Кричить Катеринѣ.

Катерина!

Иди сюда! Иди! Катерина подходить.

Смотри: вѣдь шапка

Чурилина—ты слышишь—не моя:

Чурилина!

КАТЕРИНА.

Что жъ, можетъ быть, Бермята
Васильевичъ.

БЕРМЯТА.

Откуда же на мнѣ

Она взялась?

КАТЕРИНА.

Не знаю.

БЕРМЯТА.

Да сейчасъ же

Вѣдь при тебѣ я надѣвалъ свою—

И вдругъ она въ чужую обернулась!

Ну, не бѣсовское ли дѣло тутъ?

КНЯЗЬ.

Да чѣмъ ты такъ встревожился, Бермята?

БЕРМЯТА.

Помилуй, государь—не обезсудь—

Какъ не тревожится: вѣдь коли этакъ

Учнетъ играть нечистый, то невѣсть

Чего дождешься! по началу шапка,

А тамъ и голова чужая выдетъ.

АЛЕША.

И хорошо еще, коль человѣчья,

А какъ баранья, да съ рогами... Впрямь

Такой промѣнъ не выгоденъ, бояринъ.

Все смѣются за исключеніемъ Ильи.

ИЛЛЯ.

Алешенька, смѣяться грѣхъ надъ тѣмъ,
Кто старъ и сѣдъ.

БЕРМЯТА.

Пускай его смѣется,
Илья Ивановичъ: вѣдь онъ не я—
Не дорожить своею головою;
Не все ль ему одно: съ бараньей будетъ,
Иль съ собственной—всякая годна
Алешѣ для смѣшковъ и бабьихъ сплетокъ.

КНЯЗЬ.

Постой, Бермята, не ломись въ обиду
Изъ-за пустого. Голова твоя
Пока цѣла, а шапку у Чурилы
Ты, вѣрно, взялъ ошибкой на пиру...

VI.

Тѣ же и Чурила.

ЧУРИЛА, выступаетъ изъ группы
гостей, окружающихъ князя, къ которой онъ незамѣтно подошелъ
ранѣе.

Такъ, государь,—и въ этомъ я повиненъ:
По недоглядкѣ шапку я надѣлъ
Боярина, ему свою подсунулъ.

БЕРМЯТА, довольный.

Вотъ дѣло-то яснехонько, когда
Къ нему подступишь съ корня... Катерина,
Ты слышишь, поняла?

КАТЕРИНА.

Какъ не понять:
И я тебѣ вѣдь толковала то же.

БЕРМЯТА.

Ты толковала! Что ты толковала?
Извѣстенъ бабій толкъ: одна врала,
Другая не разобрала, а третья
Переврала... Чурилѣ.

Охъ, богатырь, Чурила
Пленковичъ, погляжу я на тебя:
Большой ты плуть!.. Смѣясь треплетъ его по плечу,
А все не увернешься
Отъ стараго Бермяты: зорокъ умъ
У стариковъ. Ну, хочешь расскажу я
Всю правду, почему къ тебѣ моя
Попала шапка?..

ЧУРИЛА, въ смущеніи.

Не пойму, бояринъ,
Куда ты мѣтишь...

БЕРМЯТА, продолжетъ смѣяться.

Мѣчу вотъ куда:
Ужъ очень ты засматриваться любишь
На ладушекъ, на кіевскихъ красавицъ:
Такъ засмотрѣлся на пиру, что принялъ
Чужое за свое... И засмотрѣлся
Ты на кого—я знаю! Шепчетъ ему на ухо. На княжну
Забаву. Вѣрно, отгадалъ я?

ЧУРИЛА.

Вѣрно. Смѣется; Бермята тоже.

КНЯЗЬ.

Ну вотъ, Бермята, это хорошо,
Развеселился ты. Люблю я въ людяхъ
Веселый нравъ: онъ признакъ доброты
У стариковъ, у молодыхъ—удачи... Ставру.
Что, Ставръ Гоудиновичъ, ты молчаливъ?
Не тѣшился ты, богатырь, съ другими
Во время пира; похвалялись всѣ

Кто силой, кто конемъ, а кто богатствомъ,
 Кто знатнымъ родомъ, матушкой-отцомъ,
 Лишь ты одинъ—то было мнѣ въ примѣту—
 Ничѣмъ не похвалился.

СТАВРЪ.

Государь,
 Не въ похвальбѣ вѣдь богатырской служба,
 А въ богатырской службѣ похвальба.
 Что похваляться мнѣ своимъ богатствомъ;
 Богатство дѣло наживное. Сила
 Дана отъ Бога: не горжусь я силой;
 А хвастать родомъ, матушкой-отцомъ
 Я не могу, ихъ нѣтъ давно на свѣтѣ.

КНЯЗЬ.

Не нравится мнѣ эта рѣчь твоя.
 Знать гордость завелась въ тебѣ большая,
 Что богатырскій ты не чтешь обычай,
 Иль, можетъ быть, промолвиться боишься
 О чемъ потайномъ?

АЛЕША.

Вымолвилъ ты правду,
 Князь-государь, прямую: у Ставра
 Гоудиновича завелась тайна...
 Напрасно онъ толкуетъ, что-де нечѣмъ
 Ему передъ другими похвалиться—
 А похвалился бѣ молодой женой:
 Молва идетъ—красавица на диво.

КНЯЗЬ.

Какъ, развѣ ты женился? А давно ль?

СТАВРЪ.

Недавно, князь.

КНЯЗЬ.

Что жъ отъ меня таилъ ты?
Нехорошо... На комъ?

СТАВРЪ.

На Василисѣ.

Микулишичѣ.

КНЯЗЬ.

Черниговская?

СТАВРЪ.

Да,

Черниговская.

КНЯЗЬ.

Гдѣ жъ твоя молодка?
Съ тобой здѣсь въ Кіевѣ?

СТАВРЪ.

Нѣтъ, государь.

На полпути къ Чернигову построилъ
Я дворъ себѣ: такъ тамъ она живетъ.

АЛЕША:

И дворъ-атъ, говорятъ, какой: широкій—
Ну, просто княжій—на семи верстахъ,
Свѣтлицы-гридни тесаннаго дуба,
По-надъ крылечкомъ расписной шатерь,
Затворы золоченые. Во гридняхъ
Добра да серебра и смѣты нѣтъ!

ИЛЬЯ.

Да ты отколь, Алеша-перевѣдчикъ,
Все это вызналъ?

АЛЕША.

А намедни я
Изъ-подъ Чернигова людей торговыхъ
Разспрашивалъ, такъ говорили мнѣ.

КНЯЗЬ.

Такъ вотъ какъ, Ставръ Гоудиновичъ, поставилъ
Ты клѣтку золоченую да въ ней
И держишь пташку молодую тайно,
Не кажешь никому.

СТАВРЪ.

Князь-государь,
Неправо думаешь, что я въ неволѣ
Держу жену.

КНЯЗЬ.

А что же не привезъ
Къ намъ гостью дорогую: мы бы лаской,
Привѣтомъ встрѣтили; на красоту
Полюбовались бы, подивовались.

АЛЕША.

А красота какая, говорятъ:
Во лбу-то свѣтель мѣсяцъ, а въ косѣ-то
Сверкаютъ звѣзды частыя, а брови
Чернѣе черна соболя, а очи
Яснѣе ясна сокола.

СТАВРЪ, Алешѣ.

Я вотъ что
Скажу тебѣ: хвалися красотой
Своей жены, какъ женишься. Ужъ очень
Гораздъ выглядывать ты женъ чужихъ.
Должно, забылъ, какъ плеткою Добрыня
Тебя училъ-отхлестывалъ, когда
Съ его Настасьей захотѣлъ обманомъ
Ты повѣнчаться. Впрямь поповичъ ты:
Завидливъ глазъ твой на чужое счастье,
Не честью князю служишь—хитрой лестью
Подлаживаешься, совѣтомъ злымъ...

АЛЕША.

Да ты, бояринъ, что жъ...

КНЯЗЬ.

Молчи, Алеша:

Я за тебя скажу. Напрасно, Ставръ
 Гоудиновичъ, ты богатыря поносишь.
 Онъ красоту твоей жены хвалилъ:
 Въ хвалѣ обиды нѣтъ. Ревнивъ ты, вижу,
 И правомъ грубъ: изъ ревности боишься
 Намъ показать жену.

СТАВРЪ.

Прости мнѣ, князь,
 Что противъ слово молвлю: я не грѣшенъ
 Ни ревностью, ни грубостью. Боюсь
 Я не того...

КНЯЗЬ.

Чего же? Или, можетъ,
 Жена твоя обычаемъ дика
 И вѣжествомъ? Иль разумомъ она
 Не задалась? При красотѣ великой
 У женъ бываетъ часто разумъ слабъ.

БЕРМЯТА.

Вотъ, государь, ты истинное слово
 Сказать изволилъ. Взять хоть бы мою,
 Примѣрно, Катерину: красотою
 Вѣдь лебедь бѣлая; Чурила самъ
 И тотъ хвалилъ, а толкъ онъ въ бабахъ знаетъ...

Многіе смѣются.

Ну, а насчетъ ума—при ней скажу—
 Куда проста: чуть похитрить гдѣ надо,
 Все къ мужу за совѣтами: «какъ ты,
 Бермятушка, размыслишь, да рассудишь;
 Вѣдь я глупешенька». Ей-ей, сама
 Такъ признается... Правда, Катерина?

КАТЕРИНА.

Ужъ гдѣ съ тобой умомъ равняться мнѣ.

БЕРМЯТА.

Да и не слѣдъ равняться съ мужемъ бабѣ.
Надежнѣй съ малымъ разумомъ жена:
Вѣрнѣй, покорнѣй.

КНЯЗЬ, Ставру насмѣшливо.

Вотъ и ты, бояринъ,
Быть можетъ, какъ Бермята, разсудилъ
И взялъ жену за красоту, рукою
Махнувъ на умъ: спокойнѣе, молъ, такъ,
Не для людей нужна жена,—для дома,
Да для себя.

СТАВРЪ.

Смѣешься надо мной,
Князь-государь, да только смѣхъ твой—мимо:
Въ меня не попадетъ онъ. Ты корилъ,
Что я молчу, ничѣмъ не похваляюсь:
Изволь тебѣ я угрожу теперь.
Ужъ коли есть Ставру чѣмъ похвалиться,
Такъ разумомъ жены: никто не равня
Ей по уму-по-разуму. Тебя
И всѣхъ твоихъ бояръ съ богатырями
И проведетъ, и выведетъ, продастъ
И купить Василица!

АЛЕША.

Вишь какія
Про государя вымолвилъ слова...

Голоса гостей.

Насъ всѣхъ онъ на смѣхъ поднимаетъ, князь
Коль впрямь его жена такое диво,
Такъ пусть ее покажетъ.—Поглядимъ,
Оцѣнимъ что-за пава и какая
Ей будетъ слава.

Забава и Соловей подходятъ изъ сада къ окружающимъ князя

КНЯЗЬ.

Слышишь ли, бояринъ?
Теперь ужъ хотъ ревнуй, хотъ не ревнуй,
А намъ подай жену.

СТАВРЪ.

По вольной волѣ
Привелъ бы я ее охотно, князь,
Во дворъ къ тебѣ, а приказать насильно
Не можешь мнѣ.

КНЯЗЬ, вспыливъ.

Какъ не могу! Ты смѣешь
Такъ князю отвѣчать! Да я велю
Сковать тебя сейчасъ, въ тюрьму забросить!

СТАВРЪ.

За что же?

КНЯЗЬ.

Воли княжьей ты дерзнулъ
Ослушаться. Тюрьма тебя научить
Строптивый нравъ смирять предъ государемъ.

СТАВРЪ.

Да не отучить правду говорить.
Мнѣ не страшна тюрьма: твоя немилость
Была бы государская страшна,
Когда бъ меня ты ею справедливо
Наказывалъ; а тутъ и въ ней не вижу
Я страха для себя: неправо, князь,
Ты гнѣваешься.

КНЯЗЬ.

Замолчи! Довольно!
Твои покоры слушать не хочу!
Кичливы, дерзки всѣ вы нынче стали,
Мы земская-де сила, мужи мы

Дружинники—такъ намъ, подѣ видомъ правды
 Непрошенной, перечить можно князю
 И спѣсь свою выказывать предѣ нимъ
 И говорить продерзостныя рѣчи...
 Да ладно, я уйму! Я покажу
 Вамъ княжью власть!.. Алеша, кликни стражу.

Алеша уходитъ

VII.

Тѣ же Забава.

ЗАБАВА.

Голубчикъ-дядя! Не гнѣвись, прости
 Ставра Годиновича...

КНЯЗЬ, сурово.

Не мѣшайся,
 Забава, не въ свои дѣла... поди.

ЗАБАВА, ласкаясь къ нему.

Одумайся, послушайся Забавы
 Неправъ приказъ твой...

КНЯЗЬ, отстраняя ее.

Перестань дѣвчонка.

Неправыхъ я приказовъ не даю:
 Я государь.

Алеша приводитъ стражниковъ; князь обращается къ нимъ, указывая на Ставра.

Подѣ крѣпкіе запоры,
 Въ тюрьму его! Связать!

СТАВРЪ.

Зачѣмъ же, князь?

Вѣдь я не тать, я не разбойникъ. Волей

Въ тюрьму пойду—не убѣгу. Во гнѣвѣ
Казни меня, но не позорь позоромъ
Богатыря. Нехорошо.

Илья.

И я,
Князь-государь, скажу: нехорошо.

Князь.

И ты, Илья?.. Вотъ такъ всегда бываетъ:
Одинъ ослушникъ дастъ худой примѣръ—
За нимъ другіе тянутся... Такъ я вамъ
Всѣмъ покажу, что князь вашъ волей твердъ
И не уступитъ. Стражѣ.

Увести его!

И запереть! Алеша, ты присмотришь,
Чтобъ вѣрно былъ мой выполненъ приказъ.

Ставра уводятъ; Алеша слѣдуетъ за нимъ.

А ты, Добрыня, нынче жъ снаряжися:
Сѣдлай коня, да поѣзжай въ хоромы
Ослушнаго боярина: доставь
Къ намъ волей иль неволей Василису
Премудрую... Увидимъ, что за птица,
И судъ тогда положимъ надъ Ставромъ...
А чтобъ почетнѣе посольство было—
Бермяту стараго возьми съ собой.

Къ Ильѣ, стараясь быть спокойнымъ.

Ну, ты, старикъ, что началъ: говори!

Илья.

Князь-государь! мнѣ рѣчи не въ привычку,
Я старъ и грубъ—прямой крестьянскій сынъ:
Я говорить умѣю только дѣломъ,
Когда за дѣло надо постоять;
А все же стараго Илью послушай—
Скажу по совѣсти безъ красныхъ словъ:
Неправедно, не гоже поступаешь!
Ты князь землѣ, а мы—дружина—слуги

Ей вѣрные: такъ будь къ намъ справедливъ
 За нашу службу. Княжья власть велика,
 Могуча и крѣпка, какъ дубъ, когда
 Вросла корнями-силой въ землю-правду;
 А коли на неправдѣ поднялась,
 Такъ нѣтъ въ ней крѣпости...

КНЯЗЬ, прерывая.

Ну, знаю, знаю
 Я эту рѣчь... Заплелъ мужицкій лапотъ:
 Довольно, будетъ...

Илья.

Нѣтъ, я доплету
 Мой лапотъ, князь: мужицкое то дѣло
 Въ обычай мнѣ, а лапотки въ пути
 И князю охъ—какъ надобны бывають,
 Коль заплутался князь... Я доплету:
 Вѣдь только то по-божески выходитъ,
 Что человѣчески обсудишь—такъ-то!
 А ты, душой не обсудивъ, во гнѣвѣ
 Ставра обидѣлъ. А за что? Ставеръ
 Землѣ, князь-государь, да и тебѣ
 Слуга всегда былъ честный и радивый.
 Ты пошто распалился на него?—
 Вишь нравомъ крутъ, ревнивъ, тебѣ не хочеть
 Казать жену свою: такъ развѣ властенъ
 Въ чужой душѣ ты и въ чужой женѣ?
 Не разума послушалъ ты, а гнѣва,
 Да слугъ лукавыхъ: пошептомъ они,
 Да посмѣхомъ честныхъ мужей порочать,
 Да зариться на красоту ихъ женъ
 Тебя склоняють. Худо это дѣло...
 Припомни, князь, вотъ точно также было,
 Какъ нынѣ со Ставромъ: тебя все тотъ же
 Алешка, перевѣдчикъ и шептунъ,
 Склонилъ грѣхомъ польститься на жену

Данилы Ловчанина *): что же вышло?
 Аль хорошо? Аль праведно? Загибли
 Двѣ христіанскія души: Данила
 Съ Настасьєю, а ты на совѣсть взялъ
 Ихъ гибели кровавой грѣхъ великій...

КНЯЗЬ.

Ты мнѣ осмѣлился напомнить... ты!..
 Да если я Ставру за спѣсь и грубость
 Противу князя присудилъ тюрьму,
 Такъ я тебя, заступникъ своевольный,
 Въ глубокой погребѣ схоронить велю
 Въ оковахъ, завалить камнемъ створы..
 Не пощажу и головы твоей!..

ИЛЬЯ.

Власть, государь, твоя, а правда все же
 Моя останется. Велишь на плаху,
 Или въ тюрьму подзѣмную идти—
 Пойду, тебѣ противиться не стану,
 А только—не гнѣвись—остерегу
 Маленечко, тебѣ жъ добра желая:
 Не вышла какъ бы, князь, изъ-за моей
 Сѣдой-то головы бѣда: вѣдь это
 Народу дорогая голова!
 Какіе бѣ ты ни привалилъ каменя
 Къ моей тюрьмѣ—народъ размететъ силой
 И вызволитъ богатыря Илью!

КНЯЗЬ.

А вотъ въ желѣзахъ посидишь увидишь,
 Какъ за тебя заступится народъ.

---

*) Авторъ позволилъ себѣ неточность: въ былинѣ о Данилѣ Ловчанинѣ подстрекателемъ князя выставляется не Алеша, а князь Путята.

ДОБРЫНЯ.

Князь, если я совѣтомъ или дѣломъ
Передъ тобою заслужилъ, дозвожь
Великую мнѣ просьбу: гнѣвъ на милость
Переложь, прости Ильѣ вину...

ЗАВАВА.

И я прошу, князь-государь, помилуй
Илью Ивановича, отпусти... Я съ горя
Всѣ очи выплачу, коль не простишь
Ты крестнаго... Ей Богу, вотъ заплачу
Сейчасъ и буду плакать день и ночь
Передъ тобою такъ: охъ, охъ, мой крестный
Въ тюрьму посаженъ, охъ...

Голосить.

КНЯЗЬ, усмѣхаясь.

Ну, полно... ну! Ильѣ.

Благодари Добрыню, своевольникъ,
И крестницу: прощаю я тебѣ...
Но съ этихъ поръ за дерзкіе покоры
И грубыя, безъ вѣжества, слова
Предъ княземъ-государемъ запрещаю
Казаться мнѣ на очи. Я, какъ гостя,
Какъ старшаго богатыря съ привѣтомъ,
Тебя встрѣчалъ въ палатахъ, и почестно
За княжимъ столомъ ты на пирахъ
Съ дружиной веселился... Ну, а нынѣ
Въ опалѣ ты. Оставь мой княжій дворъ...
Ступай себѣ!

ИЛЬЯ.

Спасибо, князь, за милость,
Спасибо за почетъ, за хлѣбъ-за-соль,
За ласку княжую—за все спасибо.
Что жъ, я уйду.. Коль провинился я —
Прошу прощенія... уйду къ народу...

Вишь, здѣсь, въ палатахъ, сталъ Илья не гождь,
Въ немъ, неотесѣ, вѣжества-де мало,
А воли-своевольства края нѣтъ:
Гдѣ надо—гдѣ не надо лѣзетъ съ правдой,
А правда-то въ хоромахъ не любя;
Она не рядится камкой хрущатой,
Да бархатомъ: въ поскони ходитъ сѣрой,
Такъ изъ хоромъ гони ее въ избу!..
Эхъ, горько было бѣ жить на бѣломъ свѣтѣ,
Когда бы человѣкъ не для души
Работалъ—жилъ; а коль сберегъ ты душу,
Коли плотна ладья—гребецъ силенъ,
Крѣпка его на Господа надежда!
Ну, князь, прощай: не поминай насъ лихомъ.
Бланияется князю и всѣмъ. Уходитъ.

З А Н А В Ъ С Ъ .

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Ночь.—Берегъ Днѣпра. Справа и слѣва на первомъ планѣ группы деревьевъ.—Подъ навѣсомъ одного дерева большой камень.—Въ глубинѣ сцены излучина рѣки.—Вдали, на противоположномъ берегу, мелькають огоньки хатъ.—Лунный столбъ серебрится въ водѣ.

I.

Забава, Настасья, мамка, дѣвушки.

При поднятіи занавѣса издали слышна пѣсня, все болѣе и болѣе приближающаяся.

ГОЛОСЪ.

Выходила дѣвушка во лѣсокъ.

ХОРЪ.

Ой Дидъ-ладо, во лѣсокъ, во лѣсокъ!

ГОЛОСЪ.

Алый цвѣтикъ дѣвушка сорвала.

ХОРЪ.

Ой Дидъ-ладо, сорвала, сорвала!

ГОЛОСЪ.

Подавала милому голосокъ!

ХОРЪ.

Ой Дидъ-ладо, голосокъ, голосокъ!

ГОЛОСЪ.

Она милова друга позвала.

ХОРЪ.

Ой Дидъ-ладо, позвала, позвала!

ГОЛОСЪ.

Ты мой милый, дорогой, приходи.

ХОРЪ.

Ой Дидъ-ладо, приходи, приходи!

ГОЛОСЪ.

Тебѣ алый цвѣтикъ-цвѣтъ подарю.

ХОРЪ.

Ой Дидъ-ладо, подарю, подарю.

ГОЛОСЪ.

Подъ березонькой со мной посиди.

ХОРЪ.

Ой Дидъ-ладо, посиди, посиди!

ГОЛОСЪ.

Подъ кудрявой приласкай, говорю.

ХОРЪ.

Ой Дидъ-ладо, говорю, говорю!

Подплываетъ лодка, Забава и остальные выходятъ на берегъ,
допѣвая пѣсню.

ЗАБАВА.

Ахъ, Настя, что-за ночь! Какъ хорошо-то,
 Какъ тихо! Мѣсяць—погляди—въ рѣкѣ
 Ну точно серебро... Мигаютъ звѣзды,
 Какъ будто улыбаются... На травкѣ
 Дрожить роса алмазами и тѣни
 Узорныя ложатся отъ деревьевъ...

Мамкѣ.

Вотъ, мамушка, ты спорила, что ночь
 Захолодѣетъ, облака ненастье
 Нагонять: гдѣ жъ они теперь—смотри:
 Какъ птицы золотыя, разлетѣлись
 По небу голубому. Вышло все
 По-моему: я говорила, будетъ
 Прогулка славная...

МАМКА.

Ну да, ну да:
 Ты говорила... Ты всегда, воструха,
 Во всемъ права, а мамушка твоя,
 Вишь, мелеть вздоръ...

ЗАБАВА.

Да что жъ неправда развѣ:
 Вѣдь каркала ты давеча...

МАМКА.

Скажу я:
 Ужъ язычекъ Богъ далъ тебѣ, княжна!
 Я каркала... да я ворона, что ли?
 Стыдилась бы ты этакъ говорить
 О старой нянькѣ... Каркала!.. Съ тобою
 Не то закаркаешь—завоеешь, часомъ:
 Ночь въ полуночи, люди спать легли,
 А ты гулять да по рѣкѣ кататься
 И мамушку, и дѣвушекъ томишь.

НАСТАСЬЯ.

Сама же, няня, не осталась дома:
Вѣдь мы просились погулять однѣ.

МАМКА.

Да, какже, такъ я васъ и отпустила
Гулять однѣхъ!.. Ты тоже баловница
Не плоше вѣдь Забавушки... Съ княжной
Случится что—у князя кто въ отвѣтъ?
Не ты, а я... Охъ, эти мнѣ гулянки
Потайныя...

ЗАБАВА.

Ну, няня, не сердись,
Голубушка. Немножко погуляемъ
У берега мы въ роцѣ—и домой.
Когда же и гулять, какъ не теперь,
Не въ ночи мая.

МАМКА.

Охъ, смотри, княжна,
Измаешься. Не даромъ говорится:
Добра ты въ маѣ захотѣлъ, май тепель
Да холоденъ...

ЗАБАВА.

Тсс... тише, няня...
Голубка, тише: соловей...

Запѣваетъ соловей. Всѣ слушаютъ, затаивъ дыханіе. Пѣніе соловья заканчивается.

Ахъ, прелесть!..

Постой, не говори. Настюша... тсс...

Пауза. Ожидаютъ.

Ну, соловей, голубчикъ!
Ну, ну, еще...

МАМКА.

Да полно: улетѣлъ.

ЗАБАВА, нетерпѣливо дѣлаетъ ей
знакъ молчать и ждетъ еще нѣкоторое время.

Да—смолкъ... Какъ жаль!.. Повѣришь, Настя,
Когда вотъ такъ полуночной порой
Заслушаюсь я соловьиной пѣсни,
Да загляжусь, какъ мѣсяцъ золотой
Купается въ рѣкѣ—Богъ вѣсть со мною
Что станется: сама себя не помню,
Не чувствую, трепещетъ сердце сладко,
И то мнѣ хочется лебедкой бѣлой
Летѣть туда, въ лазоревую высь,
То рѣзвою русалкой-хохотушкой
Нырять въ волнахъ и брызги отряхать
Съ волосъ зеленыхъ...

МАМКА, испуганно.

Дитятко, да что ты!

Перекрестись! Слова какія молвишь
Русалкой пожелала обернуться...
Тьфу! Тьфу! Господь тебя оборони!..
Да плюнь же, плюнь три раза: отчурайся;
Не то вѣдь... время-то теперь къ полночи,
Ну долго ль до грѣха: вдругъ водяной
Услышитъ, да всплыветъ, ухватитъ лапой
За русую-то косыньку—и въ омутъ!..

ДѢВУШКИ, въ испугѣ.

— Охъ, страсть какая!.. Свѣтики мои!
— Ахъ, чуръ насъ!—Чуръ насъ!

МАМКА.

Фу, какъ напугали

Сороки баловливыя: визжать
Не хуже лѣшачихи...

ЗАБАВА.

Будеть, няня. Къ дѣвушкамъ.

Пойдемте, дѣвушки, въ зеленой рощѣ
 Немножко погуляемъ, да и—въ лодку.
 Ну—игровую: Настя—запѣвай!

НАСТАСЬЯ, поетъ.

Какъ услышалъ дѣвушку милъ-дружокъ.

ХОРЪ.

Ой Дидъ-ладо, милъ-дружокъ, милъ-дружокъ.

НАСТАСЬЯ.

Снаряжался въ новенькій смуръ-кафтанъ.

ХОРЪ.

Ой Дидъ-ладо, смуръ-кафтанъ, смуръ-кафтанъ!

НАСТАСЬЯ.

Выходилъ онъ къ дѣвушкамъ во лѣсокъ.

ХОРЪ.

Ой Дидъ-ладо, во лѣсокъ, во лѣсокъ.

НАСТАСЬЯ.

Цѣловалъ онъ дѣвушку, бѣль-румянъ.

ХОРЪ.

Ой Дидъ-ладо, бѣль-румянъ, бѣль-румянъ!...

Уходятъ.

II.

БЕРМЯТА, ВЫХОДИТЬ, ОГЛЯДЫВАЯСЬ.

Раненько, видно, я приспѣлъ. Пождать
Придется здѣсь. Вотъ камушекъ. Присядемъ,
Да посмѣкаемъ—думу разведемъ.

Садится на камень подъ деревомъ.

Съ умомъ замышлено сначала дѣло —
Съ умомъ докончить надо. Князь велѣлъ
Съ Добрыней ѣхать мнѣ по Василису:
Тошнѣй мнѣ смерти на конѣ трястись
Съ такимъ-то чревомъ. Вотъ и говорю я:

«Добрынюшка, ты поѣзжай одинъ,
И безъ меня посольство обойдется,
Въ помѣху только буду я тебѣ.
Я скрытно отсижу въ своихъ хоромахъ
Все времячко, какъ будешь ты въ пути,
А какъ воротись, скажу я князю,
Что вмѣстѣ Василису привезли».

Уговорилъ я, упросилъ его:

Одинъ поѣхалъ. Къ полуночи нынче
Здѣсь будетъ, у Ярилина оврага:
Отсель мы вмѣстѣ прямо въ княжій дворъ
Проводимъ Василису. Вотъ какъ ладно
Все дѣло-то сварилось. Говорится
Недаромъ, видно: не купи гумна—
Купи ума; гдѣ глупый даромъ киснетъ,
Тамъ умный-то промыслить. Зѣваетъ.

Сонъ долить...

Какъ собирался я сюда потайно,
Запасся турьимъ рогомъ: неравно, моль,
Въ ночь долго ждать придется. Подкрѣплюсь.

Отцѣпляетъ отъ пояса рогъ и пьетъ.

Ужъ и винцо! Ну, просто грѣетъ душу,
Ласкаетъ по суставамъ!.. Пьетъ.

Хорошо!

Хлѣбну еще. Долго пьеть.

Стой! Будеть! Пробуетъ привстать съ камня и не можетъ.

Разморило...

Соснуть—поотдохнуть бы: время есть,

А камушекъ-то, что твоя постеля—

Зеленымъ мохомъ затканъ... Ой, сосну...

Укладывается на камнѣ и засыпаетъ. Набѣгаютъ облака и закрываютъ луну. На сценѣ темно.

III.

Катерина, Бермята.

КАТЕРИНА, выходитъ осторожно.

Что это вдругъ какъ потемнѣло?.. Тучки

На небо набѣжали, скрыли мѣсяць...

Не запоздала ль я?.. А мѣсто тутъ...

И нѣту никого... Окликнуть развѣ? Тихо окликаеть.

Чурилушка! Чурилушка! Прислушивается.

Все тихо...

Нѣтъ отзыва... Знать не пришелъ еще.

Побуду здѣсь, чтобъ намъ не разминуться.

Охъ, боязно въ лѣсу-то въ этотъ часъ...

Хоть подъ деревья схоронюсь...

Идетъ къ дереву, подъ которымъ спитъ Бермята; замѣчаетъ спящаго.

Ахъ, вонъ онъ!..

Голубчикъ-милый, заждался: уснулъ... Усмѣхается.

Постой же, пошучу я: попугаю,

Русалкой притворюсь, пощекочу...

Подбѣгаетъ къ Бермятѣ и начинаетъ его щекотать.

Чурилушка, проснися-пробудись:

Русалка я!.. Защекочу милова,

Зашекочу до смерти.

БЕРМЯТА, просыпается въ испугѣ,
ничего не понимая, барахтается.

Ай, ай, ай! Катерина съ крикомъ убѣгаетъ.
Помилуй Боже! Наше мѣсто свято!
Чуръ! Тѣфу! Отстань! Разсыпся! Брысь! Всакиваетъ съ
камня.

Ухъ, ухъ!.. Отъ страха затряслись поджилки...
Вишь нечисть!.. Господи помилуй!.. Гдѣ жъ
Она поскудница?.. Оглядывается во всѣ стороны.

Хвостомъ шмыгнула,
Какъ кошка, и пропала... Ахъ, ты дрянъ:
Вѣдь тихо какъ подкралася: не слышалъ,—
Да какъ пошла межъ реберъ въ перебой!..
Защекотать проклятая сулила
До смерти...

Батюшки! да что же я
Стою да развожу: а ну какъ снова
Придетъ русалка, приведетъ сестеръ
Да бросятъ, да заиграютъ всѣ-то
По ребрамъ-то, подъ душкой!.. Ой, ой, ой!
Тутъ высунешь языкъ, да такъ навѣки
Останешься—назадъ не покладешь:
Такое вѣдь бывало... Поскорѣе
Убратся по-здорову—по добру:
Нечистое здѣсь мѣсто... Торопливо уходитъ, шатаясь.

IV.

МАМКА, входитъ.

Охъ, мнѣ эта
Бѣдовая головушка—княжна!
Вишь, мало ей, что ночью въ лѣсъ взманилась—
Въ гулючки вздумала играть въ лѣсу.
Попрятались: ни Насти, ни Забавы,
Ни дѣвушекъ—осталась я одна.

За молодыми гдѣ жъ поспѣтъ старухѣ;
 Аукала, звала—отвѣта нѣтъ:
 Ну згинули и только! Чтò тутъ дѣлать?
 А въ чащѣ жутко, темъ и, какъ на грѣхъ,
 Закрыло мѣсяцъ облакомъ... Ждала я,
 Ждала, ждала и вспало мнѣ на умъ:
 Уйду сюда, тутъ все же поспокойнѣй,
 А съ баловницами не разминуюсь:
 Вернуться въ лодку-то. Садится на камень подъ деревомъ.
 Ихъ! изморилась...

Заныли ноженьки: старъ-человѣкъ.
 Дѣвчонкою-то, Господи! бывало
 И днемъ, и ночью скачешь, что коза,
 А нынче вотъ съ лежанки не сошла бы.
 Да, съ молоду намъ все въ охотку, въ радость...
 А постарѣешь—все въ неволю, въ трудъ...
 Охъ-охъ-охонюшки... Начинаетъ дремать.
 Не задремать бы...

Вотъ такъ и клонить... Въ полуснѣ.
 Нянюшка... Что, свѣтъ мой...
 Забавушка?.. Пора... дитя... усни... Засыпаетъ.

V.

ЧУРИЛА, входитъ, осматривается,
 примѣчаетъ спящую мамку.

Первѣй меня пришла. Ждала. Уснула...
 Ну, Катеринушка, скучала, чай,
 Какъ засыпала: весело проснешься
 Отъ поцѣлуя. Обнимаетъ спящую и звонко цѣлуетъ.

МАМКА, просыпается, въ испугѣ
 кричить.

Ой, родные, ой!

Спасите! Помогите!.. Да воскреснетъ
 И расточатся...

ЧУРИЛА, встряхивая ее за плечи.

Пыць! Чего визжишь!
Что ты за нечисть, а? Отколь взялася?
Да говори же,—ну!

МАМКА, вся дрожить.

Скажу... скажу...

Дай только хоть покаяться... Минутку...
Одну минутку... погоди-пожди
Бодать рожищами... пусти молитву
Хоть прочитатъ...

ЧУРИЛА.

Да что ты, баба, врешь?..

МАМКА.

Ой, батюшка, не вру... сказала правду.
У васъ, у лѣшихъ вѣдомый обычай:
Попалась христіанская душа—
Такъ вы рожищами-то...

ЧУРИЛА, смѣется.

Ахъ ты, дура!

Сама ты, видно, вѣдьма, коль рога
На мнѣ примѣтила, сама ты, видно,
Съ свинымъ хвостомъ...

МАМКА, вдругъ обидѣвшись.

Что ты, что ты,

Срамникъ... въ умѣ ли?.. Окрестись, безпутный!
Какая вѣдьма я, гдѣ взять мнѣ хвостъ?
Я мамка княжая!... А то, вишь, вѣдьма!..

ЧУРИЛА.

Какъ мамка княжая? Зачѣмъ же въ лѣсъ
Ты ночью забрела?

МАМКА.

Да я... постой-ка:
 Не разобрать мнѣ было съ перепугу,
 А вотъ теперь, какъ слушаю, такъ будто
 Знакомый голосъ... Старается взглядѣтся въ него.

Мать моя! Никакъ
 Чурила-свѣтъ-Пленковичъ?!

ЧУРИЛА.

Что—Чурила!
 Вотъ я-те дамъ Чурилу—покажу,
 Какъ изъ Чурилы обернулся чуромъ!..
 Я—лѣсовикъ. Дико кричить.
 Ого-го-го!

МАМКА, присѣдаетъ отъ страха.

Заступница...

ЧУРИЛА.

Ну, будетъ: убирайся
 Отколь пришла. На этотъ разъ прощу,
 Помилую: вдругорядь не встрѣчайся.
 Не-то смотри!.. Шутя наклоняется.
 Рожищами бодну,
 Копытомъ душу вышибу!.. Бѣги!..
 Мамка бѣжитъ, зажавъ со страху голову руками.
 Вишь, какъ пошла: откуда рысь взялась! Смѣется.
 Ну, коль не очумѣетъ съ перепугу,
 Такъ будтъ помнить нынѣшнюю ночь.
 Чай притащилась травку собирать
 Цѣлебную, старушка: вотъ-те травка—
 На лѣшаго наткнулась! ха, ха, ха..
 Да гдѣ же Катерина? Что-за притча?
 Неужто обманула—не пришла?
 Не можетъ быть: таковская ли баба—
 Свиданья не пропуститъ... Поискать
 Гдѣ—около: знать, мѣстомъ обозналась. Уходить.

VI.

БЕРМЯТА, входить, пошатывался.

Вотъ, правду говорятъ: найдеть дрема—
 Не соберешь ума. Ужъ у меня ли
 Не голова, а, на-ка, что напуталь,
 Какъ заспался: безъ памяти ушелъ,
 Похоронился въ чащѣ, да, какъ филинъ,
 Глаза-то пялю: ой, придуть русалки
 И защекочуть! Межь кустовъ брожу,
 Таюсь, со страху ноженьки трясутся...
 Совсѣмъ бы лихорадка проняла,
 Да вспомнилось, что турій рогъ со мною:
 Хлѣбнулъ разокъ—ай, любо!—я—еще!
 И вдругъ меня вотъ точно осѣнило:
 Какъ тресну я по лысинѣ себя,
 Такъ инда зазвенѣло, листь съ деревьевъ
 Посыпался!.. Ахъ, дурень, дурень пѣтый,
 Да что же это я, да какъ же я:
 Вѣдь сонъ за явь, призналъ я, вѣдь во снѣ
 Пригрезилася мнѣ русалка эта
 Поганая, чтобъ пусто было ей!
 Изъ-за чего всполохнулся!.. Чѣмъ спать бы
 На камушкѣ, на шелковистомъ мху—
 Слоняюся въ лѣсу-то ровно лѣшій...
 Что времени ушло задаромъ: чай,
 Добрыня скоро будетъ. Ну, да ладно:
 Пускай недолго, все-таки посплю.
 Теперь хоть дьяволъ приходи во снѣ-то,
 Такъ съ боку на бокъ не поворочусь.
 Ложится на тотъ же камень и засыпаетъ. Мѣсяць vyplываетъ
 изъ-за облаковъ. На сценѣ свѣтло.

VII.

Чурила, Катерина, Бермята.

Катерина и Чурила входятъ съ разныхъ сторонъ и встрѣчаются въ глубинѣ сцены.

КАТЕРИНА.

Чурила!..

ЧУРИЛА.

Катерина!..

КАТЕРИНА.

Я тебя

Ищу давно...

ЧУРИЛА.

И я...

КАТЕРИНА.

Ахъ, что тутъ вышло

Со мною...

ЧУРИЛА.

И со мной...

КАТЕРИНА.

Голубчикъ мой,

Раскажемъ послѣ... Дай поцѣловаться!..

Бросается ему на шею. Цѣлуются.

БЕРМЯТА, просыпается; про себя.

Ахъ, волкъ-те ѣшь! Вѣдь началось опять...

Покоя нѣту: чуть глаза закроешь,
Такъ и пошло мерещиться сейчасъ

Непутное... Ну, вона, вона:

Чурила съ Катериною вдвоемъ!

Цѣлуются... Тьфу! Эка мара
 Пригрезится... Вотъ завтра рассказать
 Свѣтъ-Катеринушкѣ—тутъ будетъ смѣху!...
 Опять цѣлуются... да крѣпко какъ!
 Вѣдь точно на яву... Да нѣтъ, шалишь,
 Теперь не обморочусь, какъ съ русалкой...
 А что: испугнуть ихъ развѣ—посмотрѣть,
 Какъ выйдеть?.. Кричить.

Эй, эй, эй, держи! Катерина и Чурила убѣгаютъ.
 А, каково? Шарахнулись что кони!
 И въявь не вышло лучше бы... хе, хе...
 Смѣется и засыпаетъ.

VIII.

Добрыня, Василиса Микулишна, передѣтая королевичемъ, Бер-
 мята.

ДОВРЫНЯ, входитъ вмѣстѣ съ Васи-
 лисой, продолжая разговоръ.

Да, только для тебя лишь, Василиса
 Микулишна, грѣхъ на душу беру.
 И то не хорошо ужъ, что съ Бермятой
 Вошелъ въ согласъ я, князя обманулъ;
 А ты задумала такое дѣло,
 Что мнѣ бы, княжему послу, о немъ
 И слушать-то не слѣдъ, а я склонился
 Служить тебѣ въ томъ дѣлѣ.

ВАСИЛИСА.

Богатырь,
 Тяжелъ обманъ твоей душѣ правдивой,
 Я знаю, но повѣрь, и мнѣ не легокъ;
 Да что же дѣлать, коль мою бѣду
 Могу избыть лишь хитростью предъ княземъ?

Самъ разсуди: онъ мужа моего
Обидѣлъ и жестоко, и напрасно,
Такъ ласково ль онъ встрѣтилъ бы жену
Богатыря опальнаго? Душою
Я какъ Ставеръ сурова и горда,
Я не сдержу укорливое слово.
И, возбудивши въ князѣ новый гнѣвъ,
Замѣсто помощи, быть можетъ, мужу
Вредъ принесу.

ДОВРЫНЯ.

Не разумѣю я
Чѣмъ ты Ставру поможешь и какое
Добро ты сдѣлаешь теперь, когда
Задумала обманно передъ княземъ
Явиться королевичемъ?

ВАСИЛИСА.

А вотъ

Пожди конца, Добрынюшка, такъ скажешь
Не ты одинъ, а скажутъ всѣ и князь
Первѣе всѣхъ: хотъ баба Василиса,
А разумомъ бойчей богатырей.

ДОВРЫНЯ.

Дай Богъ тебѣ успѣха. Ты сковала
Меня съ собою умысломъ твоимъ,
Какъ цѣпью крѣпкою. Тебѣ удастся—
Оправлю я предъ княземъ свой обманъ:
А не удастся—ждетъ меня опала.

ВАСИЛИСА.

Не бойся.

ДОВРЫНЯ.

Я не то—я не боюсь.
Что разъ я въ душу принялъ, то я твердо
Держу въ душѣ. Чтобъ выручить Ставра,

Чтобы помочь тебѣ, готовъ стерпѣть
Гнѣвъ князя и опалу. Мнѣ одно
Не по сердцу въ твоей затѣѣ: хитрость.

ВАСИЛИСА.

Какъ быть? Ужъ видно, богатырь, нельзя
Безъ этого намъ, бабамъ, жить на свѣтѣ.
Вы силою, да волей все берете,
Мы хитростью, да прелестью... Увидѣвъ спящаго Бермяту.
Гляди:

Кто это спитъ на камнѣ тамъ?

ДОВРЫНЯ.

Бермята.

Вишь, старый тетеревъ, залегъ, сопить,
Какъ будто смаялся въ трудѣ.

Подходить къ Бермятѣ и будить его.

Вставай-ка,

Бермятушка.

БЕРМЯТА, просыпаясь.

Ну, вотъ опять пошло
Мерещиться.... Махаетъ рукой. Отстань...

ДОВРЫНЯ.

Что ты бормочешь?

Проснися, говорю я: въ путь пора.

БЕРМЯТА, съ просонья.

Ась? Что? Куда?.. Да ты, никакъ, Добрыня?

ДОВРЫНЯ.

Аль не призналъ?

БЕРМЯТА.

Живой, а не во снѣ?

ДОБРЫНЯ, смѣется.

Во снѣ, во снѣ...

БЕРМЯТА.

Ну, такъ и есть... А чтобъ вамъ
Всѣмъ провалиться!

Хочетъ снова лечь. Въ это время изъ-за деревьевъ выходитъ Забава, Настасья, мамка и дѣвушки. Бермята, увидѣвъ ихъ, вскакиваетъ съ испугомъ.

Батюшки, онѣ!

Русалки... Ой, Добрынюшка, голубчикъ,
Скажи мнѣ правду: сплю я? сплю? аль нѣтъ?
Во снѣ ли я теперь русалокъ вижу,
Аль настоящихъ, на яву—скажи?

ДОБРЫНЯ.

Со сна ты видно очумѣлъ, бояринъ:
Встряхнись, очнись.

БЕРМЯТА.

Охъ, защекочать, охъ,
Коль не во снѣ!... Спаси, дай оборону!...

ДОБРЫНЯ.

Да полно, не кричи! Гдѣ видишь ты
Русалокъ? То идетъ княжна Забава
Съ сѣнными дѣвушками.

БЕРМЯТА, всматриваясь.

Вѣдь и впрямь—княжна.

А мнѣ-то забрело въ башку...

IX.

Тѣ же, Забава, Настасья, мамка, дѣвушки.

ЗАБАВА.

Добрыня

Никитичъ?

ДОБРЫНЯ, кланяясь.

Я, княжна.

БЕРМЯТА, выступаетъ впередъ.

И я—я тоже.

ЗАБАВА.

Бермятушка?.. Отколь, богатыри?

БЕРМЯТА, важно.

Да вотъ съ Добрынею по Василису
Мы ѣздили и привезли...

ДОБРЫНЯ, тихо Бермятъ.

Молчи...

ЗАБАВА, увидѣвъ Василису, тихо
Настасьѣ.

Ахъ, Настя, погляди, какой красавецъ!
Какія брови, кудри! Точно Лель! Добрынѣ.
Кто жъ это съ вами?

ДОБРЫНЯ.

Это королевичъ

Василій Етмануловичъ, княжна.

Мы встрѣтились въ пути. Онъ ѣдетъ къ князю

Отъ дальнихъ странъ: изъ той ли изъ земли
Изъ Ляховицкой. Подводитъ Василису.

Вотъ позволь предъ очи
Богатыря поставить.

ЗАБАВА.

Рада я,
Василій Етмануйловичъ...

ВАСИЛИСА.

Забава

Путятишна, счастливый случай мнѣ
Послалъ неожиданно часъ желанной встрѣчи
Съ красавицей, которую въ мечтахъ
Давно желалъ увидѣть я. Въ смущеньи
Предъ тобой стою: меня врасплохъ
Застала эта встрѣча; словъ привѣта
Не нахожу...

ЗАБАВА.

Зачѣмъ же, королевичъ,
Напраслину ты взводишь на себя:
Привѣтнѣй я не слыхивала рѣчи.

ВАСИЛИСА.

О, если такъ, не разумъ мой вина
Того, что говорятъ уста: въ затменьи
Мой разумъ бѣдный въ этотъ свѣтлый мигъ;
Мои слова мнѣ прошептало сердце.

ЗАБАВА.

Тѣмъ болѣе цѣны имъ: хитрый разумъ
Словамъ лукавымъ научаетъ насъ,
А сердце—праведнымъ... Добрынѣ.

Скажи, Добрыня

Никитичъ, гдѣ жъ она—гдѣ Василиса
Микулишна?

ДОВРЫНЯ.

Да нѣтъ ея, княжна.

БЕРМЯТА.

Нѣтъ—точно.

ЗАБАВА.

Какъ же такъ?

ДОВРЫНЯ.

А вышелъ случай

Негаданный.

БЕРМЯТА.

Да вышелъ случай вдругъ...

ДОВРЫНЯ.

Я выѣхалъ вечеръ, княжна—ты знаешь—
Спѣшилъ всю ночь...

БЕРМЯТА.

Всю ноченьку какъ есть

Скакали мы, коней поизморили
И животы совсѣмъ порастрясли...

ДОВРЫНЯ.

Съ зарей невдалекѣ ужъ отъ двора-то
Ставра Гоудиновича встрѣчу мнѣ
Попался королевичъ...

БЕРМЯТА.

Я Добрынѣ

И говорю: Добрынюшка, гляди,
Какой красавчикъ...

ДОВРЫНЯ, хмурясь.

Перестань, Бермята,

Перебивать—«Отколѣ и куда?»—

Онъ опросилъ.—Изъ Кіева отъ князя
 Во дворъ къ Ставру боярину, чтобъ взять
 Его жену по княжему приказу.
 —«Ай, поздно»,—королевичъ говоритъ...

ВЕРМЯТА.

«Поздненько, свѣтики»,—онъ слово молвить...

ДОВРЫНЯ.

«Была жена Ставрова, да пропала—
 Въ орду ушла: Калинъ ордынскій царь
 Ее сманилъ»...

ВЕРМЯТА.

Да, да, поганый нехристь!
 Сманилъ онъ бабу. Баба вѣдь легка
 Насчетъ соблазна-то мѣшокъ: что всыпешъ,
 То и несетъ...

ДОВРЫНЯ.

Вотъ свѣдавши о томъ,
 Что Василисы нѣтъ, поворотилъ я
 Коня въ обратный путь.

ВЕРМЯТА.

И я коня
 Поворотилъ, да и... прилегъ на камнѣ:
 Добрынюшку, молъ, подожду, сосну... Опомнившись.
 Тьфу! Заврался... Прости, княжна, съ дороги
 Умаялся: кружится голова,
 Невѣсть что мелется...

ЗАБАВА.

Жаль Василису

Микулишну, а пуще жаль Ставра
 Годиновича: за бѣдою первой
 Пришла къ нему другая. Княжій гнѣвъ,

Жена покинула: два горя разомъ...
Однако, я держу, богатыри,
Рѣчами васъ, а вамъ на отдыхъ нужно...

БЕРМЯТА.

Да, на постелюшкѣ, на пуховой,
Съ дороги любо!

ЗАБАВА.

Да и я-то поздно
Позагулялась въ роцѣ: мнѣ пора...
До завтра, королевичъ: мы у князя
Увидимся.

ВАСИЛИСА, клянется.

Прими поклонъ, княжна.

БЕРМЯТА, клянется, стараясь под-
ражать Василисѣ.

И отъ меня поклонъ!

ДОВРЫНЯ.

Прощай, Забава

Путятишна.

ЗАБАВА.

Богатыри, прощайте. Добрыня, Василиса и Бер-
мята уходятъ.

V.

Забава, Настасья, мамка, дѣвушки.

ЗАБАВА, смотритъ вслѣдъ уходящей
Василисѣ.

Ахъ, ненаглядный, какъ пригожъ, какъ милъ!
Какая поступъ—прямо королевичъ!
Идетъ—кудрями встряхиваетъ. Настасья.

Настя,
 Дай руку въ сердцу: слышишь, слышишь—бьется,
 Какъ голубочекъ, пойманный въ силки...
 Вотъ суженый мой—онъ!

НАСТАСЬЯ.

Кто?

ЗАБАВА.

Королевичъ.

НАСТАСЬЯ.

Да что ты говоришь, да какже такъ?
 А Соловей Будиміровичъ развѣ
 Не любъ тебѣ? Вѣдь ты же признавалась...

ЗАБАВА.

Ахъ, перестань... Я Соловья... онъ мнѣ
 Привѣтенъ былъ... А этотъ?.. Что-за брови,
 Что-за глаза—какъ двѣ звѣзды горять!
 И рѣчь такая ласковая...

МАМКА, подходитъ къ ней.

Что же,

Забавушка, мы долго ли еще
 Здѣсь будемъ полуночничать-то?... Мало
 Набѣгалися? Мало натерпѣлась
 Я страху-то... Измучили старуху...
 Вишь, горя нѣтъ имъ: прыгаютъ на мѣстѣ
 Нечистомъ, точно въ княжіемъ саду,
 А тутъ за мамкой чуръ меня!—самъ лѣшій.

ЗАБАВА.

Ахъ, няня, полно же: тебѣ во снѣ
 Привидѣлось.

МАМКА.

Во снѣ?.. Вотъ на тебя бы,
Онъ, баловница, наскочилъ—тогда
Узнала бѣ сонъ ты: какъ нагнулъ рожища,
Да загопочеть: о-го-го го-го,
Копытомъ душу вышибу!.. Во снѣ, вишь...
Тутъ, мать моя, не то что сонъ пройдетъ,
А мертвая изъ гроба вскочишь... Такъ-то.
А ты—во снѣ...

ЗАБАВА.

Ну, ну, пора домой.
Идемъ, идемъ...

Припадаетъ головой къ плечу Настасьи.

Настюша, хорошо мнѣ...

Такъ хорошо мнѣ... Дѣвушки, запойте,
Голубушки, да полюбовнѣй пѣсню...

Ну вотъ хоть ту—про свѣтъ-серебрянъ мѣсяцъ...

Всѣ входятъ въ лодку. Дѣвушки запѣвають.

ХОРЪ.

Свѣтъ-серебрянъ мѣсяцъ въ рѣченькѣ

Онъ горитъ-блеститъ, купается...

У окошечка во теремѣ

Сидитъ Лада улыбается...

* *
*

Поджидаетъ друга милова,

Подперла головку ручкою...

Ты свѣти яснѣй, не кройся ты,

Свѣтъ-серебрянъ мѣсяцъ тучкою...

Лодка уплываетъ. Пѣсня замираетъ въ отдаленіи.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Княжая палата. Въ задней стѣнѣ двѣ открытыя арки; сквозь нихъ виденъ садъ. Направо княжее мѣсто. Налѣво столъ съ шахматной доскою.

I.

Князь, Василиса, Добрыня, нѣсколько бояръ. Князь съ Василисой играютъ въ шахматы. Остальные лица слѣдятъ за игрой.

КНЯЗЬ.

Ну, королевичъ, ты хоть молодъ—ухо
Съ тобою востро держи: того гляди
Конецъ игрѣ положишь ловкимъ ходомъ.

ВАСИЛИСА, дѣлаетъ ходъ.

Шахъ королю и ферязи.

КНЯЗЬ.

А мы

Слона повывинемъ—вотъ этакъ.

ВАСИЛИСА, дѣлаетъ ходъ.

Мать.

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, каково! съ двѣнадцатаго хода
Игру взялъ у меня, а я игрокъ
Въ тавлеи не послѣдній. Добрыня.

Ну, Добрыня,

За Василисой умной ѣздилъ ты,
Да не нашель ея—съ ума большого,
Вишь, къ нехристю сбѣжала—такъ взамѣнъ
Привезъ къ намъ королевича: умнѣе,
Ей-Богу, онъ насъ всѣхъ!

ВАСИЛИСА.

Князь-государь,

Ты похвалой своей меня смущаешь.

КНЯЗЬ.

Чего жъ смущаться? Всякая хвала
Для юноши привѣтна, а тѣмъ больше,
Когда за умъ хвалу онъ заслужилъ.
Скажу отъ сердца я: ты, королевичъ,
Мнѣ полюбился и за разумъ свой,
И за обычай вѣжливый. Любуюсь
Я на тебя и молодость мою
Припоминаю съ ласковою думой...
Ахъ, молодость, ахъ, время золотое!..

Гладить Василису по волосамъ и указываетъ на свои.

А наши-то ужъ вонъ засеребрились,
Добрыня, а?

ДОВРЫНЯ.

Что дѣлать, государь.

КНЯЗЬ.

Да, дѣлать нечего, а все же горько,
Что золотыхъ-то кудрей больше нѣтъ.

ВАСИЛИСА.

Князь, у людей серебрянымъ бываетъ
Почета болѣе, чѣмъ золотымъ.

КНЯЗЬ.

Да счастья, королевичъ, меньше, счастья:
А въ жизни-то всего первѣй оно.

ВАСИЛИСА.

Прости мнѣ, государь,—я несогласенъ:
У юности есть счастье свое,
У старости—свое.

КНЯЗЬ.

Ну, а какое,
Скажи-ка намъ,—у той и у другой?

ВАСИЛИСА.

У старости...

КНЯЗЬ, усмѣхаясь.

Ну, ну-ка?

ВАСИЛИСА.

Доброта,
Да справедливость.

КНЯЗЬ.

Королевичъ, это
Для старости суровый долгъ.

ВАСИЛИСА.

Но въ немъ
Она находитъ счастье.

КНЯЗЬ.

Поневолѣ,
Коль ничего другого-то ужъ нѣтъ.

Чтобъ добрымъ быть и справедливымъ—надо
 Въ уздѣ себя держать, такъ, стало, тутъ
 Нѣтъ счастья: оно всегда свободой
 Живетъ и дышетъ... Ну, да ладно: пусть,
 По-твоему, счастлива этимъ старость,
 А въ чемъ же счастье юности?

ВАСИЛИСА.

Въ любви,
 Въ весельѣ беззаботномъ.

КНЯЗЬ.

Вотъ, что вѣрно,
 То вѣрно, королевичъ, ты сказалъ:
 Сама же юность утверждаетъ слово
 Твое разумное: вонъ, погляди.

Указываетъ на Забаву, выбѣгающую изъ сада.

II.

Тѣ же, Забава, потомъ Бермята.

ЗАБАВА, не можетъ сказать отъ
 смѣху.

Ахъ, не могу... ахъ, князь... ахъ, королевичъ...
 Когда бъ вы видѣли... нѣтъ, я умру
 Отъ смѣха, рѣчи не домолвивъ...

КНЯЗЬ.

Что же,
 Забавушка, такъ веселитъ тебя?

ЗАБАВА.

Сейчасъ... вотъ тамъ... съ Бермятой и Алешей
 Послы прошли къ крыльцу... Продолжаетъ смѣяться.

КНЯЗЬ.

А чьи послы?

ЗАБАВА.

Послы... ахъ, какъ его!.. Да вотъ: Калина,
Ордынскаго царя...

КНЯЗЬ.

Калина?

ЗАБАВА.

Да.

Мурзы: одинъ зовется Тараканомъ,
Другой Бакланъ, а третій Турухтанъ...
Въ халатахъ, желтые, глаза какъ щелки,
Усы торчатъ ну точно вотъ у раковъ,
Носы, какъ вишня, красные... Безъ смѣха
Нельзя смотрѣть: ну чучелы и только!

КНЯЗЬ.

Да что же тѣмъ посламъ... Входитъ Бермята.
А, вотъ Бермята
Идетъ сюда: онъ все доложитъ намъ.

БЕРМЯТА.

Послы ордынскаго царя Калина,
Князь-государь, пріѣхали.

КНЯЗЬ.

Зачѣмъ?

Не Василиса ль, что ушла къ Калину,
Посольство снарядила къ намъ?.. Смѣется.

БЕРМЯТА.

Предстать

Предъ очи княжія твои желаютъ

Съ привѣтомъ и наказомъ отъ царя.
Когда принять ихъ, государь, позволишь?

КНЯЗЬ.

А хоть сейчасъ. Сзови богатырей
Да обряди пріемъ. Я незамедлю
Въ палату.

БЕРМЯТА.

Хорошо, князь-государь. Уходитъ.

КНЯЗЬ.

Ну, королевичъ, я пока разстанусь
Съ тобой. Бесѣдой гостя позайми,
Забавушка. Уходитъ. Добрыня и бояре провожаютъ князя.

III.

Василиса, Забава.

ВАСИЛИСА.

Княжна, твоимъ весельемъ
Любуюсь я: серебряный твой смѣхъ
Звенить, какъ пѣсня жаворонка, утромъ
Надъ нивой золотой... Не знаешь ты
Ни горя, ни заботы.

ЗАБАВА.

Королевичъ,

Ты вымолвилъ о горѣ и заботѣ—
И такъ вздохнулъ печально, будто ихъ
Таишь въ душѣ своей?..

ВАСИЛИСА.

Какъ знать, Забава

Путятшна...

ЗАБАВА.

Ахъ, полно, перестань:
 Какое горе у тебя? какая
 Потайная забота можетъ быть?
 Ты молодъ и пригожь, не въ бѣдной долѣ
 Рожденъ ты: слава Богу, царскій сынъ.
 Удѣлъ твой въ жизни: счастье и радость.

ВАСИЛИСА.

Не думай такъ, княжна: высокій санъ
 И молодость отъ горя не спасаютъ.

ЗАБАВА.

Ну, коли вправду горе завелось,
 То надобно избыть его скорѣе.

ВАСИЛИСА.

Да какъ избудешь—научи.

ЗАБАВА.

Открой

Его тому, кто съ ласковымъ участиемъ
 Его раздѣлитъ—вотъ открой хоть мнѣ—
 И коль не все, такъ половину горя
 Избудишь ты...

ВАСИЛИСА.

Благодарю, княжна.

Для сердца огорченнаго отрадно
 Участье доброты, но... не хочу
 Я затемнять сіяющее небо
 Веселія и счастья твоего
 Моей печали непогодной тучей.

ЗАБАВА.

Какой ты гордый... Думаешь: меня
 Забава не пойметъ, она ребенокъ,
 Доступенъ для нея лишь рѣзвый смѣхъ.

ВАСИЛИСА.

Княжна, ты ошибаешься: догадка
Твоя несправедлива...

ЗАБАВА.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,
Я вѣрно отгадала, королевичъ,
Твой помыселъ и грустно мнѣ, что ты
Таишься отъ меня... Ахъ, какъ счастлива
Была бы я, когда бы раздѣлилиъ
Со мною ты и радость, и печали
Своей души... Вотъ я не такова:
Я не таюсь и говорю отъ сердца,
Что сердце чувствуетъ...

ВАСИЛИСА.

Повѣрь, княжна,
Мнѣ дорого...

ЗАБАВА.

Нѣтъ, королевичъ, вижу:
Не понимаешь, или не хочешь ты
Меня понять... Ты холоденъ къ привѣту
Моихъ рѣчей... Къ тебѣ клонюсь душой,
Какъ ивушка зелеными вѣтвями
Къ ручью склоняется, а ты—ручей
Студеный—ты бѣжишь, не примѣчаешь,
Что шепчетъ нѣжно деревцо... И я
Вѣдь тоже глупая: вишь захотѣла,
Чтобъ ты открылся предо мной!.. Сама
Должна была бы сердцемъ домекнуться,
О комъ твоя заботушка-печаль...

ВАСИЛИСА.

О комъ же?

Да о томъ, кого ты любишь.

ВАСИЛИСА.

Коль хочешь знать, княжна, скажу тебѣ:
Ты правду молвила.

ЗАБАВА.

Вотъ видишь... видишь!..

Спасибо, королевичъ, что не скрылъ,
Что не смолчалъ... хоть лучше бѣ мнѣ объ этомъ
Не знать, не вѣдать, не пытаться тебя:
Была бы я счастливице...

ВАСИЛИСА.

Забава

Путятишна, что хочешь ты сказать?..

ЗАБАВА.

Нѣтъ, ничего... я такъ... пустя рѣчи...
Давай смѣяться... Весель будь, какъ я:
Вѣдь съ той поры, какъ я тебя узнала—
Я все смѣюсь... Смѣяться будемъ вмѣстѣ...
Вотъ такъ... вотъ такъ... Смѣется.

До слезъ... Дай руку... въ садъ

Пойдемъ играть-рѣзвиться...

Береть за руку Василису. Въ это время въ саду показывается
Соловей Будиміровичъ; она его не примѣчаетъ.

Нѣтъ, не надо. Отнимаетъ руку.

Я не могу теперь... Оставь меня,
Василій Егмануйловичъ... Не то я
Расплачусь, какъ дитя, сейчасъ... Прошу,
Не гнѣвайся: бываю своенравна
Порою я... Оставь меня: одной
Мнѣ будетъ легче...

ВАСИЛИСА.

Какъ, княжна, позволишь... Кланяется и уходитъ.

ЗАБАВА, смотреть ему въ слѣдъ,
грустно.

Прощай, мечта завѣтная моя!
Не долго ты жила: какъ разгорѣлась
Мгновенно, такъ мгновенно и погасла
Весеннею зарницей... Ты моимъ
Не будешь, королевичъ: самъ признался,
Самъ вымолвилъ, что любишь ты...

IV.

Забава, Соловей.

СОЛОВЕЙ, при послѣднихъ словахъ
Забавы подходитъ къ ней.

Такъ вотъ какъ,
Княжна Забава: чуть успѣлъ блеснуть
Своей красою юный чужеземецъ
Передъ твоими взорами—у васъ
Ужъ идутъ рѣчи о любви, признанья
И рукожатья нѣжныя... Хвалю!

ЗАБАВА.

А я вотъ, богатырь,—я не могу
Хвалить тебя; подслушиваешь рѣчи,
Подглядываешь тайно ты за мной...

СОЛОВЕЙ.

Я не подглядывалъ: случайно вмѣстѣ
Васъ увидалъ; и ты—прости княжна—
Не шопотомъ встревоженную думу
Своей души высказывала—вслухъ...
Ахъ, если мучаюсь я тѣмъ, что видѣлъ,
Что услыхалъ нечаянно—меня
Ты лучше бъ пожалѣла, чѣмъ за это
Бросать укоры...

ЗАБАВА.

Не за что жалѣть
И ничѣмъ мучиться тебѣ...

СОЛОВЕЙ.

Забава

Путятишна,—ты ль это говоришь!
Вѣдь знаешь ты: люблю тебя всѣмъ сердцемъ
И ты сама мнѣ признавалась въ томъ,
Что для тебя моя любовь привѣтна
И вдругъ—я вижу, слышу я...

ЗАБАВА.

Ну что жъ

Ты увидалъ? Что, богатырь, подлушалъ?
Скажи, пожалуйста, не потаи:
Пусть буду знать, какихъ мнѣ думъ не думать,
Чего не дѣлать мнѣ, чтобъ Соловей
Будиміровичъ не гнѣвился грозно...

СОЛОВЕЙ.

Княжна, княжна, за что же надо мной
Ты издѣваешься? Ужели мало
Наказанъ я за то, что невзначай
Провѣдалъ о потерѣ счастья жизни?
Мнѣ душу разрываетъ скорбь, а ты...
Ты равнодушно надо мной смѣешься!

ЗАБАВА.

Да какъ же не смѣяться, Соловей
Будиміровичъ: кладъ какой богатый
Вдругъ потерялъ ты.

СОЛОВЕЙ.

Да, завѣтный кладъ:

Твою любовь.

ЗАБАВА.

Кто жъ виновать? Знать плохо
 Берегъ ты этотъ кладъ, коль въ мигъ одинъ
 Пропаль онъ отъ того, что королевичъ
 Пожалъ мнѣ руку, слово молвилъ мнѣ
 О томъ, что любить... а кого—меня ли,
 Или другую, хоть и слушалъ ты,
 Да не дослышалъ...

СОЛОВЕЙ.

И не надо было
 Мнѣ больше слышать, чтобы все понять,
 Коль этотъ безбородый королевичъ,
 Невѣдомый тебѣ еще вчера,
 Осмѣлился любовными рѣчами
 Смущать тебя, такъ, стало, въ правду онъ...

ЗАБАВА.

Такъ, стало, вправду онъ сказалъ, что въ сердцѣ
 Своемъ неволенъ былъ...

СОЛОВЕЙ.

А ты...

ЗАБАВА.

А я

Вольна въ своемъ... Ну вотъ и вся тутъ сказка,
 Не правда ль, богатырь?

СОЛОВЕЙ.

Да, сказка вся,
 Вся сказка тутъ, но присказка бываетъ
 Еще у сказки—и у этой есть!

ЗАБАВА.

Ее ты знаешь?

СОЛОВЕЙ.

Знаю, и скажу я,
Но не тебѣ.

ЗАБАВА.

Кому же?

СОЛОВЕЙ.

А тому
Смазливому мальчишкѣ, что похитилъ
Любовь Забавы у меня. Взгляну,
Каковъ-то онъ окажется въ отвѣтѣ
На вызовъ богатырскій: такъ ли онъ
Мечемъ владѣетъ, какъ лукавой рѣчью,
Смущающей столь скоро красоту.

ЗАБАВА.

Вотъ дѣло до чего дошло: грозишь ты
Своею местию юношѣ... И мнѣ,
Быть можетъ, тоже мститъ ты замышляешь?
Ну, богатырь, не знала я твой нравъ:
Теперь я буду знать... Изъ-за пустого
Ревниваго всполоха, какъ огонь
Зажегся ты... И слова не давала
Вѣдь я еще тебѣ, а ты меня
Укорами тревожишь, подозрѣньемъ.
Что жъ будетъ, богатырь, когда женой
Твоею стану я?..

СОЛОВЕЙ.

Прости, Забава
Путятишна, прости меня...

ЗАБАВА.

Нѣтъ, нѣтъ:
Ты оскорбилъ меня, обидѣлъ больно...
Когда такъ думаешь ты обо мнѣ

И о любви моей, то... Богъ съ тобою!..
 Вѣдь мы не связаны ничѣмъ... прощай!..
 Порывисто уходитъ.

СОЛОВЕЙ, бросающъ за ней.

Княжна, постой... княжна, дай молвить слово...
 Одно лишь слово... погоди... Ушла!..
 Безумецъ, что надѣлалъ я: закрылась,
 Закрылась для меня ея душа!
 Взамѣнъ любви и нѣжнаго привѣта
 Презрительный въ ней поселился гнѣвъ:
 Она меня считаетъ злымъ и грубымъ,
 И подозрительнымъ ревнивцемъ... Да,
 Я ревности не могъ сдержать порыва...
 Но кто бъ сдержалъ, когда бы онъ услышалъ
 Изъ милыхъ устъ признанье, что другой
 Свою любовь открылъ ей!..

А, я вижу
 Сюда идетъ онъ... Да проститъ мнѣ Богъ:
 Теперь заплатитъ этотъ королевичъ
 За все, чѣмъ душу возмутилъ мою!..
 Прельстительный змѣенышъ! Мнѣ противна
 На безбородомъ, женственномъ лицѣ
 Улыбка льстивая и блескъ лукавый
 Очей красивыхъ...

Входитъ Василиса.

V.

Соловей, Василиса

ВАСИЛИСА.

Здравствуй, Соловей
 Будиміровичъ.

СОЛОВЕЙ.

Здравствуй, королевичъ.

ВАСИЛИСА.

Что это, богатырь, ты будто хмурь?
До этихъ поръ мнѣ не въ примѣту было,
Чтобъ ты печалился: глядѣлъ всегда
Ты яснымъ соколомъ.

СОЛОВЕЙ.

И соколъ ясный
Порою хмурится, коль предъ собой
Онъ хитраго завидитъ ястребенка,
Что хочетъ воровски себѣ урвать,
Намѣченную соколомъ добычу.

ВАСИЛИСА.

Ты говоришь не спроста, богатырь:
И гнѣвъ, и скрытный смыслъ я примѣчаю
Въ твоихъ словахъ; но не могу понять,
За что ты гнѣвенъ, что сказать желаешь
Своимъ намекомъ:

СОЛОВЕЙ.

Недогадливъ ты,
Когда тебѣ приходится бесѣду—
Не съ женщиной—съ богатыремъ вести;
Зато догадливъ и хитеръ словами
Увѣтливыми дѣвушекъ смущать,
Приманивать ихъ чувство молодое,
Отваживать ихъ сердце отъ другихъ!

ВАСИЛИСА.

Яснѣй сказалъ ты, богатырь, а все же
Идешь путемъ окольнымъ. Свороти
На ту ль, на прямоѣзжую дорогу;
Сдается мнѣ, не заблудился ль ты.

СОЛОВЕЙ.

Нѣтъ, я не заблудился, королевичъ,
Я выйду самъ и выведу тебя

На путь прямой. При свѣтѣ Божьей правды,
Лицомъ къ лицу я стану предъ тобой
Съ мечомъ въ рукѣ и посмотрю: поможетъ
Тебѣ притворство хитрое, иль нѣтъ!

ВАСИЛИСА, съ удивленіемъ.

Какъ! ты зовешь меня...

СОЛОВЕЙ.

На поединокъ!

Не знаю я, какъ водится у васъ
Въ далекой той землѣ, отколь пришелъ ты
Съ своимъ лукавствомъ, но въ моей родной
Венеціи мечомъ рѣшаютъ споры
Изъ-за любви красавицъ...

ВАСИЛИСА.

Соловей

Будиміровичъ, вижу: скорь ты въ гнѣвѣ
И на догадки скорь... Что жъ, я не прочь
Отъ боя честнаго съ тобой, но только
Узнать бы мнѣ хотѣлося сперва:
Кто дѣвица-душа, изъ-за которой
Съ тобой мечами будемъ биться мы?

СОЛОВЕЙ, съ презрѣніемъ.

Лукавый юноша, твое притворство
Мнѣ такъ противно, что боюсь, себя
Я не сдержу... Но, чтобъ не могъ ты больше
Увертываться, я скажу тебѣ,
Что ты желаешь: за княжну Забаву
На бой тебя зову я.

ВАСИЛИСА.

За княжну?..

Ужели за княжну?.. Смѣется.

СОЛОВЕЙ.

Какъ! ты смѣешься?..

Счастливъ твой Богъ, что нѣтъ со мной меча:
Тогда не долго бы безстыднымъ смѣхомъ
Позорилъ ты...

ВАСИЛИСА.

Потише, богатырь.

И гнѣвъ безуменъ твой, и подозрѣнье
Несправедливое...

СОЛОВЕЙ.

Довольно словъ.

Поговоримъ мы на мечахъ съ зарею.
Согласенъ ты?

ВАСИЛИСА.

Согласенъ.

СОЛОВЕЙ.

Мы въ лѣсу

У Перевѣсища* сойдемся.

ВАСИЛИСА.

Ладно. Соловей уходитъ.

Какъ дѣло обернулось... Не ждала
Я этого... Ну, свѣтикъ Василиса
Микулишна, катилось колесо
Твоей игры удачливо и гладко,
Да вдругъ и зацѣпилось—вонъ за что:
На бабу зарится краса-дѣвица,
Ревнуетъ къ бабѣ богатырь!.. Смѣшно,
Какъ пораздумаешь, а выйдетъ худо,

---

* Къ югу, внѣ города, находился лѣсъ, въ которомъ ловили дикихъ звѣрей посредствомъ перевѣса сѣтей, это мѣсто называлось Перевѣсищемъ («Описание Кіева»).

Коль заплетется такъ-то... Ничего:
 Поправлю, разведу бѣду... Увидишь,
 Ставеръ Годиновичъ: умомъ жены
 Недаромъ похвалился ты предъ всѣми;
 Увидишь, князь, что похвальба Ставра
 Сказалася неложно... Мой голубчикъ!
 Въ тюрьмѣ потайной онъ сидитъ теперь,
 Да обо мнѣ тоскуетъ, чай, гадаетъ
 Печальной думой: «гдѣ она, что съ ней?..»
 Я здѣсь, я близко; подожди немного,
 Обнимешь съ любимую женой,
 Съ твоей разумной, вѣрной Василисой. Уходить.

VI.

Катерина, Чурила.

Катерина и Чурила выходятъ изъ сада и встрѣчаются въ дверяхъ палаты.

КАТЕРИНА.

Чурилушка! Вотъ радостная встрѣча,
 Нечаянная.

ЧУРИЛА.

Здравствуй. Какъ сюда
 Попала ты? Аль и тебя Бермята
 Позвалъ съ богатырями на пріемъ
 Пословъ ордынскаго царя?

КАТЕРИНА.

Ахъ, полно:
 Ты шутишь... Шла къ княжнѣ Забавѣ я,
 Да вдругъ тебя завидѣла... Голубчикъ,
 Вотъ къ случаю-то вышло... Молвлю я

Тебѣ такое—ты умрешь со смѣха:
Вѣдь мнѣ рассказывалъ Бермята самъ,
Какъ ночью видѣлъ насъ въ лѣсу...

ЧУРИЛА.

Неужто?

КАТЕРИНА.

Ей Богу, самъ рассказывалъ.

ЧУРИЛА.

Ну что жъ,
Какъ ты отъ стараго отговорила?

КАТЕРИНА.

Да надобности не было совсѣмъ
Мнѣ отговариваться: самъ старикъ смѣялся.
Онъ, видишь, принялъ такъ, что все во снѣ
Ему пригрезилось.

ЧУРИЛА, смѣется.

Быть не можетъ!..

КАТЕРИНА.

Сейчасъ вотъ умереть мнѣ... Мы съ тобой
Задаромъ всполошились... Ахъ, Чурила,
Какъ вспомнишь ночку... Ненаглядный мой! —
Дай поцѣлуемся...

ЧУРИЛА.

Да полно, что ты:
Сейчасъ придутъ богатыри и князь.
Уйди скорѣй... Прощай...

КАТЕРИНА.

Одинъ разочекъ!

Обнимаетъ и цѣлуетъ его.

Входитъ Бермята и останавливается пораженный.

VII.

Чурила, Катерина, Бермята.

БЕРМЯТА.

Ай, батюшки! Родимые! Что вижу?!.
Сонъ въ руку... Катерина!.. Богатырь!..
Да что жъ такое это...

ЧУРИЛА, тихо.

Ну, попались...

КАТЕРИНА, начинаетъ смѣяться.

Бермятушка...

БЕРМЯТА.

Безстыжая! чего жъ
Смѣешься посмѣхомъ?..

КАТЕРИНА.

Охъ, не гнѣвися,
Бермятушка: вѣдь это въ шутку мы...

БЕРМЯТА.

Какъ въ шутку?

ЧУРИЛА.

Да, бояринъ, мы хотѣли
Тебя потѣшить...

КАТЕРИНА.

Позабавить...

БЕРМЯТА.

Что?!

Какъ позабавить?..

КАТЕРИНА.

Видишь ли, какъ вышло:
 Богатырю рассказывала я
 Какой неладный сонъ тебѣ приснился:
 Что будто бѣ цѣловались мы; а ты
 Какъ разъ подходишь... Мнѣ на умъ и вспало:
 Дай я Бермятушку повеселю.
 «Чурила свѣтъ-Пленковичъ — говорю я —
 Ты не обидишься, коль я тебя
 Для виду поцѣлую: пусть Бермята
 На сонъ недавній посмѣется въявь»...
 Прости, что пошутила я безъ спроса,
 Безъ твоего...

БЕРМЯТА, успокоившись.

Вотъ такъ-то всѣ вы бабы:
 Отъ простоты сдурите, а потомъ
 И каетесь. Неладно, Катерина...
 И въ шуткѣ надо соблюдать порядокъ —
 Спросилась бы допрежде у меня:
 Тогда бы зналъ я вѣдалъ, что ты шутишь;
 А тутъ, со взгляду, мнѣ взбрело въ башку
 И невѣсть чтò... Однако: шутка шуткой,
 А дѣло дѣломъ, уходи отсель —
 Не гоже бабѣ въ княжей быть палатѣ,
 Когда приѣмъ пословъ.

КАТЕРИНА.

Да я пройду
 Къ княжнѣ Забавѣ.

БЕРМЯТА.

Ладно. Ну, ступай же:
 Вонъ и бояре и богатыри
 Сюда подходятъ.

КАТЕРИНА, Чурилѣ.

Будь здоровъ, Чурила
 Пленковичъ, да, смотри, со мной впередъ—
 Во снѣ ли, на яву ль — безъ спроса мужа
 Ты не цѣлуйся: можешь напугать
 Бермятушку... Уходить, смѣясь.

БЕРМЯТА.

Да, богатырь, вѣдь вправду
 Перепугался я, какъ увидалъ,
 Что Катеринушка моя на шею
 Къ тебѣ повисла: «ну—подумалъ—въ стадо
 Козловъ рогатыхъ кievскихъ и ты
 Попалъ, Бермятушка»... Да, слава Богу,
 Все обернулось ладно... А скажи:
 Забавница вѣдь у меня жена-то?
 Веселая, проказливая баба!..
 И какъ взбрело ей это вдругъ: возьму,
 Богатыря при мужѣ поцѣлую!..
 Поди и ты, чай, перетрусилъ, а?

ЧУРИЛА, смѣется.

Немножечко, бояринъ...

БЕРМЯТА, тоже.

Хе-хе-хе...

Ну, вонъ бояре идутъ и дружина...

VIII.

Бермята, Алеша, Чурила, Добрыня, другіе богатыри, бояре, гридни, потомъ князь и послы Калина.

Богатыри и бояре входятъ и размѣщаются на сидѣньяхъ въ палатѣ. Гридни съ топорами на плечахъ становятся у дверей и около княжаго мѣста. Трубы. Князь выходитъ изъ внутреннихъ покоевъ.

КНЯЗЬ, Бермятѣ.

Веди калиновыхъ пословъ, Бермята.

Садится на княжее мѣсто. Бермята уходитъ.

Какъ думаешь, Добрыня, басурманъ
Чего для ради къ намъ заслалъ посольство?
Пожалуй, дани-выходы отъ насъ
Затребовать намѣрень?

ДОВРЫНЯ.

Статься можетъ,

Князь-государь: ордынскій жаденъ царь.

АЛЕША.

Здорова жрать ордынская корова,
Да пусть пасется у себя въ степяхъ,
А мы отсель проводимъ шелепугой.

ДОВРЫНЯ.

Охъ, на словахъ, Алеша, ты востеръ!
Поздерживай себя: не все годится,
Что говорится, другъ.

АЛЕША.

Кто говорить,

Тотъ сѣетъ.

ДОВРЫНЯ.

Да; а кто молчитъ, Алеша,
Тотъ собираетъ. Изъ-за словъ пустыхъ
Великія бываютъ часто свары...

Входятъ Бермята, Бакланъ, Тараканъ и Турухтанъ.

БЕРМЯТА, представляетъ пословъ.

Князь-государь, ордынскаго царя
Послы передъ тобою.

КНЯЗЬ.

Радъ ихъ видѣть.

БАКЛАНЪ.

Пресвѣтлый нашъ владыка, царь Калинъ...

ТУРУХТАНЪ.

Братъ мѣсяца...

ТАРАКАНЪ.

Сынъ солнца.

АЛЕША, тихо Чурилъ.

Кумъ собаки...

БАКЛАНЪ.

Тебѣ любительный привѣтъ свой шлетъ
Черезъ насъ, мурзу Баклана...

ТУРУХТАНЪ.

Турухтана...

ТАРАКАНЪ.

И Таракана...

АЛЕША, тихо Чурилъ.

Кстати бы еще

Мурзу Болвана пристегнуть, да дома
Остался онъ: вишь, надобенъ въ Ордѣ.

БАКЛАНЪ.

И намъ, посламъ, пресвѣтлый нашъ владыка...

ТУРУХТАНЪ.

Братъ мѣсяца...

ТАРАКАНЪ.

Сынъ солнца...

АЛЕША, тихо Чурилъ.

Чорта сватъ...

БАКЛАНЪ.

Такой наказъ явить повелѣваетъ
Передъ тобою, князь: желаетъ онъ...

ТУРУХТАНЪ.

Братъ мѣсяца...

ТАРАКАНЪ.

Сынъ солнца...

АЛЕША, тихо Чурилъ.

Вѣдьмы дядя...

БАКЛАНЪ.

Княжну Забаву въ жены взять себѣ.
До слуха царскаго молва достигла,
Что дивною надѣлена красой
Сія княжна-дѣвица.

КНЯЗЬ.

Благодаренъ

Я за привѣтъ царю: ему привѣтомъ
Такимъ же отвѣчаю; а княжна
Сама намъ скажетъ по душѣ ль по сердцу

Ей вашего владыки сватовство...
 Бермята, позови сюда Забаву
 Путятишну. Бермята уходитъ.

БАКЛАНЪ.

Зачѣмъ дѣвицу звать
 И спрашивать: она царю угодна,
 Такъ дѣлу и конецъ. У насъ въ ордѣ
 Такъ водится.

КНЯЗЬ.

Ну, а у насъ обычай
 Иной, мурза: дѣвицы наши замужъ
 Идутъ по вольной-волѣ.

БАКЛАНЪ.

Ай, ай, ай.
 Нехорошо. Сѣкимъ башка за это
 Дѣвицѣ надо. Всѣ смѣются. Входятъ Забава и Бермята.

IX.

Тѣ же, Забава, Бермята.

КНЯЗЬ.

Свѣтикъ мой, Забава,
 Повыслушай меня: ордынскій царь
 Заслалъ пословъ къ намъ, сватаетъ тебя онъ.
 Ты молода, но даровалъ Господь
 Тебѣ съ красою вмѣстѣ свѣтлый разумъ,
 Такъ можешь дать сама отвѣтъ царю.

ЗАБАВА.

Князь-государь...

КНЯЗЬ.

Постой, еще я молвлю.

Есть слово: птица крыльями сильна,
 Жена красна супругомъ. Быть женою
 Властителя-царя великъ почетъ;
 Но счастье не въ почетѣ, не въ богатствѣ...

ЗАБАВА.

Князь-государь, когда бы царь Калинъ
 Не только что ордой владѣлъ своею,
 Но цѣлою вселенной и богатъ
 Былъ такъ, что могъ бы жемчугомъ усыпать
 Дорогу всю отъ Кіева въ орду,—
 Я не пошла бы за царя Калина.
 Вотъ мой отвѣтъ его посламъ.

БАКЛАНЪ.

Ай, ай,

Нехорошо отвѣтила дѣвица!
 Бѣда для князя выйдетъ изъ того
 Великая: пресвѣтлый нашъ властитель
 Пойдетъ на Кіевъ съ силою несмѣтной,
 Огнемъ его спалитъ и разоритъ,
 Пovýрубитъ богатырей-дружину
 Со княземъ вмѣстѣ, а княжну въ полонъ
 Неволей уведетъ: такъ повелѣлъ намъ
 Оповѣститъ властитель грозный нашъ...

ЗАБАВА, вдругъ вспыхнувъ.

Такъ молвите жъ вы своему царю:
 Пусть у себя въ ордѣ, въ звѣриномъ царствѣ,
 Беретъ онъ силою-неволей женъ!
 Ихъ у него — я отъ людей слыхала —
 Что куръ у кочета... Злой басурманъ,
 Какъ смѣлъ подуматъ онъ о томъ, что будетъ
 Ему женою русская княжна!

Да лучше въ омутъ мельничный я брошусь,
Чѣмъ съ идоломъ такимъ свяжу судьбу,
Будь онъ сто разъ пресвѣтлымъ сыномъ солнца
И братомъ мѣсяца!.. Князь-государь,
Гони его пословъ!.. Противно видѣть
Такихъ уродовъ: вонъ ихъ, вонъ ихъ, вонъ!

Топаютъ ногами. Общее движеніе.

З А Н А В Ъ С Ъ .

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

КАРТИНА I.

Ночь. Теремъ княжны Забавы въ саду. Высокое крыльцо съ шатровымъ верхомъ. Въ окнѣ огонь. Лунное освѣщеніе.

I.

ЗАБАВА, ИЛЬЯ, сидятъ внизу на ступеняхъ крыльца.

ИЛЬЯ.

Неладно, крестница, нехорошо
Для стараго Ильи такое дѣло:
Потемной ночью, крадучись какъ воръ,
Пришелъ къ тебѣ я. Слышала сама ты,
Съ обидой князь мнѣ положилъ запретъ
Въ его хоромы не ступать ногою...
Да что съ тобой мнѣ дѣлать, баловница;
Ты позвала и—не хотѣлъ—пришелъ.

ЗАБАВА, ласкаясь къ нему.

Спасибо, крестный...

ИЛЛЯ.

Ну, толкуй: какая
Нужда-бѣда случилась? Зачѣмъ
Занадобился старый?

ЗАБАВА.

Ахъ, голубчикъ,
Илья Ивановичъ, съ тѣхъ самыхъ поръ,
Какъ на Ставра князь опалился гнѣвомъ —
Пошло все худо.

ИЛЛЯ.

Такъ и быть должно.
Неправда-то не ходитъ одиночкой:
Впусти ее—глядишь, за нею вслѣдъ
Вошли разладъ и зло. Себя тотъ ранить,
Кто праваго винить.

ЗАБАВА.

Да для меня
Вѣдь худо-то выходитъ; чѣмъ же, крестный,
Въ неправдѣ княжьей виновата я?

ИЛЛЯ.

А что жъ такое для тебя-то худо?

ЗАБАВА.

Вотъ видишь ли, ордынскій царь Калинъ
Пословъ заслалъ меня у князя сватать.

ИЛЛЯ.

Ордынскій царь? Да онъ вѣдь басурманъ:
Такъ статочное ль дѣло, чтобъ была ты
Женою басурмана?

ЗАБАВА.

Вотъ и я,
Илья Иванычъ, такъ-то разсудила:

Калиновыхъ пословъ я прегнала,
 Да прогнала-то съ гнѣвомъ, не сдержалась;
 Толкують важно такъ о басурманѣ,
 Своемъ владыкѣ: онъ-де солнца сынъ,
 Братъ мѣсяца пресвѣтлый...

Илья.

Вишь собака!

ЗАБАВА.

Коль за него я волей не пойду,
 Такъ онъ меня въ полонъ захватить силой,
 На Кіевъ рать пошлетъ, все разорить;
 На дымъ все пустить и погубить князя...

Илья.

Ахъ, волчья сыть, ахъ, травяной мѣшокъ!
 Да я его со всей поганой ратью
 Шелыгой подорожною смахну,
 Какъ зелену траву косою косятъ!

ЗАБАВА.

Вотъ то-то, крестный, и кручиненъ князь,
 Что онъ съ тобой рассорился—боится
 Угрозы онъ ордынскаго царя,
 Коритъ меня, что я, вишь, своенравьемъ
 Безъ разума потѣшилась...

Илья.

А онъ

Знать съ разумомъ свой княжій нравъ потѣшилъ
 Надъ старикомъ Ильей, да надъ Ставромъ!
 Собаку басурманскую обидѣтъ
 Боится онъ, а вѣрныхъ слугъ обиду
 Онъ ставитъ ни во что!.. Ордынскій царь
 Еще когда придетъ съ своею ратью:

Пусть сбыточна бѣда—все жъ далека;
 А ближе къ князю есть бѣда другая:
 Послушалъ бы, что говоритъ народъ
 По Кіеву о княжеской неправдѣ;
 Не бархатомъ бы по-сердцу его
 Погладило отъ той народной молви.
 Того и жди, что чернядь-мужики,
 Да голь кабацкая поднимутъ смуту,
 Пожалуютъ во княжія палаты:
 Пускай, молъ, князь народу дастъ отвѣтъ,
 За что Илейку стараго обидѣлъ,
 За что Ставра въ желѣзы заковаль?

ЗАБАВА.

Голубчикъ крестный, помирися съ княземъ,
 Отборони его отъ этихъ бѣдъ:
 Вѣдь безъ тебя онъ пропадетъ...

ИЛЬЯ.

Постой-ка?

Аль онъ тебя наставилъ, чтобы ты
 Илью просила?

ЗАБАВА.

Нѣтъ, не онъ: сама я
 Надумала такое... скучно мнѣ
 Отъ этихъ сваръ, тревога сердце бореть...

ИЛЬЯ.

Ну, не тревожься, крестница. Пожди—
 Все сладится къ добру. Пусть князь маленько
 Одумается, страхомъ поживетъ:
 Тогда ему яснѣе будетъ видно,
 Кому обидно. Ты жъ спокойна будь:
 Придетъ бѣда—вѣрь на словѣ—не выдастъ
 Старикъ Илья... Пока—на томъ прощай:
 Пора домой.

ЗАБАВА.

Прощай, голубчикъ крестный.

Илья уходитъ. Забава провожаетъ его и возвращается.
 «Спокойна будь»... Да какъ спокойной быть,
 Коль на разладъ пошло все... Королевичъ
 Другую любить... Горько Соловей
 Будиміровичъ на меня обиженъ...
 Жаль Соловья: вѣдь любить онъ, а я
 Нехорошо съ нимъ обошлась, нечестно.
 Пускай ему не обѣщалась—все жъ
 Не разъ слова такія говорила,
 Что сердце вяжутъ съ сердцемъ...

Въ глубинѣ сцены выходитъ Василиса.

Это кто

Идетъ сюда?.. Неужто королевичъ?
 Да, онъ и есть.

II.

Забава, Василиса.

ВАСИЛИСА.

Не попеняй, княжна,
 Что въ часъ ночной тебя тревожу тайно...
 Я знаю, ты участлива ко мнѣ
 И вотъ теперь пришелъ просить участья.
 Душевное есть дѣло у меня
 И неотложное; о немъ съ тобою
 Хотѣлъ бы я поговорить, коль ты
 Позволишь выслушать.

ЗАБАВА.

Тебѣ объ этомъ

И спрашивать не надо...

ВАСИЛИСА.

Одинокъ

Я здѣсь, княжна, чужой земли пришелецъ,
Нѣтъ друга у меня, чтобъ въ немъ найти
Опору-помощь; между тѣмъ нежданно,
Негаданно лихой сыскался врагъ.

ЗАБАВА.

Врагъ у тебя? Но кто жъ онъ, королевичъ?..

ВАСИЛИСА.

Твоя любовь и красота твоя!

ЗАБАВА.

Любовь и красота моя съ тобою
Враждуютъ?

ВАСИЛИСА.

Да: за эту ли любовь,
За эту ль красоту, княжна Забава,
На смертный бой я нынѣ позванъ.

ЗАБАВА.

Кѣмъ?

Ужели Соловьемъ?..

ВАСИЛИСА.

Ты отгадала;
Изъ-за тебя на утро бьемся мы...

ЗАБАВА.

Изъ-за меня... Да онъ ума рѣшился!..

ВАСИЛИСА.

Прости, княжна—онъ любовь твоей душѣ—
Но прямо я скажу: и мнѣ сдается,
Что ты права. Когда бы онъ совѣтъ

Держалъ съ разсудкомъ—на такое дѣло,
Навѣрно, не пошелъ бы: курамъ смѣхъ
Богатырю сражаться боемъ съ бабой!

ЗАБАВА, въ удивленіи.

Какъ, королевичъ?.. Что ты говоришь?
Я не могу понять... Иль шутишь шутку?..

ВАСИЛИСА.

Дивишься ты, княжна?.. Вглядишь въ меня:
Ужель тебѣ не за догадку—кто я?
Вѣдь я не королевичъ, не мужчина,—
Я женщина: передъ тобой жена
Ставра боярина...

ЗАБАВА.

Ты... Василиса
Микулишна?.. Да нѣтъ, не можетъ быть!..
Смѣешься ты... Или во снѣ все это
Мнѣ грезится...

ВАСИЛИСА.

Нѣтъ, то не сонъ, а явь:
Не сонъ, что Ставръ въ темницу брошенъ княземъ,
Что надо выручить оттоль Ставра.
Когда бъ то было сномъ—душѣ бы легче,
Голубушка княжна, а на яву
То дѣло тяжело...

ЗАБАВА.

Ахъ, Василиса
Микулишна—ужели это ты?..
Да какъ признать тебя? Вотъ, право, чудо!
Такъ это ты для мужа своего
Назвалась королевичемъ!.. Понятно
Теперь мнѣ все...

ВАСИЛИСА.

Повѣрила тебѣ
Я тайну—ты меня, княжна, не выдашь?

ЗАБАВА.

Какъ можно—что ты!.. Да постой же, дай
Въ тебя всмотрѣться...

Выводить ее на лунный свѣтъ, обнимаетъ и смотритъ ей въ лицо.

Нѣтъ, ты королевичъ,
Молодчикъ ты, ей Богу! Не скажи,
Не объявись передо мною—право,
Мнѣ ни за что бы не признать, что ты
Не богатырь, а женщина: мечтала
Вѣдь я о томъ, что суженый ты мой!
Вотъ смѣхъ-то... Смѣется; Василиса—тоже.

ВАСИЛИСА.

Да; а чуть не вышло горе
Великое изъ смѣха.

ЗАБАВА.

Для кого?

ВАСИЛИСА.

А для того, кто за любовь Забавы
Путятишны готовъ поставить жизнь
Въ игръ опасной.

ЗАБАВА.

Ты про Соловья
Толкуешь?..

ВАСИЛИСА.

Да.

ЗАБАВА.

Голубка Василиса
Микулишна, объ этомъ не тревожься:

Пустое онъ затѣялъ... Соловью
 За гнѣвъ его, за вызовъ безразсудный
 Я отплачу: забудетъ богатырь
 Грозить и женщинъ звать на поединокъ!
 Вотъ погоди—не ты пойдешь съ нимъ въ бой,
 А я: повѣрь, грознѣй меча словами
 Насмѣшливыми я смирю его...

ВАСИЛИСА.

Ты говоришь, какъ будто не жалѣешь
 Богатыря... Вѣдь любишь ты его—
 Отвѣть, княжна, по истинѣ-по-правдѣ.

ЗАБАВА.

По истинѣ отвѣтить?.. Ну—люблю,
 Давно люблю, голубка Василиса
 Микулишна...

ВАСИЛИСА, смѣется.

А какже ты меня
 За суженаго приняла?

ЗАБАВА, смѣется.

Ахъ, все-то
 Изъ своенравья... Да и ты къ тому жъ
 Красавчикомъ такимъ мнѣ показалась,
 Что, право... За сценой звуки лютни.

Тише!.. Слышишь?.. это онъ...

ГОЛОСЪ СОЛОВЬЯ, за сценой.

Тихо, тихо все въ твоемъ саду,
 Свѣтитъ мѣсяцъ въ твой узорный теремъ;
 Я пришелъ къ его замкнутымъ дверямъ,
 Я зову тебя, мой другъ... я жду!..

* *
 * *

У рѣзного покажись крыльца,
 Не томи тоскою ожиданья:
 Дай увидѣть милыхъ глазъ сіянье,
 Наглядѣться на красу лица...

ЗАБАВА.

Голубка Василиса, онъ сейчасъ
 Придетъ сюда... Схоронимся...
 Уходить въ глубину сада за деревья. Входитъ Соловей съ
 лютней.

III.

Соловей, Забава, Василиса.

СОЛОВЕЙ, осматриваясь.

Напрасно

И пѣснь, и струны прозвучали: нѣтъ
 Имъ отзыва... Огонь въ окнѣ теремномъ:
 Она не спитъ... Жестокая княжна!
 Ты, видно, гнѣвъ все держишь въ гордомъ сердцѣ:
 И какъ бывало, на призывѣ любви
 Не хочешь выйти... Если бы ты знала,
 Что можетъ быть въ послѣдній разъ къ тебѣ
 Я прихожу... Кто скажетъ: что съ зарею
 Рѣшить судьба?.. Садится на ступени крыльца.

О, какъ несчастенъ я!..

Уже ль тебя я нынче не увижу?
 Ужели не мелькнетъ хоть на мгновенье,
 Хоть за цвѣтнымъ узорчатымъ окномъ,
 Твой милый ликъ?.. Нѣтъ, ничего не видно...

Прислушиваясь.

Что это?.. Говорь, шумъ шаговъ... Она!..
 И съ нею... Боже! съ нею королевичъ...

Скрывается за кусты. Выходятъ Забава и Василиса.

ЗАБАВА, тихо.

Тебѣ нарочно стану говорить:
Ты отвѣчай со мной въ согласье.

ВАСИЛИСА.

Ладно.

ЗАБАВА, громко.

Ахъ, королевичъ, вѣрь мнѣ: никого
Я не любила... Ты подозрѣваешь
Меня напрасно. Клятвою клянусь,
Что Соловей Будимировичъ не былъ
Мнѣ по сердцу: строптивъ онъ, нравомъ крутъ,
Ревнивъ и скоръ въ несправедливомъ гнѣвѣ...
Любить его... Спасибо! Съ нимъ бѣда:
Чуть взглянешь на кого, съ кѣмъ молвишь слово—
Отъ ревности, какъ полымя тотчасъ,
Онъ загорается, теряетъ разумъ:
Не то, что въ смертный бой съ богатыремъ
Готовъ идти—бросается на бабу
Съ мечомъ онъ супротивъ веретена!..
Вотъ онъ каковъ.

ВАСИЛИСА.

Что жъ, коль горячъ душой,
Чай и полюбить горячо.

ЗАБАВА.

Не нужно
Такой любви мнѣ. Онъ всегда 'меня
Пугаль строптивымъ нравомъ. О любви я
Словечка съ нимъ не молвила...

СОЛОВЕЙ, тихо.

Душа

Лукавая!..

ЗАБАВА, оглядываясь.

Что это будто

Тамъ, за кустами каркнула ворона?
Ты не слыхалъ?

ВАСИЛИСА.

Нѣтъ, не слыхалъ, княжна.

ЗАБАВА.

Должно быть, мнѣ почудилось... И можно ль
Любить кого-нибудь, когда тебя
Узнаешь, милый свѣтъ мой королевичъ?
Ахъ, съ той поры, какъ увидала я
Твои глаза, услышала твой голосъ—
Одна мечта въ моей душѣ, одно
Желаніе: съ тобою, ненаглядный,
Жизнь проводить и цѣловать тебя
Вотъ такъ! Вотъ такъ!.. Звонко цѣлуешь Василису.

СОЛОВЕЙ, порывисто бросается къ
нимъ.

Спѣши, княжна Забава,

Нацѣловаться дольше въ эту ночь
Съ любимымъ королевичемъ: на утро—
Коль острый мой не промахнется мечъ—
Твоимъ онъ поцѣлуямъ не отвѣтитъ!..

ЗАБАВА, Василисѣ.

Ну вотъ, не правду ли я говорила:
Теперь сама ты видишь, Василиса
Микулишна, каковъ нашъ Соловей
Будимировичъ: онъ съ мечомъ на женщинъ
Всегда готовъ пойти...

СОЛОВЕЙ.

Какъ ты, княжна,
Промолвила?.. Какъ назвала его ты?..

ЗАБАВА.

По имени, какъ попъ ее крестилъ:
 Я назвала—ты слышалъ—Василисой
 Микулишной... Что, грозный богатырь,
 Глядишь? Опѣшилъ: аль ума лишился?
 Чтò, бабій поединщикъ—гдѣ жъ твой мечъ?
 Чтò, злой ревнивецъ—гдѣ твои укору?..
 Попался ты, ну точно во щи курь!
 Покатывается со смѣху. Василиса тоже смѣется. Соловей стоитъ,
 пораженный изумленіемъ. Нѣмая сцена.

ЗАНАВѢСЬ.

КАРТИНА II.

Декорація третьяго дѣйствія.

I.

Василиса, Забава, Соловей. Выходятъ изъ сада.

ВАСИЛИСА.

Теперь душой я осмѣлѣла; вѣрю,
 Что мнѣ удастся дѣло: ты, княжна,
 И Соловей Будиміровичъ—помощь
 Надежная...

ЗАБАВА, шутя.

Надѣйся, Василиса
 Микулишна, ты только на меня,
 А на богатыря плоха надежда:
 Опять, пожалуй, приревнуетъ онъ,
 Да и пойдетъ грозить мечомъ... Смѣется.

СОЛОВЕЙ.

Забава

Путятишна, — помилуй, пощади:
 Вѣдь ужъ довольно я тобой наказанъ:
 Потѣшилась ты вволю надо мной
 Въ ту ночь, когда...

ЗАБАВА.

Когда со мной проститься
 Пришелъ ты передъ грознымъ боемъ... съ бабой?..
 Охъ, вспомнить я безъ смѣха не могу,
 Какъ ты вскочилъ изъ-за куста, увидѣвъ,
 Что съ Василисою цѣлуюсь я...
 Ну просто кочетъ — вотъ когда примѣтитъ
 Онъ кочета другого среди куръ —
 Ей-Богу: вылетѣлъ, руками машешь;
 Я думала: сейчасъ ку-ку-ре-ку
 Ты закричишь... Смѣется.

СОЛОВЕЙ.

Насмѣшница!.. Когда бы
 Меня любила ты, какъ я тебя,
 Не стала бы ты этакъ издѣваться.

ЗАБАВА.

Ну вотъ, голубка Василиса, видишь:
 Того и жди, разнѣвается вновь.

ВАСИЛИСА.

Да полно не шути, княжна Забава,
 Не мучь богатыря.

ЗАБАВА, смѣется.

Охъ, не могу!
 Когда же и помучить?.. Какъ добьется
 Онъ своего и сдѣлается мужемъ,

Такъ волю самъ возьметъ. Ну, а пока
Моя пора: пляши, что заиграю
На дудочкѣ...

СОЛОВЕЙ, заглянувъ къ дверямъ въ
покои князя.

Съ богатырями князь...

ЗАБАВА.

А что какъ, Василисушка, вдругъ выдамъ
Тебя я передъ княземъ: разсмѣюсь?

ВАСИЛИСА.

Ужъ Бога ради поддержишь, Забава
Путятишна: игру не порти мнѣ,
Веди ее, какъ мы уговорились...

ЗАБАВА.

Голубушка, не бойся: я шучу... Входятъ князь и богатыри.

II.

Забава, Соловей, Василиса, Князь, Добрыня, Алеша, Чурила,
Бермята, другіе богатыри.

КНЯЗЬ.

Ну вотъ, Забавушка,—не для укора
Сказать тебѣ—накликала бѣду
На Кіевъ ты: вѣдь царь ордынскій съ силой
Великою идетъ—намъ вѣсть о томъ
Доставили гонцы.

ЗАБАВА.

Голубчикъ дядя,
Чтò говоришь ты? Неужели рать
Поганаго ордынца недалеко?..

Вотъ лютая напасть!.. И все-то, все
 Изъ-за меня... несчастная я, право,
 Совсѣмъ несчастная... Ахъ, лучше бѣ мнѣ
 Быть чучелой!..

КНЯЗЬ.

Забавушка, помилуй:
 Зачѣмъ тебѣ быть чучелой?

ЗАБАВА.

Тогда

Я не прельстила бы своей красою
 Проклятаго Калина... Что жъ теперь,
 Князь-государь, надумалъ ты? Что дѣлать
 Въ бѣдѣ-напасти?

КНЯЗЬ.

Я держалъ совѣтъ
 Съ богатырями; молвили всѣ въ голосъ:
 Не справиться съ ордынцемъ безъ Ильи.

ЗАБАВА.

Такъ что жъ, голубчикъ дядя, помирися
 Съ Ильей Ивановичемъ, поклонись ему...
 Да помирись скорѣе, не промедли.

КНЯЗЬ.

Забавушка, до промедленья ль тутъ!
 Пыталъ ужъ я мириться, засылалъ я
 Алешу и Добрыню: съ ними даже
 И говорить старикъ не захотѣлъ.
 А самъ гнѣвливое промолвилъ слово:
 «Съ покоромъ князь меня прогналъ, такъ пусть
 И ратуеть съ ордынскою собакой
 Безъ стараго Ильи». Съ тѣмъ и ушли
 Алеша и Добрыня... Что мнѣ дѣлать—
 Ума не приложу...

ВАСИЛИСА.

Когда тебѣ то будетъ за угодую —
Я помогу въ бѣдѣ: богатыря
Илью Ивановича помирю съ тобою.

КНЯЗЬ.

Да что ты говоришь? Не шутишь ты?
Добрынюшка просилъ — онъ не послушалъ,
Такъ какъ же, королевичъ, онъ тебя
Послушаетъ? Какъ ты обладашь дѣло?

ВАСИЛИСА.

Облажу, будь спокоенъ, государь:
Не впусти слово говорю — облажу,
Коль ты позволишь мнѣ.

КНЯЗЬ.

Да если ты
Окажешь, королевичъ, намъ такую
Великую услугу — я тебя
Почту наградою, какой захочешь.

ВАСИЛИСА.

Награду, князь, я попрошу одну,
Завѣтную, безцѣнную награду:
Отдай княжну Забаву за меня!

КНЯЗЬ.

Вотъ слово по сердцу мнѣ, королевичъ:
Твое желаніе сошлось съ моимъ!..
Забавушка, ты слышала?.. Что скажешь?
И спрашивать не надо: твой отвѣтъ
Заранѣи знаю — рада всей душою.

ЗАБАВА.

Князь-государь, шутить изволишь ты...

КНЯЗЬ.

Какъ?.. Что съ тобой?.. Ужели не согласна?

ЗАБАВА.

Не погнѣвись, я молвила бы: да,
Когда бы королевичъ могъ быть мужемъ;
Теперь же я отвѣчу прямо: нѣтъ...

КНЯЗЬ.

Да ты въ умѣ ли въ разумѣ, помилуй?
Что на тебя нашло? Вѣдь не сама ли
Ты ахала-вздыхала: «нѣтъ на свѣтѣ
Василья королевича милѣй?»

ЗАБАВА.

Я и теперь скажу, что онъ красавчикъ.
Милѣй не то что всѣхъ богатырей,
Но даже красныхъ дѣвушекъ пригожѣй,
Да въ томъ-то, князь, и горюшко-обида!..

КНЯЗЬ.

Какая же обида? Богъ съ тобой,
Племянница: ума не приложу я,
Что ты такое путаешь?

ВАСИЛИСА.

Княжна,

Смущенъ и я твоей загадкой-рѣчью:
Не мучай сердце—разгадай ее!
Тебѣ я нелюбъ, ты меня не хочешь—
Такъ прямо выскажи; но для чего жъ
Ты издѣваешься?

ЗАБАВА.

Не ты ли, полно,
Глумишься-издѣваешься надъ княземъ
И надо мною?..

ВАСИЛИСА.

Я глумлюсь, княжна?

ЗАБАВА.

Да—ты!.. князю.

Открой глаза, поприглядись-ка

Князь-государь. Указываетъ на Василису.

Ну видывалъ ли гдѣ

Ты этакихъ богатырей смазливыхъ

Съ такимъ румянцемъ алымъ на щекахъ,

Съ походочкою частой, съ ручкой бѣлой,

Да съ грудью лебединою?.. Иль ты

Меня отдать за женщину надумалъ?

КНЯЗЬ.

За женщину!.. Да ты сдурѣла впрямь,

Забавушка!.. Смѣется.

ВАСИЛИСА, смѣется.

Я женщина?!.. Ну шутку

Ты выдумала-молвила, княжна...

БЕРМЯТА.

Ужъ точно: вотъ потѣшила, Забава

Путятишна... Добрынюшка, гляди:

Мы королевичемъ признали бабу!..

Охъ, батюшки, со смѣху лопну я...

Хохочетъ. Другіе богатыри тоже смѣются.

АЛЕША.

А я скажу—коль князь позволить слово—

Бываетъ часто шутка дѣлу въ ладъ:

Лицомъ и статью королевичъ точно

На дѣвицу, на красную похожъ,

А богатырской ловкости да силы

Мы что-то не видали отъ него;

Поиспытать молодчика бы надо:
Тогда увидимъ, обернется кѣмъ—
Богатыремъ, аль бабой.

ВАСИЛИСА.

Что жъ, Алеша.

Совѣтъ ты умный даль, и я не прочь
Помѣряться и ловкостью, и силой,
Хотя бы и съ тобой самимъ, поповичъ.
Не хочешь ли потѣшиться борьбою?
Какъ поперегъ хребта хвачу тебя,—
Авось тогда меня не будешь сватать
Другимъ, какъ дѣвку красную, и самъ
Не выберешь себѣ охотой въ жены:
Неласково, моль, гладить по спинѣ! Смѣется.

КНЯЗЬ, тоже смѣется.

Ну, что, Алешенька, отвѣтъ не бабій
Ты выслушалъ?.. Схватись-ка, покажи
Намъ силу богатырскую... Добрыня,
Какъ думаешь: дозволить имъ борьбу?

ДОВРЫНЯ.

Князь-государь, по мнѣ бы лучше было
Василья королевича въ стрѣльбѣ
Поиспытать: припомнилъ я, намедни
Хвалился онъ: «ужъ яль-де не стрѣлокъ
Изъ лука изъ тугова...»

ВАСИЛИСА.

Это правда,

Князь-государь, скажу я и сейчасъ:
Едва ли кто меня перестрѣляетъ.

АЛЕША.

Хвалилась баба, идучи на рать,
Да воротилась...

КНЯЗЬ.

Поуймись, Алеша...

Увидимъ—испытаемъ мы, кто правъ
И въ похвальбѣ, и въ богатырскомъ дѣлѣ.
Ну, королевичъ: гдѣ жъ твой лукъ тугой
И стрѣлы каленныя?..

ВАСИЛИСА.

То-то горе,

Князь-государь: большого моего
Со мною лука нѣтъ, а въ путь-дорогу
Лучишко захватилъ я кой-какой
Завозной, волокитной... Ну да все же
И съ нимъ исправлюсь.

Обращается къ одному изъ гридней, стоящихъ у дверей.

Принести мой лукъ. Гридня уходить.

ЗАБАВА.

Не лучше ли бы принести иголку,
Иль съ прялкою веретено?..

ВАСИЛИСА.

Княжна,

Смѣешься ты обидно надо мною,
Да ничего, Богъ милостивъ: когда
Увидишь богатырскую удачу,
Авось считать меня не будешь бабой
И за меня пойдешь.

ЗАБАВА.

Тогда пойду:

На томъ даю тебѣ предъ всѣми слово

ВАСИЛИСА.

Попомни жъ, что сказала...

Гридня приносить лукъ и колчанъ.

Вотъ мой лукъ.

По виду онъ, богатыри, не ладенъ
И не казистъ лучишко, а тугонекъ...

АЛЕША.

Дай, покажи-ка. Беретъ лукъ и пробуетъ натянуть.

КНЯЗЬ.

Что, Алеша, какъ?

АЛЕША.

Да такъ, князь-государь, что надорвешься,
А не дотянешь тетиву—ой-ой! Передаетъ лукъ Чурилѣ.
Возьми-ка попытайся ты, Чурила.

Чурила беретъ лукъ, натягиваетъ.

АЛЕША, смѣясь надъ его усиліями.

Что, видно дѣло-то не такъ легко,
Не такъ приклончиво, какъ бабьи ласки?..

ЧУРИЛА.

И въ половину-мѣру крѣпкій рогъ
Не стянeshъ въ разъ: поотдохнешь, да крякнешь.

БЕРМЯТА.

Эхъ, посмотрѣть на васъ, на молодыхъ:
Богатыри вы нынче стали—горе!..
Подай-ка мнѣ. Бермята вамъ, старикъ,
Покажетъ всеѣмъ, что съ разумомъ великимъ
И силушка великая въ ладу!

Пробуетъ натянуть лукъ просто; потомъ упирается о колѣно и
тянетъ обѣими руками. Тетива срывается, Бермята, падаетъ, ро-
няя лукъ.

Охъ, батюшки родимые, не буду!.. Все смѣются.

АЛЕША.

Что, богатырь, далъ молодымъ примѣръ:
Хлеснуло тетивою-то?...

БЕРМЯТА, встаетъ.

По чреву,
Алешенька, по чреву... больно, ой!..
Какъ плеткою ожгло...

КНЯЗЬ, смѣется.

Ну, ну, до свадьбы,
Чай, заживетъ, Бермята... Поглядимъ,
У королевича Василья дѣло
Ладнѣе ли поидетъ. Василисѣ.

Лучишко твой

Тугонекъ для другихъ: инъ, покажи-ка,
Какъ съ нимъ справляется хозяинъ самъ.

ВАСИЛИСА.

А вотъ какъ.

Подходитъ къ открытой аркѣ въ садъ и указываетъ наверхъ.

Князь, богатыри: въ примѣту
Вамъ птица-ястребъ, что ширяетъ тамъ,
Высоко въ небѣ!.. Ну, теперь смотрите.

Быстро натягиваетъ лукъ и спускаетъ стрѣлу. Всѣ слѣдятъ за
ея полетомъ.

БЕРМЯТА.

Дастъ маху... Свѣтики мои—попалъ!..
Внизъ камнемъ ястребъ...

ВСѢ.

Ай-да королевичъ!

ДОВРЫНЯ.

Вотъ такъ стрѣлокъ!..

СОЛОВЕЙ.

Не цѣлился почти...

КНЯЗЬ, Алешѣ.

Не знаю, какъ, Алеша, ты, а я
 Не видывалъ, чтобъ такъ стрѣляли бабы!
 Пожалуй, даже и богатырей
 Немного этакихъ отыщешь—такъ ли?

АЛЕША.

Не буду спорить, государь...

КНЯЗЬ, Забавѣ.

А ты,
 Забавушка,—ты все ли будешь спорить?
 Все ль, неразумная головка, въ немъ
 Дѣвицу, а не суженаго видишь?..

За сценой отдаленный шумъ.

Что тамъ шумятъ?... Бермятушка, сходи,
 Узнай, пожалуйста... Бермята уходитъ.

Такъ какъ же: замужъ

За королевича не хочешь, а?

ЗАБАВА.

Нѣтъ, государь, теперь хочу...

КНЯЗЬ.

Вотъ то-то!..

Ужъ какже радъ я, какъ доволенъ я:
 Вѣдь эта мысль—васъ поженить—запала
 Мнѣ на душу, какъ только увидалъ
 Я королевича-то... Василисѣ.

Ну, Василій

Свѣтъ Егмануйловичъ, сослужишь службу
 Мнѣ вѣрную—съ Ильею помиришь—

И свадьбу мы веселую сыграемъ,
Откладывать не будемъ...

За сценой снова шумъ. Бермята вбѣгаетъ въ тревогѣ.

БЕРМЯТА.

Схоронись,
Князь-государь, скорѣй... уйди....

КНЯЗЬ.

Да что тамъ
Случилось? Изъ-за чего всполохъ?...

БЕРМЯТА.

Бѣда, князь-государь... бунтуетъ голь
Кабацкая... Стѣною ломить... Стражу,
Того гляди, сомнетъ... Кричатъ: «гдѣ князь?»...
Вонъ слышишь... слышишь...

ГОЛОСА, за сценой.

— Князя подавай!..

— Хотимъ мы видѣть князя для опроса!..

— Все разнесемъ, коль князь не выйдетъ къ намъ!...

КНЯЗЬ, потерявшись.

Богатыри... что дѣлать?... Выйти надо
Къ народу-черняди...

ДОВРЫНЯ.

Не гоже, князь,
Тебѣ являть передъ безчиннымъ сбродомъ
Свое лицо... опасно... Прикажи
Кому-нибудь изъ насъ, мужей дружинныхъ:
Мы поуймемъ народъ... А ты уйди...

ЗАБАВА.

Уйди, голубчикъ дядя... Не противься...

ВАСИЛИСА.

Князь-государь, позволишь мнѣ—съ народомъ
Поговорю я, бунтъ его уйму.

КНЯЗЬ.

Боюсь, не справишься ты, королевичъ:
Ты молоденецъ, а народъ вѣдь звѣрь,
Какъ разойдется...

ВАСИЛИСА.

Государь, не бойся:
Я звѣря мигомъ на цѣпь привяжу...

КНЯЗЬ.

Ну, ну... спасибо... ладно... попытайся..
Пойдемъ, Забавушка... Богатыри, со мной
Вы будете: коль честью-уговоромъ
Народъ не стихнетъ—съ силой выйдемъ мы..
Торопливо уходить. Всѣ слѣдуютъ за нимъ, за исключеніемъ
Василисы. На сцену врывается кабацкая голь.

III.

Василиса, кабацкая голь.

ГОЛОСА.

Гдѣ князь!—Охота князя видѣть намъ.
— И допросить...

ВАСИЛИСА, останавливая ихъ.

Назадъ!.. Что вы орете!
Здѣсь не кабакъ.

ПЕРВЫЙ.

Ты что-за соколъ, а?
Отколь взялся?

ВТОРОЙ.

Не соколь—воробейчикъ:
Глядите-ка, ребята...

ОСТАЛЬНЫЕ, смѣются.

— Хо-хо-хо!...

— Чиликаетъ...

ВТОРОЙ, подходитъ къ Василисѣ и
махаетъ на нее шутя рукой.

Кышъ-кышъ, пичуга!..

Спугнись—лети.

ВАСИЛИСА.

Коли задумалъ ты
Быть огороднымъ пугаломъ—стой смирно,
Впередъ не суйся! Толкаетъ его такъ, что тотъ падаетъ.

ВЪ ТОЛПѢ, хохочуть.

— Вотъ такъ ловко, братъ!

— Ай да воробушекъ!—Не изъ пугливыхъ!

— И съ коготкомъ!..

ВАСИЛИСА.

Зачѣмъ безчинно вы
Сюда вломились въ княжія хоромы?
Зачѣмъ пришли?

ГОЛОСА.

— Пришли не за тобою!

— За княземъ!—Князя подавай!

ВАСИЛИСА.

Чего жъ

Хотите вы...

ГОЛОСА.

— А ты что-за допросчикъ?

ПЕРВЫЙ.

Мы, можетъ, головы твоей хотимъ.

ГОЛОСА.

— Да головы твоей!—Подай ее намъ!

Наступаютъ на нее.

ВАСИЛИСА.

Когда бы на плечахъ у васъ была
Такая голова, какъ у меня-то—
Вы не орали бы безъ толку, дурни.

ГОЛОСА.

— Вотъ складно молвилъ, братцы. Ха-ха-ха...

— Да ты потѣшникъ.—Да отколь у князя
Ты объявился—кто таковъ?

ВАСИЛИСА.

Посоль

Я княжескій. По княжьему наказу
Къ богатырю Ильѣ иду сейчасъ.

ГОЛОСА.

— Что засылать пословъ.—Пущай онъ самъ-отъ
Отвѣтъ даетъ! за что Илью обидѣлъ?

ПЕРВЫЙ.

За что въ оковы заковалъ Ставра?

ГОЛОСА.

— Пущай даетъ отвѣтъ.

— Пущай въ неправдѣ кается своей
Передъ Ильею онъ...

ВАСИЛИСА.

Да стойте, братцы!
Вѣдь князь меня къ богатырю Ильѣ
Съ повинной шлетъ въ своихъ обидахъ...

ГОЛОСА.

— Ой ли?

— Съ повинной шлетъ?

ВАСИЛИСА.

Въ томъ клятвой вамъ клянуся.

ПЕРВЫЙ.

А коли такъ, ребяташки,—вали
Къ Илеюшкѣ съ посломъ-то княжьимъ вмѣстѣ!

ГОЛОСА.

— Съ молодчикомъ!—Съ воробушкомъ!—Вали!

— Увидимъ тамъ—Илья свой судъ положить!

— Бери воробушка на плечи!—Такъ!

— Тащи!—Вали!

Поднимаютъ Василису на руки и шумно уходятъ.

З А Н А В Ъ С Ъ .

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

КАРТИНА I*.

Берегъ Днѣпра. Въ глубинѣ сцены кабакъ. Направо, на первомъ планѣ, распряженная телѣга; около нея нѣсколько бревенъ. Налѣво группа деревьевъ.

I.

Кабацкая голь.

Сидятъ на телѣгѣ и на бревнахъ.

МОЛОДОЙ.

Не все боярамъ да гостямъ торговымъ
Роскошествовать въ Кіевѣ: придетъ
Житье для насъ, для голюшекъ...

СТАРЫЙ.

Охъ, парень,

Одно житье-то наше наготье,
Да босотье—должно не быть другому

---

* Эта картина, при постановкѣ пьесы на сценѣ, можетъ быть выпускаема.

Во вѣкъ-вѣковъ... Вишь, родила насъ мама,
 Да не примаеть яма; ни угла
 Нѣтъ, ни притулья; бьемся, а съ сумою
 Не разминемся...

молодой.

Заскулилъ, старикъ,
 На печкѣ сидя, ничего не видя...
 А что ты скажешь, какъ заутро будетъ
 Илья Иванычъ княземъ княжить?

старый.

Гдѣ?

молодой.

Да здѣсь же, въ Кіевѣ... А мы, вишь,
 Надъ всѣми будемъ набольши.

старый.

Эхъ, другъ,
 Неладно брешешь...

молодой.

Да чего брехать мнѣ,
 Коль самъ Илья Иванычъ говорилъ.

старый.

Илья Иванычъ—ой ли?

голоса.

— Вѣрно, дядя,
 Толкуеть онъ.—Не вретъ.

старый.

А кто слыхалъ?

ГОЛОСА.

Слыхать мы не слышали сами.—Міръ
Такъ сказывается.

МОЛОДОЙ.

Князь Илью обидѣлъ,
Такъ богатырь и порѣшилъ-де такъ:
Идти съ народомъ, въ княжія хоромы
Стрѣлять стрѣлой, да маковки побить
Позолочены съ кровель златоверхихъ
И заоднешенько намъ съ имъ, богатыремъ,
Тѣ маковки пропить...

СТАРЫЙ.

Ой, любо дѣло!

Да только, други вы мои, оно
Несбыточно: у князя вѣдь дружина.

ГОЛОСА.

Такъ что дружина!—Эва! Да Илья
Иванычъ справится одинъ съ дружиной!

МОЛОДОЙ.

А коль народомъ, міромъ понапрямъ
Съ богатыремъ-то—разнесемъ на щепки
Мы княжія палаты!

ГОЛОСА.

— Разнесемъ!

Ей Богу жъ, разнесемъ, ребята!—Что тутъ
Смотрѣть на князя! онъ богатырей
Не чтитъ по чести.—Зѣ-што онъ обидѣлъ
Илью Иваныча?

СТАРЫЙ.

Эхъ, други, да вѣдь князь
Надъ всякимъ властенъ человѣкомъ: сила!

ГОЛОСА.

— Обидѣть властенъ—нѣтъ, ты не моги
 Такое слово молвить.—Князь—такъ правду
 Онъ соблюдай, да честь, самъ отъ обидь
 Оберегай!—Илеюшку не трогай!
 — Мы за богатыря пойдѣмъ стѣной,
 — Мы погуляемъ за его здоровье,
 Какъ обдеремъ верхи-те у палатъ
 У княженецкихъ!... Выходятъ Куликъ и Ключка.

II.

Куликъ, Ключка.

КУЛИКЪ, подходя съ Ключкой.

Что-за шумъ, ребята,
 А драки нѣтъ?.. Примите въ споръ меня.

МОЛОДОЙ, смѣется.

Поставь намъ Ключку на закладъ, такъ примемъ.

Обнимаетъ Ключку и поетъ.

Охъ, ты Ключечка,
 Радость-душечка...

КУЛИКЪ, отстраняя его.

Ты, парень, дѣвку не замай, не трожь...

МОЛОДОЙ.

А пошто такъ? Не заповѣдна дѣвка:
 Про всѣхъ гуляетъ...

КУЛИКЪ.

Говорю: оставь!

МОЛОДОЙ, передразниваетъ.

«Оставь! не трожь!...» Отколь взялся хозяинъ
Добра кабацкаго?..

КУЛИКЪ.

Ты не бойчи!

Не лѣзь съ нахрапу, парень... ты сначала
Узнай-развѣдай: какова она
Свѣтъ-Клюшечка...

МОЛОДОЙ.

Что знать мнѣ? Знаемъ Оеклу
По рылу мокро... Голи смѣются.

КЛЮШКА.

Ну чего, чего
Гогочете... Кулику.

А ты что сталъ, розиня:
Не слышишь—Клюшку обижаютъ...

КУЛИКЪ.

Кто?

Кто обижаетъ?..: Наступаетъ на молодого.

Я, братъ, такъ нагрѣю
За Клюшку-то!..

МОЛОДОЙ.

Чево?

КУЛИКЪ.

А вотъ тово:
Не обижай, моль, дѣвку.

МОЛОДОЙ.

Да поди ты
И съ нею къ лѣшему! Ну что присталъ.

КУЛИКЪ.

Нѣтъ, стой, братъ: нѣтъ!..

МОЛОДОЙ.

Что нѣтъ? Не гнѣдь я,—ты вотъ
Соврасъ маленечко...

КЛЮШКА, Кулику.

Да что ты съ имъ
Толкуешь-то: хватилъ бы да и все тутъ!

МОЛОДОЙ.

А ну—хвати-ка?

КУЛИКЪ.

Я хвачу! Небось,
Не заробѣю.

МОЛОДОЙ.

Слыхивалъ: не робки
Отрепки, не боятся лоскутковъ!..

одни изъ толпы, Кулику.

— Ну, ну, Куликъ,—валяй!—Коль пошатнешься—
Мы подопремъ.

ДРУГІЕ, Молодому.

— Не отступай, молодчикъ!

— Дай смаху-то ему?—Вотъ такъ?—Ай-любо!..

Куликъ и Молодой схватываются; къ нимъ присоединяются прочіе;
общая свалка.

ГОЛОСА.

— Бей, валяй своихъ—
Боятся станутъ и чужіе!..

СТАРЫЙ, разнимая дерущихся.

Други,

Да что вы это? Господи помилуй,

Изъ-за чего?.. Пойдите, дайте мнѣ
Вамъ слово вымолвить...

ГОЛОСА.

— Пожди, ребята!

— Остановись.—Послушаемъ: старикъ
Что скажетъ... Драка прекращается.

— Ну, какое слово

Есть у тебя—давай...

СТАРЫЙ.

А дурни вы,

Вотъ вамъ и слово все... Чѣмъ уськать парней
Да драку зря заваривать—рядкомъ
Въ кабакъ бы ихъ: пусть выпьютъ мировую,
Да и народъ-отъ угостятъ... Гдѣ ладъ,
Тамъ, други, кладъ, а драка что за прибыль?
Въ ей умолоту нѣтъ...

ГОЛОСА.

— Умно старикъ

Надумалъ.—Дѣло говорить.—Ну, парни,
Ступай въ кабакъ: ставъ полтора ведра
На замиренье!—Выпьемъ—Погуляемъ!

— А свары къ лѣшему!—Айда, въ кабакъ!

Уходятъ въ кабакъ.

III.

Илья, потомъ одинъ изъ толпы.

ИЛЬЯ, входитъ.

Откуда зло и нелюбовь туда
Народная. На княжю неправду
Со смутой-бунтомъ голи поднялись
Кабацкіе, пошли суда-отвѣта

Просить у князя... Жалко мнѣ его,
 Да что же дѣлать: самъ бѣду накликалъ...
 Коль хочешь честно-грозно власть держать—
 Будь гнѣва своего ты господиномъ;
 А скорый гнѣвъ—желѣзо на огнѣ:
 Чуть накалилося—по немъ бьетъ молотъ...

Присаживается на бревно.

Да такъ-то вотъ... А все же подъ конецъ
 Мнѣ, старику, справлять придется дѣло,
 Налаживать... Ну, справлю: не въ первой
 Служить землѣ, забывъ свою обиду...

за сценою крики народа.

Что тамъ за гомонъ? Вбѣгаетъ одинъ.

Стой! куда бѣжишь,

Какъ одурѣлый?

одинъ изъ толпы.

Батюшка, отецъ нашъ
 Илья Иванычъ! княжьяго посла
 Къ тебѣ народъ ведетъ... тебя онъ ищетъ...

Илья.

Какой еще посоль тамъ?.. Ну, пускай
 Сюда приходитъ.

одинъ изъ толпы, кричитъ за сцену.

Други! Эй! Вали
 Сюда скорѣе: тутъ Илья Иванычъ.
 Входятъ толпа и Василиса.

IV.

Илья, толпа, Василиса.

ГОЛОСА.

— Илья Иванычъ!—Батюшка!—Родной!
 — Дай Господи тебѣ на вѣкъ здоровья!
 — Кормилецъ нашъ!—За мѣръ-народъ стоятель!
 — Вотъ мы посла у князя во дворѣ
 Забрали.—Королевичъ онъ.—Молодчикъ —
 -- Воробушекъ...

ИЛЬЯ.

Да стойте жъ: гдѣ посолъ?

ГОЛОСА.

— А вотъ онъ, батюшка ты нашъ...

ВАСИЛИСА, выдвигается изъ толпы.

Здорово,

Илья Иванычъ! Узнаешь меня?..

ИЛЬЯ.

А кто жъ ты будешь? Вглядывается въ нее. Встаетъ.

Господи помилуй!

Глазамъ не вѣрю... къ толпѣ

Отойдите, други,

Оставьте насъ: наединѣ съ посломъ

Потолковать-поразсудить мнѣ надо.

ГОЛОСА.

— Какъ, батюшка, изволишь.—Мы теперь

Пойдемъ да выпьемъ за твое здоровье.

— А ты себѣ съ молодчикомъ толкуй... Уходятъ въ ка-
 бакъ,

ИЛЬЯ, беретъ за руку Василису.

Ты ль это предо мною, Василиса
Микулишна!

ВАСИЛИСА.

Призналъ ты, богатырь?..

ИЛЬЯ.

Да какъ же не признать тебя, родная:
Давно ль на свадьбѣ пировалъ твоей
Да радовался на тебя съ Микулой,
Родителемъ твоимъ... Что жъ это ты —
Зачѣмъ богатыремъ перерядилась?

ВАСИЛИСА.

Чтобъ мужа выручить... Ахъ, свѣтъ Илья
Ивановичъ, все расскажу тебѣ я:
Повыслушай меня и помоги!..

ЗАНАВѢСЬ.

КАРТИНА II.

Княжая палата. Посрединѣ большой пирный столъ, уставленный
кубками, турьими рогами и чашами. Вокругъ стола сидѣнья.
Направо, ближе къ зрителямъ, княжее мѣсто.

I.

Князь, Добрыня, Алеша, Бермята, Соловей, Забава, Катерина,
богатыри, бояре, боярыни.

При поднятіи занавѣса князь сидитъ на княжемъ мѣстѣ; Добрыня
стоитъ передъ нимъ; остальные группируются вокругъ.

КНЯЗЬ, Добрынѣ.

Неужто такъ и вышелъ безъ дружины
Илья на рать ордынскаго царя?

ДОВРЫНЯ.

Да, государь.—«На басурмана — молвилъ —
 Не стоить-де дружины собирать:
 Управлюсь и одинъ; а для потѣхи
 Кабацкой голи прихвачу съ собой:
 Пусть около ордынской силы руки
 Маленечко погрѣютъ»... Ну, и впрямь
 Была потѣха тутъ! Илья наѣхалъ
 На рать Калинову; сперва мечомъ
 Поганыхъ сѣкъ, да, видно, надоѣло —
 Ордынца за ноги онъ ухватилъ
 И началъ тѣмъ помахивать ордынцемъ.
 Гдѣ разъ махнетъ — тамъ улицы прошли,
 Вдругорядъ отмахнется — переулки!

ВСѢ.

— Вотъ-такъ Илья! — Вотъ чудо богатырь!

ДОВРЫНЯ.

Смутились, на побѣгъ пошли ордынцы,
 А сами заклинаются, да молвятъ:
 «Не дай Богъ съ русскими людьми встрѣчаться:
 Неужто въ Кіевѣ всѣ таковы,
 Что цѣлу рать одинъ побилъ-развѣялъ?..»

БЕРМЯТА.

Хе-хе, знать хорошо пробралъ Илья.
 Проклятыхъ басурмановъ... Жаль, меня тамъ
 Съ нимъ не случилось: пусть Бермята старъ,
 А поддалъ бы, подбавилъ бы онъ жару
 Поганымъ!..

ДОВРЫНЯ.

Той порою царь Калинъ
 Въ палаткѣ спалъ, на дорогой кровати,
 Подъ одѣяльцемъ соболинымъ: спить,

Собака, прохлаждается, не чуетъ
 Невзгодушки великой надъ собой...
 Тутъ на него Илья наѣхалъ разомъ,
 За желты кудри ухватилъ, да плеткой
 Шелковою сталъ чествовать, а самъ
 Калину приговариваетъ: «Такъ-то,
 Безбожный басурманинъ: вотъ тебѣ
 Кресты, что съ кievскихъ церквей ты думалъ
 Поснять поганою рукою! Вотъ
 Распаханныя улицы, хоромы
 И богатырскіе дворы, что ты
 Хвалился разорить съ своею силою!»

ЗАБАВА.

Добрынюшка, а королевичъ — онъ
 Гдѣ жъ былъ во время боя?

ДОВРЯНЯ.

Королевичъ —
 Хоть молодъ — показалъ себя въ бою.
 Илья наѣхалъ на ордынцевъ справа,
 А королевичъ слѣва и — сказать
 Во истину — рубилъ по-богатырски!..
 А голь-то что творила, государь,
 Такъ просто удивленье: съ топорами,
 Съ клюками подорожными пошли,
 Да какъ стѣной насѣли на поганныхъ
 И ахнуть не дали — сломили рать!

КНЯЗЬ.

Вотъ молодцы!..

ДОВРЯНЯ.

Илья и королевичъ
 Ихъ, государь, ведутъ теперь съ собой...

КНЯЗЬ.

Что жъ, хорошо... Поди къ крыльцу съ дружиной,
Почетно повстрѣчай богатырей,
А мы въ палатѣ здѣсь поклономъ примемъ.

ДОВРЫНЯ.

А голь-то какъ прикажешь, государь,
Сюда ввести, иль въ гридницу?

КНЯЗЬ.

И голь

Зови въ палату: мы почетный пиръ
На радости для всѣхъ даемъ сегодня,
И голи мѣсто за столомъ, они
Немножко пошумѣли своевольно,
Да заслужили ту вину въ бою
Съ ордынской силой. Добрыня уходитъ.
Охъ, смѣшно мнѣ вспомнить,
Забавушка...

ЗАБАВА.

О чемъ, князь-государь?

КНЯЗЬ.

Да все о томъ, что дѣвушкой признала
Василья Етмануйловича ты.
Вонъ, слышала, молодчикъ въ ратномъ дѣлѣ
Какъ показалъ себя?.. Далъ Богъ ему
Не по лѣтамъ и хитрый умъ, и силу;
Обладилъ все, какъ обѣщаль: Илью
Уговорилъ, смирилъ мятежъ народный
И кievъ отъ ордынцевъ охранилъ...
Для красной дѣвушки оно бы словно
Дѣла такія не сподручны, а? Смѣется.

ЗАБАВА.

Кто говоритъ, да мало ли на свѣтѣ
 Случается чудесъ? Бываетъ такъ,
 Что молодья дѣвушки и бабы
 Умомъ обходятъ и богатырей...
 Вотъ поспроси-ка ты у Соловья
 Будиміровича: онъ то же скажетъ.
 Не правда ль, богатырь?

СОЛОВЕЙ.

Княжна, съ тобой
 Не стану спорить: женскій умъ хитрѣе
 Мужского на потайныя дѣла,
 Да на уловки... Но скажу я: въ женахъ
 И въ дѣвушкахъ не этотъ дорогъ умъ,
 А дорого ихъ искреннее чувство
 И вѣрная любовь ихъ дорога!

ЗАБАВА.

Любовь любовью, богатырь, а все же,
 Коль захотимъ, мы хитростью всегда
 Возьмемъ надъ вами верхъ...

БЕРМЯТА.

Ужъ вотъ, Забава
 Путятшина, не дѣло говоришь:
 Гдѣ жъ видано, чтобы нога залѣзла
 Превыше маковки? Какъ ни верти —
 Все баба на низу: нога; а мужъ-то —
 Онъ маковка!

АЛЕША, указываетъ на лысину
 Бермяты.

Да лысая, порой.

БЕРМЯТА, затыкая уши.

Алешенька, оставь!.. Вѣдь толковалъ я
Не разъ тебѣ: не слышу я твоихъ
Рѣчей-насмѣшекъ.

АЛЕША.

Ничего, бояринъ, —
Другіе слышатъ.

БЕРМЯТА.

То-то, для другихъ,
Да про другихъ все говоритъ ты любишь;
И хоть волосъ на маковкѣ твоей
Копна большая—подъ копной-то свищетъ
Свободно вѣтерокъ...

КНЯЗЬ.

Ну, ну, старикъ.
Не обижайся: шутки не обида.

БЕРМЯТА.

Да я не обижаюсь, государь,
А только рѣчь онъ перебилъ... Я молвить
Хотѣлъ... о чемъ бишь?.. Да: съ княжною въ ладъ
Толкуетъ и моя вонъ Катерина
Про королевича: не богатырь вишь онъ,
А женщина — смазливъ, румянъ-де очень.
Такъ что жъ — смазливъ? Смазливъ вѣдь и Чурила —
Я говорю — и тоже бѣлъ-румянъ:
Такъ стало и Чурилушка не парень?
Возьми-ка, моль, жена, его въ подружки,
Да положи въ свѣтлицѣ на тесовой
Кроваткѣ, косу заплети ему:
Авось дѣвицей красной обернется!.. Смѣется. Всѣ гости
смѣются.

КНЯЗЬ, Катеринѣ, шутливо.

Что жъ, Катеринушка, какой отвѣтъ
На рѣчи мужнины дала ты? Право,
Не худо было бѣ попытать тебѣ
Что мужъ совѣтуетъ?

КАТЕРИНА.

Да я съ охотой,

Князь-государь...

КНЯЗЬ.

А ты, Чурила, какъ?

ЧУРИЛА.

И я не прочь бы, князь... Общій смѣхъ.

БЕРМЯТА, смѣется громче всѣхъ и
хлопаетъ Чурилу по спинѣ.

Вишь плутъ-разбойникъ!

Охочь въ свѣтлицахъ-то у женъ чужихъ
Шалить-хозяйничать...

КНЯЗЬ.

Охъ, другъ Бермята,

Шутникъ большой ты...

БЕРМЯТА, важно.

Отъ ума шучу,

Князь-государь: ума не въ мѣру много

У стараго Бермяты; на дѣла

Расходую, расходую, а все-то

Остатокъ есть: куда жъ его дѣвать?

Вотъ и кладу на шутку: самъ потѣшусь,

Да и другихъ, молъ, кстати посмѣшу...

Входятъ: Илья, Василиса, Добрыня, кабацкая голь.

II.

Илья, Василиса, Добрыня, кабацкая голь.

КНЯЗЬ, встрѣчаетъ Илью у дверей палаты съ низкимъ поклономъ. Голь остается въ глубинѣ сцены.

Поклонъ богатырю.

ИЛЬЯ, кланяется.

Здорово, князь.

КНЯЗЬ.

Прости мнѣ, отпусти вину-обиду,
Илья Иванычъ.

ИЛЬЯ.

Богъ тебя проститъ.

Князь-государь. Не за обиду въ сердцѣ
Я гнѣвъ держалъ, а за твою неправду.
Обида княжья — зло для одного;
Неправда княжья — для всего народа
Смущеніе.

КНЯЗЬ.

Благодарю тебя,

Что отъ ордынцевъ Кіевъ ты избавилъ,
Насъ отъ бѣды великой оберегъ.
Чѣмъ пожелаешь — тѣмъ, Илья Иванычъ,
Пожалую тебя: цвѣтнымъ ли платьемъ,
Аль златомъ-серебромъ; село ли хочешь
Съ приселками, аль съ пригородомъ городъ?

ИЛЬЯ.

А ничего, князь-государь, не надо
Для стараго Ильи. Господь послалъ
Мнѣ силушку да мужество, чтобъ людямъ,
Народу-міру честно я служилъ

Господними дарами: въ той ли службѣ
 И жалованье и награда мнѣ.
 А ты пожалуй молодыхъ, да младшихъ.
 Вотъ королевичъ-юноша; чужой,
 Заѣзжій богатырь; тебѣ послугу
 Немалую онъ оказалъ: Илью
 На миръ съ тобой уговорилъ, ордынцевъ
 Въ бою побилъ. Почти его дѣла
 Наградою...

КНЯЗЬ, обнимаетъ Василису.

Да ужъ ему награда

Заранѣ обѣщана: твоя
 Шалунья-крестница... Аль ты не слышалъ?

ИЛЯ.

Слыхалъ. Молодчикъ признавался мнѣ;
 Да говорилъ вишь крестница въ сумнѣньи:
 Онъ женщина, иль богатырь... Смѣется.

Ну, что жъ,

Сыграемъ свадебку—окажетъ дѣло,
 Кто женщина, кто суженый-женихъ:
 Всѣ по мѣстамъ разставятся, какъ надо.

Забавѣ, которая поздоровалась съ королевичемъ и разговари-
 ваетъ съ нимъ и Соловьемъ.

Вѣдь такъ, Забавушка?

ЗАБАВА.

Само-собой.

Илья Иванычъ.

ИЛЯ, смѣется и говоритъ ей.

Да постойка-съ, что-то
 Мнѣ, крестница въ примѣту: къ Соловью
 Будиміровичу склонна ты больше,
 Чѣмъ къ королевичу?.. Кажись, не грѣхъ
 Поцѣловать бы жениха: изъ боя
 Къ тебѣ онъ воротился живъ-здоровъ.

ЗАБАВА, притворно стыдась.

Отъ всей души бы я... Да вотъ, на людяхъ
Стыднехонько...

КНЯЗЬ.

Ну—вона! Что-за стыдъ,
Забавушка: вѣдь вы женихъ съ невѣстой.

ЗАБАВА.

Голубчикъ, королевичъ!

Нѣсколько разъ цѣлуетъ Василису и при каждомъ поцѣлуѣ,
смѣясь, взглядываетъ на Соловья.

Свѣтъ мой! Радость!

Мой Ладосуженый!

Иль я, смѣясь, Соловью.

Что, Соловей

Будимировичъ, чай, тебѣ завидно?

Вѣдь вотъ какой ты статный молодецъ,

А выхватилъ изъ-подъ руки невѣсту

Младъ королевичъ у тебя, ай-ай! Качаетъ головою.

СОЛОВЕЙ, шутливо вздыхаетъ.

Что дѣлать, богатырь, не всѣмъ же счастье!

А правду молвилъ ты: со стороны

Взглянуть—такъ зависть разбираетъ...

ЗАБАВА, смѣется.

То-то

По сторонамъ глядѣлъ ты, Соловей

Будимировичъ, да и проворонилъ

Такую павушку... Голубчикъ-князь:

Еще я суженаго поцѣлую... Внезапно цѣлуетъ Соловья.

КНЯЗЬ, въ удивленіи.

Забавушка,—что жъ это ты...

ЗАБАВА, закрываетъ лицо руками.

Ахъ!.. ахъ!..

Я по ошибкѣ... Справа королевичъ—
Я думала, а вышелъ Соловей...
Не прогнѣвися на меня, Василиій
Свѣтъ-Етмануйловичъ: случилось вдругъ,
Негаданно... прости...

ВАСИЛИСА, смѣется.

Да что ты, полно,
Княжна: со всякимъ можетъ выйти грѣхъ.

КНЯЗЬ.

Вотъ молодость, за что, Илья Ивановичъ,
Люблю отъ сердца: ладно все у ней
Да весело выходитъ безъ покоровъ...
Ну, дѣлу время и потѣхѣ часъ:
Прошу за столъ гостей: веселымъ ниромъ
Почтимъ мы нашу радость. Ильѣ.

Богатырь,

Садись-ка первымъ ты, да всѣхъ повыше,
На мѣсто бѣльшее.

ИЛЬЯ.

Спасибо, князь:

На среднемъ, старику, мнѣ будетъ ладно;
А ты вотъ голюшку почти—за столъ
Ихъ посади со мной въ ряду почетно:
Вѣдь голюшка немало помогла
Сегодня мнѣ въ бою съ ордынскою ратью.

КНЯЗЬ, кланяется голи.

Честь голюшкѣ... Садитесь молодцы.

Всѣ усаживаются за столъ. Слуги разливаютъ вино изъ кубовъ
въ чары.

КНЯЗЬ, встаетъ.

Богатыри-дружина и бояре!
Пью чару первую я за Илью
Иваныча! Пьетъ.

ВСЪ.

Будь здоровъ, Илья Иванычъ!

ИЛЬЯ, кланяется.

Князь, благодарствуй за почетъ... Твое
Здоровье пью—живи на многи лѣта!

ВСЪ.

Живи на многи лѣта, государь!

КНЯЗЬ, кланяется.

Спасибо, гости дорогіе... Чару
За жениха и за невѣсту! Пьетъ.

ВСЪ.

Будь
Здоровъ-счастливъ, Василій-королевичъ,
Съ княжною молодою, свѣтъ-Забавой
Путятишной. Василиса и Забава кланяются.

КНЯЗЬ.

За дорогихъ гостей! Пьетъ.

ВСЪ.

Спасибо, государь!

ИЛЬЯ.

Теперь бы чару
Распить за правду—по обряду князь,
Исконному—сыграть бы стихъ подъ гусли,
О томъ, какъ правда кривду поборола,
Да нѣкому сыграть-то: нѣтъ Ставра
Годиновича на пиру.

КНЯЗЬ.

Спасибо,

Илья Иванычъ, что напомнилъ мнѣ,
 Да намекнулъ: мою вину-неправду
 Пора поправить—я забылъ...

Алешѣ. Иди,

Алеша, отомкни тюрьмы затворы,
 Боярина Ставра зови на пиръ:
 «Съ поклономъ-де великимъ приглашаетъ
 Князь-государь»... Алеша уходитъ.

ВАСИЛИСА.

Хочу я, князь, давно
 Спросить тебя: за что въ тюрьму посаженъ
 Бояринъ Ставръ?

КНЯЗЬ.

А похвалялся онъ
 Передо мной женою, королевичъ:
 Вишь и меня и всѣхъ богатырей,
 И проведетъ, и выведетъ... То слово
 Пустымъ мнѣ показалось...

ВАСИЛИСА.

Грѣхъ какой:

Изъ похвальбы за бабу вышло дѣло
 Нерадостное, горькое... А что—
 Прости мнѣ князь—коли бояринъ правду
 Тебѣ промолвилъ про свою жену?

КНЯЗЬ

Когда бы такъ-то вышло, королевичъ,
 Такъ ладно бы. А то теперь Ставра
 Мнѣ жаль: нерадостную вѣсть узнаетъ
 Про Василису-то... Да вотъ и онъ...

Входятъ Ставръ и Алеша.

III.

Тѣ же, Ставрѣ, Алеша.

КНЯЗЬ, встаетъ.

Бояринѣ Ставрѣ Гоудиновичѣ! обидѣлъ
Тебя на людяхъ я: теперѣ прошу
Прощенья у тебя за ту обиду
На людяхъ же... Кланяется.

Пожалуй къ намъ на пирѣ,
Какъ гость почетный, и забудь, что было.

СТАВРѢ.

Забыть, что было, государь, нельзя,—
Простить обиду можно. Ты неправо
Со мною поступилъ, держалъ меня
Въ неволюшкѣ-опалѣ: я на сердцѣ
Отмщенья-злобы не таю, а все жъ
Мнѣ горько, князь, за гнѣвъ твой-самовластье
Противъ меня... Теперѣ ты отворилъ
Мою тюрьму: на томъ я благодаренъ,
Но гостемъ на пиру—не погнѣвися—
Быть не могу: не до веселья мнѣ...
Ужъ если милость оказать ты хочешь:
Позволь мнѣ, государь, покинуть дворъ,
Изъ Кіева уѣхать...

КНЯЗЬ.

Какъ желаешь,

Ставерѣ Гоудиновичѣ... Да ты куда жъ
Сбираешься-спѣшишь? Аль къ Василисѣ
Микулишичѣ своей?

СТАВРѢ.

Да, государь:

Изнылъ душой я по женѣ, въ неволѣ
И день и ночь я тосковалъ по ней,
Да, чаю, и она, моя голубка,
Ждетъ не дождется мужа своего...

КНЯЗЬ.

Жаль мнѣ тебя, бояринъ, горькимъ словомъ
 Смущать теперь: хотѣлъ бы заплатить
 Я радостью, весельемъ за обиду
 Мою неправую, да не могу—
 Сказать нерадостную вѣсть придется:
 Жены своей ты не найдешь вѣдь дома...

СТАВРЪ.

Какъ не найду? А гдѣ жъ она?

КНЯЗЬ.

Въ орду

Ушла, бояринъ...

СТАВРЪ.

Князь! да ты—смекаю—
 Кабы за милостью меня призвалъ,
 Чтобъ новою обидой надо мною
 Потѣшиться...

КНЯЗЬ.

Бояринъ, не кори,
 Не для обиды говорю тебѣ я:
 Къ намъ въ Кіевъ вѣрная дошла молва,
 Что во дворѣ твоемъ нѣтъ Василисы
 Микулишны.

СТАВРЪ.

А въ Кіевъ кто принесъ
 Молву такую, князь?

ВАСИЛИСА, выступая впередъ.
 Я!

СТАВРЪ, всматривается и потомъ
 обнимаетъ ее.

Василиса!

Голубушка! родная!

ВАСИЛИСА.

Свѣтикъ мой!

Ставеръ Годиновичъ! Общее движеніе.

КНЯЗЬ, потерявшись.

Какъ... что такое?!

Илья Иванычъ—видишь?—погляди!..

Онъ... королевичъ-то...

ВАСИЛИСА.

Князь-государь!

Хвалился Ставръ: «тебя съ богатырями

И проведетъ, и выведетъ жена»...

Все такъ и вышло; глянь—я Василиса

Микулишна!

КНЯЗЬ.

Да нѣтъ, не можетъ быть...

Не вѣрю я!..

БЕРМЯТА.

И я не вѣрю тоже,

Князь-государь: тутъ видимый обманъ,

Да навожденье!.. Оборотень это

Не Василиса... Плюнуть надо: тьфу!—

Она и сгинетъ...

КНЯЗЬ:

Полно врать, Бермята...

Дай мнѣ опомниться, въ себя придти... Ставру.

Ну, Ставръ Годиновичъ, теперь скажу я:

Ты правъ-правешенекъ! Пройдя весь свѣтъ,

А этакой жены, какъ Василиса

Микулишна, не сыщешь!.. Васились.

Обошла,

Боярыня, ты и меня, и всѣхъ насъ,

Всѣхъ обошла...

ГОЛОСА БОГАТЫРЕЙ И БОЯРЪ.

— Ужъ точно обошла.

— Околдовала.—Ворожбою ровно

Всѣмъ очи отвела!..

ЗАБАВА, смѣется, обнимая Василису.

Не всѣмъ...

КНЯЗЬ.

Ты что жъ,

Забавушка, смѣешься?., Ахъ плутовка!

Да ты никакъ вѣдь за одно была

Съ боярыней?..

ЗАБАВА, продолжая смѣяться.

Прости, голубчикъ дядя...

КНЯЗЬ.

Вишь какова! надула старика!..

А я-то хлопоталъ да веселился:

Вотъ, думалъ, суженаго Богъ послалъ

Забавушкѣ... Ну за обманъ и казись:

Осталася теперь безъ жениха.

ЗАБАВА.

Нѣтъ, не осталась, князь: другой въ запасѣ

Есть у меня давно: похуже чуть

Василья-королевича онъ будетъ,

Да все жъ не баба—богатырь... Береть за руку Соловья.

Вотъ онъ!

КНЯЗЬ.

Свѣтъ-Соловей Будиміровичъ?.. Радъ я,

Отъ сердца радъ: даю свое согласье.

Обнимаетъ и цѣлуетъ Соловья и Забаву.

СОЛОВЕЙ.

Я счастливъ выше мѣры, государь:
Мое завѣтное сбылось желанье:

КНЯЗЬ.

И я не меньше счастливъ, богатырь:
Все сладилось такъ хорошо и любо
На миръ и радость... Обращаясь ко всѣмъ.

Гости дорогіе!

Зачнемъ опять мы прерванный нашъ пиръ
И будемъ веселиться: наливайте
Полнѣе чары золотымъ виномъ,
Стоялыми медами! Заводите
Веселую бесѣду круговую...

Одинъ изъ голи говорить тихо Ильѣ.

ИЛЬЯ, князю,

Вотъ голюшка, князь-государь, желаетъ
Тебя съ гостями пѣснею потѣшить
Да пляскою—поволишь?

КНЯЗЬ.

Радъ душой,

Илья Иванычъ, радъ... Пускай потѣшатъ.

Одинъ изъ голи заливаетъ, остальные подхватываютъ хоромъ.
Двое выплясываютъ подъ пѣсню хора.

ЗАПѢВАЛО.

Какъ у насъ, у голей-голюшки,
Ничего нѣтъ, кромѣ волюшки!

ХОРЪ.

Ой, жги, жги, говори!
Ничего нѣтъ, кромѣ волюшки!

ЗАПѢВАЛО.

Армяки на насъ дырявые,
Да въ насъ, голяхъ, души правыя!

ХОРЪ.

Ой, жги, жги, говори!
Да въ насъ, голяхъ, души правыя!

ЗАПЪВАЛО.

Колпаки на голяхъ рваные.
Да за столъ мы гости званые!

ХОРЪ.

Ой, жги, жги, говори!
Да за столъ мы гости званые!

ЗАПЪВАЛО.

Подпоясаны мы лыками,
Да пируемъ со владыками!

ХОРЪ.

Ой, жги, жги, говори!
Да пируемъ со владыками!

ЗАПЪВАЛО.

Пляшемъ князю на забавушку,
Да поемъ ему мы славушку!

ХОРЪ.

Ой, жги, жги, говори!
Да поемъ ему мы славушку!
пляска прекращается.

Государю-князю-солнышку
Слава!
Молодой Забавѣ свѣтъ-Путятишнѣ
Слава!
Василисѣ свѣтъ-Микулишнѣ
Слава!

ЗАНАВѢСЪ.

ОЖЕРЕЛЬЕ АФРОДИТЫ

Д Р А М А

Сюжетъ и нѣкоторыя сцены взяты изъ
романа „Aphrodite“ P. Louys.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Л И Ц А:

Олимпій, художникъ.
Геро.
Туни.
Бахизъ } куртизанки.
Сéзо }
Заклинатель змѣй.
Старикъ.
Молодой человѣкъ.

Бальзамировщикъ труповъ.
Купецъ.
Пѣвица.
Двѣ флейтистки.
Продащица цвѣтовъ.
Танцовщица.
Арфистка.
Граждане, воины, женщины.

Дѣйствіе въ Александріи.

Садъ передъ храмомъ Афродиты-Астарты въ Александріи. Направо деревья, подъ ними полукруглая мраморная скамья. За деревьями терраса, на которую ведетъ высокая лѣстница, и часть портика храма. Колонны портика до половины высоты пурпуроваго цвѣта. Во фризѣ барельефъ, изображающій дикую оргію фантастическихъ чудовищъ, звѣрей, вакханокъ и нимфъ. Колоссальная дверь съ золотыми створами. Внизу лѣстницы на гранитныхъ постаментахъ сфинксы, вверху—треножники съ пылающими огнями. Весь портикъ убранъ вѣнками и гирляндами цвѣтовъ. Налѣво круглый мраморный бассейнъ фонтана на площадкѣ съ тремя ступенями. Вдали, сквозь просвѣтъ деревьевъ, видно море. Вечеръ. Закатъ.

До поднятія занавѣса сначала слышны звуки флейты, потомъ пѣніе.

I.

Пѣвица у фонтана, около нея, на ступеняхъ, сидятъ двѣ флейтистки, аккомпанирующія ей. Пестрая группа слушателей и слушательницъ.

ПѢВИЦА, поетъ.

Топотъ, шумъ въ лѣсу зеленомъ,
Вѣтви, вздрогнувъ, шелестятъ...
Быстроногіе сатиры
Ловятъ юныхъ Ореадъ.

* * *

Дивныхъ тѣлъ бѣлѣютъ формы,
Вьются кудри по плечамъ;
Дѣвы мечутся съ испугомъ
Въ темной чащѣ, здѣсь и тамъ.

* * *

Эросъ, Эросъ! Это онъ
Покоряетъ дѣвъ и женъ
И своей побѣдной властью
Ихъ склоняетъ къ сладострастью.

ФЛЕЙТИСТКИ, поютъ.

Эросъ! Эросъ! Это онъ!
Покоряетъ дѣвъ и женъ! Флейты.

ГОЛОСА ВЪ ТОЛПѢ.

Браво! Браво! Веселая пѣсня! Славная пѣсня!
Аплодируютъ. Пѣвица обходить толпу, ей даютъ деньги.

II.

ПРОДАВЩИЦА ЦВѢТОВЪ, входитъ съ корзиной.

Цвѣты! Вѣнки!

СТАРИКЪ.

Вѣнокъ изъ розъ. Изъ бѣлыхъ и красныхъ розъ.

ПРОДАВЩИЦА.

Вотъ самый свѣжій и пышный. Подаетъ вѣнокъ.

СТАРИКЪ.

Да, хорошъ... Платить ей. Веселое твое дѣло, дѣвушка,—продавать цвѣты. Такое же веселое, какъ твоя юность и твои смѣющіеся глаза. Весело и покупать у тебя твой товаръ.

ПРОДАВЩИЦА.

Какъ кому! Это зависитъ отъ судьбы. Тотъ, кто покупаетъ вѣнокъ для пира, тому весело. А кто для могилы...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Онъ навѣрное—для могилы. И если судить по его голому черепу—для своей.

СТАРИКЪ.

А если судить по твоимъ рѣчамъ, то твой черепъ хоть и покрытъ пышными кудрями снаружи, зато пусть внутри.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Развѣ я сказалъ безсмыслицу? Я сказалъ только правду: старость близка къ смерти.

СТАРИКЪ.

Да. Но юность къ ней ближе. Напримѣръ, ты, юноша, отъ нея ближе, чѣмъ я.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Вотъ тебѣ нà! Вѣдь тебѣ ужъ, навѣрное, шестьдесятъ.

СТАРИКЪ.

Накинь еще пять, тогда будетъ навѣрное.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

А мнѣ-то только двадцать.

СТАРИКЪ.

Не сомнѣваюсь. А скажи-ка, думалъ ли ты о томъ, чѣмъ будемъ мы съ тобою, когда къ намъ придетъ смерть?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Какъ чѣмъ будемъ? Да—ничѣмъ.

СТАРИКЪ.

Ну, вотъ, видишь. А такъ какъ ты до своего рожденія былъ тоже ничѣмъ, то и выходить по-моему: ничто, т.-е. смерть отъ тебя отстоитъ только на двадцать лѣтъ, а отъ меня—на шестьдесятъ пять.

Смѣхъ въ толпѣ.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ты, я вижу, философъ.

СТАРИКЪ.

Это все равно, другъ, кто бы я ни былъ. А только, если ты хочешь судить правильно, то не говори, что старикъ ближе къ смерти, чѣмъ юноша; а говори такъ: мы всѣ близки къ смерти.

ОДИНЪ ИЗЪ ТОЛПЫ.

Вотъ это истинныя слова. Я сочувствую такимъ словамъ, мудрый гражданинъ.

СТАРИКЪ.

Благодарю тебя за сочувствіе.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ, насмѣшливо.

Въ порывѣ благодарности, почтенный старецъ, бросься въ объятія этого человѣка! Какъ ты ни мудри, а я опять-таки скажу: ты какъ разъ нуженъ ему, а онъ тебѣ.

СТАРИКЪ.

Почему же?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Потому что онъ—бальзамировщикъ труповъ.

Смѣхъ въ толпѣ. За сценой слышатся говоръ и голоса: «Сюда! Сюда! Сейчасъ начнется! Сюда!»

III.

Входятъ: Заклинатель змѣй, двѣ дѣвочки: плясунья и арфистка, за ними нѣсколько мужчинъ и женщинъ.

ЗАКЛИНАТЕЛЬ ЗМѢЙ, къ толпѣ.

Почтеннымъ зрителямъ на удивленье
Мы дивное дадимъ здѣсь представленье.

Выходить на средину авансцены и разстилаетъ на землѣ пеструю пальмовую циновку.

ГОЛОСА ВЪ ТОЛПѢ.

А, заклинатель змѣй!—Покажи, покажи свое искусство!—Начинай свои штуки!

ЗАКЛИНАТЕЛЬ, становится на циновку въ театральную позу, протягиваетъ обѣ руки, въ которыхъ змѣи толпа окружаетъ его.

Да, граждане, вы знаете меня:
Я заклинатель змѣй! Да. Вотъ смотрите,
Какъ острые лучи, ихъ языки
Сверкаютъ въ ядовитой, страшной пасти
И смертію грозятъ! Но я спокоенъ,
Я улыбаюсь. Взглядъ одинъ я брошу,
Могущественный взглядъ очарованья—
И ярость ихъ мгновенно укротится,
И предо мной покорно извиваться
Онѣ подъ звуки музыки начнутъ!..

Къ арфисткѣ.

Ну, дѣвочка, ударь звучнѣй по струнамъ!

Къ танцовщицѣ.

А ты пляши быстрѣй.

Въ это время слѣва входитъ Олимпій и останавливается поодаль отъ толпы.

ТАНЦОВЩИЦА.

Нѣтъ, я устала,

Я не могу. Ты цѣлый день съ утра
Таскалъ меня по улицамъ. Дай отдыхъ.

АРФИСТКА.

Я тоже брошу арфу. Я себѣ
Всѣ пальцы исцарапала о струны...

ЗАКЛИНАТЕЛЬ.

Ахъ, вы, лѣнтяйки! Вотъ, постоитъ, бичъ
Васъ слушаться заставитъ!

Замахивается на дѣвочекъ бичемъ. Онѣ бѣгутъ на лѣвую сторону сцены.

АРФИСТКА.

Заступитесь!

ТАНЦОВЩИЦА.

Опъ избѣетъ насъ!

Заклинатель бросается за ними съ бичемъ.

IV.

Тѣ же и Олимпій.

ОЛИМПІЙ, останавливаетъ заклинателя.

Злобный негодяй!

Ты хочешь бить дѣтей!

ЗАКЛИНАТЕЛЬ.

Онѣ рабыни,

Я ихъ кормлю за музыку и пляску,
И если ремесло свое онѣ
Не исполняютъ, бичъ мой ихъ научить
Покорности.

ОЛИМПІЙ, вырывая у него бичъ.

Но прежде имъ тебя

Я научу не быть жестокимъ къ слабымъ,
Несчастливымъ дѣвочкамъ!

Замахивается бичемъ.

ЗАКЛИНАТЕЛЬ.

Нѣтъ, благородный

Олимпій, состраданью не бичемъ
Научишь ты, а щедрымъ подаяньемъ:
Вѣдь я бѣднякъ.

Протягиваетъ руку.

ОЛИМПІЙ, бросаетъ ему монету.

Возьми и уходи.

Не мучай больше дѣвочекъ сегодня,
Имъ надо отдохнуть.

ЗАКЛИНАТЕЛЬ, подхватываетъ монету
и униженно цѣлуетъ край одежды Олимпія.

Благодарю.

Ты щедръ, какъ небожитель.

Олимпій отходитъ и садится на ступеняхъ террасы. Въ толпѣ движеніе. Нѣсколько мужчинъ и женщинъ съ любопытствомъ смотрятъ вслѣдъ Олимпію.

ГОВОРЪ ВЪ ТОЛПѢ.

Это Олимпій.—Знаменитый Олимпій.—Олимпій изъ Саиса, ваятель.—Любимецъ царицы.—Какъ онъ красивъ.—Точно Аполлонъ.

ЗАКЛИНАТЕЛЬ, КЪ ТОЛПѢ.

Почтеннѣйшіе граждане, сегодня
 Не состоится наше представленье:

Оно,

Вы слышали, отмѣнено
 По случаю изнеможенья

Артистокъ юныхъ. Просимъ снисхожденья!

Кланяется толпѣ, подбираетъ циновку и обращается къ арфисткѣ
 и танцовщицѣ.

Ну, идемъ, лѣнтяйки. Васъ слѣдовало бы проморить голодомъ за непослушаніе. Но, благодаря вашему капризу, я получилъ столько, сколько вы невыработаете въ три дня своей музыкой и пляской. За это вамъ будетъ сегодня хорошій ужинъ. Идемъ.

Заклинатель и дѣвочки уходятъ.

ГОЛОСА ВЪ ТОЛПѢ.

Ахъ, старый плутъ! Началъ было представленіе такъ хорошо и обманулъ, ушелъ!—Онъ не виноватъ: дѣвочки, дѣйствительно, устали.—Да, точно сонныя мухи.—Да и намъ по домамъ пора: ночь наступаетъ.—Да, да, пора.

Толпа начинаетъ расходиться постепенно.

V.

Сезо, Бахизъ и купецъ, выходятъ изъ толпы.

СЕЗО.

Я рада, что благородный Олимпій заступился за бѣдныхъ дѣвочекъ. Онъ такъ же добръ, какъ красивъ—нашъ Олимпій.

КУПЕЦЪ.

Что это всѣ твердятъ: Олимпій! Олимпій! Да кто же такой этотъ Олимпій?

СЕЗО.

Какъ, ты не слыхалъ про Олимпія? Ты не знаешь Олимпія изъ Саиса?

Объ смѣются.

БАХИЗЪ.

Ты, вѣрно, не здѣшній?

КУПЕЦЪ.

Ты угадала. Я изъ Кабазы. Я пріѣхалъ въ Александрію продать хлѣбъ. Послѣзавтра возвращаюсь домой богаче пятидесятью минами. Хвала богамъ, по-торговалъ удачно.

СЕЗО, смѣется.

О, такъ у тебя, стало-быть, кошелекъ такъ же толстъ, какъ ты самъ. Это хорошо. Пойдемъ къ намъ.

БАХИЗЪ.

Мы повеселимъ тебя.

КУПЕЦЪ.

Ладно. Но вы все-таки не сказали мнѣ: кто же этотъ Олимпій?

СЕЗО.

Олимпій? Это великій художникъ. Онъ любимецъ нашей царицы Береники. Онъ любимецъ всѣхъ женщинъ. Ни одна не можетъ устоять передъ нимъ.

КУПЕЦЪ.

Стало-быть, у него много любовныхъ походовъ? неужели царица ничего не знаетъ объ этомъ?

БАХИЗЪ.

Царица знаетъ такъ же хорошо, какъ и мы. Но она слишкомъ цѣнитъ его, чтобы надоѣдать ему этимъ. Онъ изваялъ съ нея богиню.

КУПЕЦЪ.

Какую богиню?

БАХИЗЪ.

Какъ—какую богиню? Афродиту! Такъ ты развѣ не былъ тамъ, въ храмѣ? Ты не видалъ Афродиты?

КУПЕЦЪ.

Нѣтъ.

СЕЗО.

Значить, ты не видалъ чудо изъ чудесъ Александрии.

КУПЕЦЪ.

Я хотѣлъ пойти завтра въ храмъ. Вѣдь завтра праздникъ Афродиты?

БАХИЗЪ.

Да, великолѣпный праздникъ. Завтра съ зарей здѣсь, въ садахъ храма, будетъ пропасть народа. Ты пойдешь съ нами. Мы тебѣ все покажемъ и расскажемъ.

КУПЕЦЪ.

Превосходно, мои красавицы. Но завтра еще будетъ завтра. А сегодня...

СЕЗО.

А сегодня ты—нашъ. Идемъ!

БАХИЗЪ.

Да, къ намъ, къ намъ!

Она подхватываетъ его подъ руку и уходитъ. Сезо оглядывается, бросаетъ Олимпію цвѣтокъ и убѣгаетъ съ звонкимъ смѣхомъ. Темнѣетъ. Сцена озаряется только пламенемъ треножниковъ на террасѣ.

VI.

ОЛИМПІЙ, встаетъ, поднимаетъ цвѣтокъ, брошенный Сезо, и выходитъ на аванъ-сцену.

Ушли. Замолкли голоса. Ложится
Ночная мгла... Съ тѣхъ поръ, какъ овладѣла
Моей душой тоска безумной страсти,
Я радуюсь, когда погаснетъ день
И тьма покровомъ землю обнимаетъ...

Смотритъ задумчиво на цвѣтокъ.

Не странно ли: при первой нашей встрѣчѣ
Мнѣ Геро также бросила цвѣтокъ,
Какъ эта дѣвушка?.. Когда онъ былъ
Тотъ день? И были для меня потомъ,
Иль не были другіе дни и ночи?
Я какъ во снѣ живу съ того мгновенья,
Какъ я увидѣлъ Геро. Это было...
Гдѣ это было: въ храмѣ Афродиты,
Предъ алтаремъ? Иль въ небѣ, гдѣ царятъ
Безсмертные? И кто тогда казался
Богинею: гетера, что роняла
На мраморъ волны золотыхъ кудрей,
Иль дивный образъ Афродиты, мною
Изваянный, что передъ ней тускнѣлъ?..

Садъ и терраса озаряются луннымъ свѣтомъ.

Вотъ и луна восходитъ. Близокъ мигъ
Свиданія. Я полонъ ожиданьемъ
Какой-то тайны, сердце замираетъ
Въ томленьи странномъ...

Геро появляется на террасѣ храма, вся освѣщенная луною. Она въ прозрачной желтой туникѣ. Вокругъ стана поясъ, украшенный драгоценными камнями. Обнаженные руки обвиты браслетами въ видѣ змѣй. На пальцахъ множество перстней и талисмановъ. Въ ухахъ большія кольца. На шеѣ золотое ожерелье тонкой работы. Въ рукахъ, лѣниво закинутыхъ на затылокъ, круглый вѣеръ изъ павлиньихъ перьевъ.

VII.

Олимпій, Геро.

ОЛИМПІЙ, идетъ на террасу.

Геро мой привѣтъ.

Благодарю.

Подводитъ ее къ мраморной скамейкѣ. Они садятся.

Была ты въ храмѣ?

ГЕРО.

Да.

И знаешь у кого? У египтянки,
Жены верховнаго жреца.

ОЛИМПІЙ.

У Туни?

Геро смотритъ ему въ глаза и смѣется.

ОЛИМПІЙ.

Чему жъ смѣешься ты?

ГЕРО.

А такъ. Она

Не знала, что иду я на свиданье
Съ Олимпіемъ. А знай она про это,
Она бы выколола мнѣ глаза,
Чтобъ не могли прельщаться красотой
Ея любовника.

ОЛИМПІЙ.

Неправда, Геро,
Я не любовникъ Туни.

ГЕРО.

Будто?

ОЛИМПІЙ.

НѢТЬ.

ГЕРО.

Такъ былъ ея любовникомъ.

ОЛИМПІЙ.

Что было,
Того не будетъ, то прошло.

ГЕРО.

Однако,
Она тебя преслѣдуетъ, какъ прежде,
Своей любовью, точно Афродита
Адониса. Да и одна ль она?
Ты—божество для всѣхъ красивыхъ женщинъ
Александріи. Вѣдь сама царица
Тобой увлечена! Ее ты любишь?
И ею ты любимъ? Посмѣй отвѣтить,
Что не любилъ, не любишь Беренику?

ОЛИМПІЙ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я тебя увидѣлъ, Геро,
Одну тебя люблю я...

ГЕРО.

Замолчи!

Я поняла тебя! Ты этимъ хочешь
Сказать, что никого ты не любилъ,
Тебя любили только!

ОЛИМПІЙ.

Обо мнѣ

Ты судишь такъ, совсѣмъ меня не зная.

ГЕРО.

Не знаю я тебя? Ты въ томъ увѣренъ?
 Ну, а скажи-ка: для кого Глицера
 Съ богатымъ Антіохомъ разошлась?
 И кто прогналъ ее черезъ недѣлю?
 А Дафна, что мужчинъ
 Всѣхъ презирала,—не къ тебѣ пришла
 Съ безумною мольбой, чтобы рабыней
 Ты взялъ ее къ себѣ, но далъ ей счастье
 Твоей любви? А смуглая малютка
 Филиссъ, едва расцвѣтшее дитя,
 Что передъ дверью дома твоего
 Три дня назадъ повѣсилась? Бѣдняжка!
 Я видѣла ее тогда: на впалыхъ,
 Померкнувшихъ ея щекахъ дрожали
 Еще не высохшія капли слезъ...
 Ты видишь,—все мнѣ про тебя извѣстно.
 Я знаю даже то, чего ты самъ
 Не знаешь, иль о чемъ забылъ давно.
 Вѣдь мы, гетеры, обо всемъ другъ другу
 Передаемъ. О, съ ночи той, когда
 Въ Александрію ты пріѣхалъ, знаю
 Тебя я... Ты же, вѣрно, обо мнѣ
 Не знаешь ничего?

олимпій.

Во-первыхъ, знаю,
 Что ты прекраснѣй всѣхъ въ Александріи,
 Но родилась не здѣсь: я это слышу
 По голосу, нѣжнѣ звука арфы,
 И вижу по глазамъ. Ты іудейка?

ГЕРО.

Нѣтъ, галилеянка.

олимпій.

Тебя, навѣрно,
 Зовутъ Ноэми или Маріамъ?

ГЕРО.

Нѣтъ, ты ошибся. Имя у меня
Сирійское. Я не скажу его.
То имя царское. Но здѣсь прозвали
Меня златоволосою Геро.

олимпій, обнимаетъ ее.

Ну, такъ вотъ что,
Прелестнѣйшая Геро...

ГЕРО, отстраняя его.

Перестань.

Домой пора мнѣ. Ночь душна. Должно быть,
Сбирается гроза: смотри, какъ тучи
Ползуть къ лунѣ. Она, пожалуй, скоро
Померкнетъ. Встаетъ.

Какъ мнѣ больно жметъ завязка
Сандали; стянула слишкомъ туго
Ее раба.

Ставить ногу на скамью и поправляетъ завязку сандали.

Вотъ будетъ хорошо,
Когда рубецъ останется на тѣлѣ:
Мнѣ стануть ноги цѣловать и вдругъ
Замѣтятъ...

олимпій.

Дай, я помогу тебѣ.

ГЕРО.

Нѣтъ, нѣтъ, оставь! Пусти меня! Зачѣмъ
Пришла сюда къ тебѣ я и болтаю
Съ тобою здѣсь? Смотри, ты покрывало
Мнѣ все измялъ. Прощай! Хочетъ идти.

олимпій, беретъ ее за руку.

Пойдемъ къ тебѣ.

ГЕРО.

Вотъ какъ! Ты даже
 Не удостоилъ и спросить меня,
 Хочу ль я этого? «Пойдемъ къ тебѣ!»
 Нѣтъ, каково! Ты, вѣрно, принимаешь
 Меня за потаскушку, что готова
 Идти за три обола съ первымъ встрѣчнымъ?
 Ты знаешь, кто бываетъ у меня,
 И гдѣ бываю я? «Пойдемъ къ тебѣ!»
 Да, я пойду сейчасъ къ себѣ, а ты...
 Ты оставайся здѣсь, иль убирайся
 Куда угодно, только не ко мнѣ!

олимпій, удерживая ее.

Постой, за что ты разсердилась, Геро?..
 Пускай тебѣ извѣстны всѣ мои
 Любовницы, а я совсѣмъ не знаю
 Твоихъ любовниковъ—не все ль равно?
 Я все-таки тебя люблю...

ГЕРО.

Ахъ, вотъ что!
 Ты любишь! Ты меня не слушалъ даже!
 Убѣждена я: изъ моихъ рѣчей
 И слова одного ты не запомнилъ.
 Тебѣ не рѣчи нужны. Ты мечтаешь
 О блескѣ глазъ моихъ, о томъ, какъ сладокъ
 Мой поцѣлуй, какъ шелкъ моихъ волосъ
 Ласкать ты будешь. Всѣ вы только этимъ
 Прельщаетесь. Такъ знай же: многимъ, многимъ
 До этой ночи не было запрета
 И цѣловать меня, и расплетать
 Мнѣ волосы, но одному тебѣ
 Я это не позволю! Никогда
 Ты не узнаешь, что такое я,
 И какъ я чувствую, и красотой моею

Одинъ лишь ты не насладишься! Да,
 Ты гадокъ мнѣ, безчувственный и подлый
 Прельститель женщинъ! Я не понимаю,
 Какъ ни одна изъ нихъ въ ревнивой злобѣ
 Не задушила васъ: сперва тебя,
 Потомъ твою влюбленную царицу!

олимпій, привлекаетъ ее снова на
 скамью.

Полно, Геро!

Вѣдь ты сама себѣ противорѣчишь.
 Не для того жъ пришла ты на свиданье,
 Чтобъ выражать мнѣ ненависти гнѣвъ!
 Хотя и гнѣвные слова прекрасны
 Въ твоихъ устахъ, но все жъ я заглушить
 Хочу ихъ поцѣлуями.

ГЕРО.

Пусти,

Ты мнѣ ломаешь руки.
 Не думаешь ли ты, что противъ воли
 Ты увлечешь меня? Будь я слаба,
 Какъ дѣвушка влюбленная, и силенъ
 Ты, какъ Атлантъ,—ты ровно ничего
 Не выиграешь силой.

олимпій.

Я считалъ бы

Игру такую для себя постыдной.
 Я принужденья не терплю ни въ чемъ,
 И болѣе любви цѣню свободу!
 Я говорю тебѣ: твоей красою
 Я очарованъ. Хочешь раздѣлить
 Мою любовь, иль нѣтъ?.. Не понимаю,
 Чего боишься ты?

ГЕРО.

Вѣдь ты привыкъ
Любимымъ быть, а я... своей любви
Не отдаю задаромъ.

олимпій.

Я богатъ
И золотомъ тебя осыплю.

ГЕРО.

Видишь,
Мнѣ надоѣло золото: его
Довольно въ этихъ волосахъ. Ты лучше
Подарокъ сдѣлай мнѣ.

олимпій.

Какой угодно!

ГЕРО.

Такъ вотъ что: подари мнѣ ожерелье.

олимпій.

Какое хочешь ты—оно твое.

ГЕРО.

Какое я хочу! О, вотъ объ этомъ
Я думала тебя просить: могу я
Сама подарокъ выбрать?

олимпій.

Ну, конечно.

ГЕРО.

Да? ты клянешься въ этомъ мнѣ?

олимпій.

Клянусь!

ГЕРО.

Но чѣмъ клянешься?

олимпій.

Чѣмъ ты пожелаешь.

ГЕРО.

Клянись мнѣ Афродитой, твоимъ
Созданіемъ!

олимпій.

Клянусь я Афродитой!
Но для чего, скажи такая клятва?

ГЕРО.

Такъ... я была въ сомнѣннѣи... но теперь
Я успокоилась. Поднимаетъ голову.
Я выбрала подарокъ!

олимпій.

Какъ, уже выбрала?

ГЕРО.

Ты подаришь
Мнѣ ожерельѣ то, что на груди
У Афродиты.

олимпій.

Что? что ты сказала?!

ГЕРО.

Да, это ожерелье изъ семи
Жемчужныхъ нитей. Это ожерелье
Священное ты снимешь у богини
И мнѣ отдашь.

олимпій.

Ты говоришь въ безумьѣ!
Вѣдь это оскорбленіе святыни!
Вѣдь это преступленіе!

геро.

Такъ что же?

олимпій.

Но развѣ ты не знаешь: по закону
За преступленіе такое—смерть!

геро.

Я знаю.

олимпій.

А! И хочешь, чтобъ святыню
Похитилъ я? чтобъ сталъ я святотатцемъ?

геро.

Ты говорилъ, что любишь ты меня.
Любовь свою ты этимъ мнѣ докажешь.

олимпій.

Нѣтъ, никогда!

геро.

Ты ожерелье это
Священное мнѣ дашь. Вѣдь ты клялся.
Я думала, что клятва для тебя
Не слово только; думала, что любишь
Меня взаправду ты. Но я ошиблась..
Не будемъ больше говорить объ этомъ.
Прощай!..

олимпій.

Ты хочешь погубить меня!

ГЕРО.

Ты испугался? А, ты трусь, Олимпій?
 Я этого не думала. Однако,
 Чего же ты боишься? Ожерелье
 Богини тайно ты возьмешь. Про это
 Одна я буду знать. Клянусь, тебя
 Не выдамъ я.

олимпій.

Зачѣмъ такой цѣною
 Ужасной у тебя купить я долженъ
 Твою любовь? Вѣдь для другихъ условьемъ
 Не ставила ты преступленье?

ГЕРО.

НѢТЬ!

Но я ихъ не любила, а тебя я
 Люблю. Ты понялъ. Этимъ преступленьемъ
 Хочу твою измѣнчивую душу
 Сковать съ моей душою навсегда!
 О, вѣрь мнѣ, я люблю тебя безумно!
 Послушай. Ожерелье Афродиты
 Ты принесешь. Я буду ждать тебя
 Сегодня ночью, завтра, послѣзавтра,
 Всѣ дни и ночи. Въ твой нарядъ любимый
 Одѣнусь я. Вкругъ щекъ, надъ бѣлымъ лбомъ,
 Я волосы завью или разсыплю
 Ихъ золото по плечамъ. Ты придешь.
 Я сдѣлаю все для тебя, что хочешь.
 Ты пожелаешь тихихъ, нѣжныхъ ласкъ,—
 Тебя ласкать я буду, какъ ребенка;
 Ты пожелаешь страстныхъ упоеній,—
 Я нѣгой сладкой упою тебя!
 Захочешь ты, чтобъ я молчала—буду
 Я какъ нѣмая предъ тобой. Захочешь,

Чтобъ пѣла я, и ты услышишь пѣсни
 То нѣжныя, какъ ручейка журчанье,
 То грозныя, какъ приближенье бури!
 Я знаю сколько пѣсенъ—и такія
 Невинныя, что дѣвушка ихъ можетъ
 Пѣть матери своей; я знаю пѣсни,
 Отъ словъ которыхъ на лицѣ румянецъ
 Стыдливости невольной выступаетъ,
 И только шопотомъ передавать ихъ можно...
 Захочешь ты, чтобъ танцевала я,
 И танцевать я буду до разсвѣта,
 Обвитая прозрачнымъ покрываломъ,
 Гирляндами цвѣтовъ благоуханныхъ,
 По тѣлу разрисованная вся,
 Какъ божество. Я танцевать умѣю
 Всѣ танцы Афродиты. Ты увидишь.
 Введу тебя я въ комнату мою,
 Гдѣ тайною истомой сладострастья
 Все дышетъ. У царицы Береники
 Роскошнѣе чертоги, но такой
 Нѣтъ комнаты, гдѣ бѣ красоты святыня
 Съ позоромъ опьяняющимъ слилась!
 Тамъ легкія спадаютъ занавѣски
 Надъ ложемъ и курильницѣ ароматъ
 Вокругъ струится и огни лампадъ
 Мерцаютъ... Тамъ, въ волшебномъ, дивномъ блескѣ
 Моей зовущей, страстной красоты,
 Возлюбленный, меня увидишь ты!

олимпій.

Соблазна демонъ, замолчи! Въ лицо
 Мнѣ не смотри глубокими глазами,
 Измѣнчивыми будто лунный камень...
 О, этихъ глазъ загадочныхъ лучи,
 Какъ пѣніе сиренъ, неудержимо
 Мнѣ душу завораживаютъ.

ГЕРО.

Слушай!

Для одного тебя уборъ богини
 Я буду надѣвать, и на меня
 Одинъ ты будешь втайнѣ любоваться.
 За твой подарокъ предъ тобой, Олимпій,
 Какъ раковину, я раскрою сердце
 И поцѣлуевъ сладостныхъ любви
 Разсыплю больше, чѣмъ жемчужинъ въ морѣ!

Обнимаетъ его.

ОЛИМПІЙ, какъ во снѣ, шопотомъ.

Я ожерелье принесу.

ГЕРО.

Я знала,

Я знала это!.. Дорогой мой, милый,
 Ты можешь взять его сейчасъ же, да,
 Сейчасъ. Во храмѣ всѣ теперь уснули...
 Вѣдь тайный ходъ въ святилище богини
 Тебѣ извѣстенъ. Онъ открытъ. Иди,
 Иди скорѣе! Не теряй минуту
 Удобную.

ОЛИМПІЙ, какъ во снѣ.

Да, ты права. А ты
 Здѣсь подожди меня.

Отдаленный громъ.

ГЕРО.

О, нѣтъ! Ты слышишь
 Далекій громъ: боюсь, гроза меня
 Застанетъ.. Я уйду... Прощай, прощай!..
 Я жду тебя всю ночь, всю, до разсвѣта...

Пусть будетъ этотъ поцѣлуй, прощальный
Залогомъ счастья и успѣха. Вотъ!

Припадаетъ къ нему съ долгимъ поцѣлуемъ; потомъ быстро от-
рывается и убѣгаетъ. Олимпій остается нѣсколько мгновений
какъ бы очарованнымъ. Очнувшись, тревожно оглядывается
кругомъ и бросается на террасу храма. Луну закрываютъ тучи.
На сценѣ темно. Нѣкоторое время сцена пуста. Порывъ вѣтра
передъ грозю. Далекія молніи и перекаты грома.

VII:

Туни, потомъ Олимпій.

ТУНИ, выходитъ изъ-за террасы храма.

Какъ потемнѣло вдругъ, какъ быстро тучи
Луну заволокли... Здѣсь голоса
Послышались мнѣ...

Осматривается.

Я обманулась:

Нѣтъ никого.

Садится на скамьѣ.

Тоскливо стонетъ вѣтеръ

Во тьмѣ ночной... Такая же тоска
И тьма такая же въ душѣ у Туни...
Съ тѣхъ поръ, какъ бросилъ онъ меня, брожу
Я точно опоенная отравой...
Я дни и ночи думаю о немъ,
Шепчу во снѣ и наяву неволью
Я имя дорогое мнѣ: Олимпій...
А онъ? Я для него была игрушкой:
Онъ поигралъ и бросилъ, и забылъ...
О, если бъ я могла за униженіе
Ему отмстить!.. Но я... Кто это, боги?!..

Олимпій блѣдный вбѣгаетъ на террасу изъ храма. Молнія и силь-
ные удары грома. Олимпій въ ужасѣ бросается на авансцену.

олимпій.

Бросай, Зевесъ, бросай свои перуны
 Въ лицо мнѣ! И пускай во мракѣ ночи
 На немъ и стыдъ, и ужасъ озарятся
 Огнемъ небесъ! Что сдѣлалъ я! Ужели
 Я это сдѣлалъ? Не во снѣ ль я грежу?
 Нѣтъ, я не сплю... Все это наяву:
 Вотъ онъ уборъ священный Афродиты!
 Вотъ онъ—въ моихъ трепещущихъ рукахъ,
 Отнынѣ оскверненныхъ святотатствомъ!
 О Геро, Геро, демонъ лжи и зла!
 Зачѣмъ склонила ты меня на это
 Безумство подлое! Себя мнѣ стыдно,
 А ты—ты ненавистна мнѣ теперь!..
 И все жъ одно осталось: къ ней идти,
 Отдать ей даръ проклятый преступленья
 И вмѣстѣ съ нимъ отдать во власть ея душу!
 Жить въ вѣчномъ страхѣ, что она откроетъ,
 Когда захочетъ, тайну роковую,
 Извѣстную лишь небу, ей...

ТУНИ, хватаетъ его за руку.

И мнѣ!

ОЛИМПІЙ, съ крикомъ ужаса.

А! Кто ты?!

Притягиваетъ ея лицо къ своему. Свѣтъ молніи.

Туни!

ТУНИ, задыхаясь.

Да, я Туни!

И я все слышала и расскажу...

О, все, все расскажу я: какъ Олимпій
 Сталъ воромъ, какъ поругана богиня
 Изъ-за гетеры подлой и преступной!

олимпій, сжимая ей руку.

Ты не расскажешь.

туни.

Нѣтъ, я расскажу!..

Ужель ее, что у меня украла
Твою любовь, я пожалѣю?

олимпій.

Ты пожалѣть меня должна.

туни.

За что же?

За то ль, что ты меня съ презрѣньемъ бросилъ
Для красоты продажной? Нѣтъ, тебѣ
Я отплачу теперь. Я передъ всѣми
Тебя изобличу: передъ народомъ,
Передъ царицей.

олимпій, съ мрачной рѣшимостью.

Слушай, Туни:

Ты не расскажешь. Если ты падить
Меня не хочешь—пощади себя.
Ты не расскажешь.

туни.

Расскажу!

олимпій.

Не здѣсь,
А тамъ—у волнъ печальныхъ Ахерона!

Поражаетъ ее кинжаломъ. Туни падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Л И Ц А:

Олимпій.

Геро.

Джала, раба-индіянка.

Народъ, женщины, дѣвушки, арфистки, пѣвицы и проч.

Дѣйствіе въ Александріи.

Комната Геро. Стѣны задрапированы золотистой шелковой тканью. Голубой коверъ. Направо бѣлое мраморное кресло съ очень высокой прямой спинкой и мраморной скамейкой для ногъ. Налѣво кедровая кушетка на возвышеніи. Около кушетки, въ изголовьи, на двухъ колонкахъ съ капителями, въ видѣ лотоса, изображенія ибисовъ, держащихъ въ клювахъ серебряныя курильницы. Туалетный столъ съ разными туалетными принадлежностями. Въ глубинѣ сцены широкій пролетъ, закрытый пурпуровой занавѣской. По сторонамъ сидячія каріатиды, поддерживающія архитравъ, надъ пролетомъ. Ночь. Комната освѣщена серебряной яйцевидной лампадой, спускающейся съ потолка на серебряныхъ цѣпяхъ.

I.

Геро и Джала.

Геро сидитъ на мраморномъ креслѣ, откинувъ голову на спинку. Золотыя шпильки въ ея волосахъ образуютъ вокругъ головы какъ бы золотое сіяніе. Руки скрещены на груди такъ, что изъ разставленныхъ пальцевъ съ окрашенными ногтями выходитъ нѣчто въ родѣ краснаго ожерелья. Ноги въ свѣтлыхъ сандаляхъ протянуты на скамейку. У ногъ Геро сидитъ Джала; у нея въ рукахъ струнный инструментъ, похожій на лютню.—

При поднятіи занавѣса слышны далекіе раскаты грома.

ГЕРО, вздрогнувъ.

Ты слышишь, Джала, слышишь: снова громъ!
Гроза все не проходитъ.

ДЖАЛА.

Не тревожься

Грозою, госпожа; во мракѣ ночи
Угаснетъ молній блескъ и громъ заснетъ,
И какъ вчера, съ зарею взглянетъ солнце
На красоту твою и счастье...

ГЕРО.

Счастье!

Ты думаешь—я счастлива?

ДЖАЛА.

А какъ же!

Вѣдь ты прекрасна, молода, тобой
Всѣ восхищаются, тебя всѣ любятъ.

ГЕРО.

Да—всѣ! Ты горькую сказала правду!

ДЖАЛА.

А что жъ тутъ горькаго? Ты скоро будешь
Богата, какъ царица. Каждый день
Тебѣ приносятъ деньги и подарки.
Вотъ хоть бы тотъ сиріецъ, что вчера
Тебя осыпалъ золотомъ...

ГЕРО.

А развѣ

Вчера былъ кто-нибудь?

ДЖАЛА.

Какъ, ты не помнишь?

ГЕРО.

Да, я забыла. Что же, много денегъ
Оставилъ онъ, скажи? Нѣтъ, нѣтъ, молчи!
Мнѣ все равно.

ДЖАЛА.

Онъ говорилъ, что завтра
Опять придетъ.

ГЕРО.

Онъ это говорилъ?

Такъ завтра прогони его и брось
Ему все золото его. Довольно!
Я больше не хочу объ этомъ думать.
Ахъ, все мнѣ это надоѣло, все
Такъ скучно, такъ обыкновенно.

ДЖАЛА.

Въ жизни

Все, госпожа, обыкновенно. Идутъ
За днями ночи, за ночами дни,
И всѣ они похожи другъ на друга.
Такъ было прежде, будетъ такъ всегда.

ГЕРО.

Нѣтъ, Джала, не всегда такъ было, нѣтъ!
 Когда-то, въ давніе вѣка, сходили
 На землю боги и давали счастье
 Любви безумной женщинамъ земнымъ!
 О, если бѣ знала я, въ какихъ лѣсахъ,
 Въ какихъ священныхъ гротахъ и ущельяхъ
 Могла я небожителей найти!
 О, если бѣ знала я, какой молитвой
 Къ себѣ могу безсмертнаго призвать,
 Чтобъ онъ пришелъ, любовь мою и душу
 Навѣки взялъ и все забыть заставилъ:
 И счастье жалкое земли, и горе,
 И то, что мы считаемъ здѣсь добромъ,
 Что зломъ мы называемъ.

ДЖАЛА.

Госпожа,
 Слыхала я, бываетъ такъ на свѣтѣ:
 И человѣка можно полюбить,
 Какъ божество.

ГЕРО.

Да, можно полюбить!

ДЖАЛА.

Тогда пройдетъ тоска и будешь жить
 Однимъ веселіемъ.

ГЕРО.

О, нѣтъ, тогда
 Одною мукой будешь жить, глубокой,
 Неутолимой мукою и жаждой,
 Чтобъ тотъ, кого такъ любишь, раздѣлялъ
 Съ тобою боль и жгучія томленья,
 И слезы, и тоску твоей любви.

ДЖАЛА

Прости мнѣ, неразумной, но тебя
Я не могу понять.

ГЕРО, съ горечью.

И я, быть-можетъ,
Сама себя не понимаю, Джала.

ДЖАЛА.

Я вижу, госпожа, печалью тайной
Томишься ты. Печаль для сердца—ядъ.
Она кладетъ намъ на лицо морщины.
Не отдавайся ей во власть, зови
Къ себѣ веселье, наслажденье, радость...
Не хочешь ли, тебя я развлеку—
Сыграю пѣсню.

ГЕРО.

Хорошо. Сыграй
Мою любимую, что ты слыхала
На родинѣ своей далекой, тамъ,
Гдѣ тихо шелеститъ тростникъ прибрежный
Подъ ласкою волны священной Ганга.
Джала играетъ индусскую мелодію и скандируетъ подъ аккомпаниментъ струнъ слова, чередуясь съ Геро.

ДЖАЛА.

Твои волосы—сіяніе лучей
Звѣздъ небесныхъ въ полуночный, тихій часъ.

ГЕРО.

Мои волосы, какъ волны, что ручей
Тихо льетъ, подъ знойнымъ солнцемъ золотясь.

ДЖАЛА.

Твои очи—голубые два цвѣтка,
Что надъ озеромъ склонились въ грезахъ сна.

ГЕРО.

Мои очи подъ рѣсницами—рѣка,
Что шатромъ зеленыхъ пальмъ осѣнена.

ДЖАЛА.

Твои руки—шеи лебедя бѣлѣй,
Твои пальцы и прозрачны, и тонки.

ГЕРО.

Мои руки будто лиліи полей,
Мои пальцы—бѣлыхъ лилій лепестки.

ДЖАЛА.

Твои плечи...

ГЕРО, порывисто вставъ.

Тише, тише, Джала!

Джала прерываетъ мотивъ. Геро прислушивается.

Тамъ слышатся шаги?.. Да... Это онъ!
Введи его!.. введи скорѣй!.. не медли!..

Джала быстро уходитъ, Геро, блѣднѣя, хватается за ручки
кресла, чтобы не упасть.

О, я умру... Не вынесешь ты, сердце,
Минуты ожиданья.

Входитъ Олимпій. Она бросается къ нему.

Олимпій!

II.

Геро и Олимпій.

Олимпій молча показываетъ Геро ожерелье Афродиты.

ГЕРО.

Ты это сдѣлалъ?

ОЛИМПІЙ.

Да. Какъ ты сказала.

ГЕРО, бросается къ его ногамъ въ
восторженномъ порывѣ.

О, я люблю тебя! Люблю! люблю!
Я въ жизни никогда не испытала
Того, что чувствую я въ этотъ мигъ!
Узнала я, узнала, наконецъ, я,
Что значитъ полюбить душой, узнала!
Возлюбленный, склоняюсь предъ тобой,
У ногъ твоихъ: ты божество для Геро!
Никто такъ не любилъ меня, какъ ты,
Того, что сдѣлалъ ты, никто не дѣлалъ...
Нѣтъ, не могу, ты видишь—не могу
Я больше говорить... въ груди трепещетъ
Восторгомъ сердце... подступаютъ слезы...
Могу я только плакать... Вотъ теперь
Я знаю, что такое значитъ плакать!
О, это значитъ слишкомъ быть счастливой,
Изнемогать отъ счастья... Олимпій,
Мой дорогой, любимый мой, приди,
Приди ко мнѣ...

Но ты не отвѣчаешь?
Молчишь ты?.. Что съ тобой?

олимпій, показываетъ руки.

Смотри. Ты видишь?

ГЕРО.

О, небо! Руки у тебя въ крови!

олимпій.

Да, это кровь... И этими руками,
Что окровавлены, я приношу тебѣ
Даръ преступленья и позора! Вотъ,
Возьми его!

Бросаетъ къ ея ногамъ ожерелье.

И вмѣстѣ съ нимъ прими

Мое проклятіе. Затѣмъ — прощай.

ГЕРО.

Какъ?.. Что сказалъ ты?

ОЛИМПІЙ.

Я сказалъ: прощай.
 Меня ты больше не увидишь, Геро.

ГЕРО.

Нѣтъ, это невозможно... Я тебя
 Не понимаю... Ты мнѣ говоришь,
 Что ты убилъ... Зачѣмъ?.. Кого убилъ ты?

ОЛИМПІЙ.

Убилъ я Туни. Видѣла она,
 Какъ вышелъ я изъ храма... и хотѣла
 Изобличить меня.

ГЕРО.

И ты?.. Какое
 Ужасное и горькое несчастье!..
 Ахъ, я не думала, не знала я,
 Что такъ случится... Если бы могла
 Я это знать, повѣрь мнѣ, никогда бы
 Тебя на преступленіе такое
 Склонять не стала я...

ОЛИМПІЙ.

Благодарю
 За кроткое твое великодушье,
 Хоть жаль одно: ты опоздала съ нимъ!
 Ты святотатцу, подлою рукою
 Сорвавшему съ кумира божества

Священное сокровище, могла бы
 Отдаться всей душою? Но убійство
 Тебя страшить, тебя пугаетъ кровь?
 Такъ знай же, прежде чѣмъ вотъ эти руки
 Пришлось мнѣ обогреть чужою кровью—
 Я душу для тебя убилъ свою!
 Да, душу я убилъ. О, ты меня
 Не понимаешь?.. Но зато теперь
 Я понялъ самого себя, я понялъ,
 Что сдѣлалъ я, что сдѣлала со мною
 Ты, женщина безчестная!..

ГЕРО.

Олимпій!..

Олимпій! Пощади!.. Дай мнѣ сказать!..
 Дай все сказать мнѣ, все...

олимпій.

Что скажешь ты?

Ты будешь вновь змѣею извиваться
 Въ словахъ лукавыхъ, чтобы вновь прельстить,
 Околдовать меня, затмить мнѣ душу
 И совѣсть затуманить. Нѣтъ напрасно
 Все это будетъ. Какъ огонь костра
 Кровавымъ блескомъ озаряетъ ночи
 Пугающую тьму, такъ преступленье
 Передо мною страшно озарило
 Всю бездну роковую твоего
 Жестокаго, испорченнаго сердца!..
 Зачѣмъ своей волшебной красотою,
 Лучами глазъ и золотомъ волосъ,
 И ласкою манящихъ поцѣлуевъ
 Заворожила ты меня? Зачѣмъ,
 Объятаго безумнымъ изступленьемъ
 Желанья страстнаго, меня толкнула
 Ты на позорное и злое дѣло,

Одно воспоминанье о которомъ
 Мнѣ сердце жжетъ огнемъ стыда и муки?
 Зачѣмъ? Ну, говори? Что жъ ты молчишь
 И только слезы льешь изъ глазъ молящихъ?

ГЕРО, рыдая.

Прости, прости мнѣ... Ты вѣдь зналъ, ты знаешь,
 Зачѣмъ я это сдѣлала... Тебя
 Любила я съ безумною тоскою.
 Ты для меня былъ высшимъ божествомъ,
 И я себя считала недостойной
 Твоей любви... И думала я: если
 Ты завладѣешь этимъ бѣднымъ сердцемъ
 Безъ жертвы роковой, меня сочтешь
 Ты прихотью минутной и ничтожной
 И бросишь, какъ порой цвѣтокъ бросають,
 Налюбовавшись красотой его
 И насладясь его благоуханьемъ.

олимпій.

А, ты хотѣла жертвы отъ меня,
 Ты этимъ думала связать навѣки
 Себя со мной. А думала ли ты,
 Что эта жертва роковою будетъ
 Намъ гибелью? А думала ли ты,
 Что божество, поруганное мною
 Изъ-за тебя, отмститъ тебѣ и мнѣ?
 Не думала? И я не думалъ тоже,
 Когда, покорный наводенью страсти,
 Прокрался я въ святилище богини...
 Но мнѣ уже отмстила Афродита:
 Я въ храмъ вошелъ безумцемъ изступленнымъ,
 А вышелъ святотатцемъ изъ него
 И за порогомъ храма сталъ убійцей!
 Теперь еще одну ступень осталось
 Мнѣ перейти, послѣднюю ступень,

И сдѣлаться любовникомъ гетеры,
 Чтобъ человѣка загубить въ себѣ,
 Чтобъ стать рабомъ безъ воли и безъ мысли,
 И умъ, и сердце—все отдать во власть
 Ничтожеству ея и своенравью!

ГЕРО.

Не говори, Олимпій, такъ, не думай!
 Теперь ты властелинъ мой. Я отдамъ
 Тебѣ навѣки жизнь мою. Возьми,
 Все, все возьми, что есть въ моей душѣ
 Святого, чистаго! Возьми себѣ
 Мою всю душу! О, клянуся небомъ!
 Я никому ея не отдавала,
 Нѣтъ, никому! Я дѣвственность ея
 Хранила для тебя, какъ даръ безцѣнный.
 Я торговала красотой своей,
 Но никогда любви моей святыню
 Не продавала я, и приношу
 Ее тебѣ, какъ божеству приносятъ
 Моленія.

олимпій.

Ты лжешь сама себѣ,
 И мнѣ ты лжешь въ безумномъ ослѣпленьи!
 Ты не возвысилась своей любовью!
 Нѣтъ, обольстивъ меня соблазномъ подлымъ,
 Еще ты ниже пала и упасть
 Заставила меня съ собою вмѣстѣ
 Въ грязь преступленья. Ты полна восторгомъ,
 И торжествуешь ты: вѣдь твой позоръ
 Теперь померкъ передъ моимъ позоромъ.
 Ты радуешься низко, что такимъ
 Меня ты сдѣлала, какимъ хотѣла.
 Ты завладѣла мною и меня
 Ты, какъ вола съ веревкою на шеѣ,
 Какъ пса на привязи, ты повела

На гибель, поманивъ соблазномъ страстнымъ
 Твоихъ любовныхъ чаръ... И я пошелъ
 Въ священный храмъ, гдѣ въ образѣ богини
 Я воплотилъ мои святые грезы
 О красотѣ небесной и любви.
 Надъ божествомъ, мной созданномъ въ экстазѣ
 Молитвеннаго вдохновенья, самъ
 Я гнусно надругался и, похитивъ
 Его святыню, продалъ вмѣстѣ съ нею
 И геній творческій, и честь и душу
 За обѣщанье ласкъ продажныхъ! Рабство—
 Вотъ имя страсти. Вѣдь у васъ у всѣхъ
 Одна мечта, чтобъ слабостью своею
 Мужчины силу побѣдить и разумъ.
 Нѣтъ, не любить и быть любимой вы
 Желаете: вамъ хочется унижить
 Того, кто вашей обольщенъ красой,
 Столкнуть его во прахъ, пригнуть къ землѣ
 И чувствовать, что голова его
 Подъ вашу ногу... О, проклятье!

ГЕРО.

За что какъ будто огненнымъ бичемъ
 Укорами ужасныхъ подозрѣній
 Безжалостно ты мнѣ терзаешь сердце?
 Виновна я въ безуміи соблазна,
 Но вѣрь, Олимпій, вѣрь мнѣ, никогда
 Ни на яву, ни даже въ сонныхъ грезахъ
 О власти надъ тобой я не мечтала.
 Всѣ думы и мечты мои сливались
 Въ одномъ желаньи: быть твоей рабою
 Покорною,—и ею для тебя
 Отнынѣ буду я. Твои страданья
 Я раздѣлю съ тобою, и забудешь
 Ты преступленье этой страшной ночи
 Въ моихъ объятіяхъ...

олимпій.

Забуду?—Нѣтъ!

Слыхала ты, какъ въ давніе вѣка
 Сынъ Клетемнестры, матери убійца,
 Вездѣ скитался въ ужасѣ и видѣлъ
 Передъ собой Ириній блѣдныхъ лики,
 Съ шипящими змѣями въ волосахъ,
 Съ проклятьями въ устахъ. Вотъ такъ и я:
 Гдѣ бъ ни былъ я, куда бы ни пошелъ,
 Вездѣ я буду слышать тайный шопотъ:
 «Убійца и святыни осквернитель!»
 На лицахъ всѣхъ отгадывать я буду:
 Узнали про мою вину иль нѣтъ!..
 И ты, что жизнь мнѣ отравила, ты,
 Укравшая спокойствіе мое,
 Мнѣ говоришь: иди ко мнѣ въ объятія
 И обо всемъ забудь, живи одной
 Моей безумной, демонской любовью!..
 Прочь отъ меня! Тебя я ненавижу!

ГЕРО.

О, если такъ, убей меня, убей
 Изъ жалости! Вѣдь все равно умру я,
 Когда меня покинешь ты. Той жизнью,
 Которою донинѣ я жила,
 Нельзя мнѣ жить теперь. Убей меня!
 Смерть отъ твоей руки мнѣ будетъ счастьемъ!

олимпій.

Довольно мнѣ и одного убійства
 Изъ-за тебя. На что мнѣ смерть твоя?
 Моей вины и моего позора
 Ты смертію своею съ меня не снимешь
 И оправдать передъ самимъ собой
 Не можешь ты.

ГЕРО.

А если бь оправдала

Я предь людьми тебя цѣною жизни,
 И если бы вину тѣхъ преступлений,
 Что сдѣлалъ ты, я на себя взяла,—
 Простилъ бы ты меня тогда, Олимпій,
 За все то зло, что сдѣлала тѣбѣ я?
 И памяти несчастной, бѣдной Геро,
 Погибшей за тебя, ты возвратилъ бы
 Свою любовь?

олимпій.

Не говори о томъ,
 Что было бы безумьемъ и чего ты
 Не можешь сдѣлать.

ГЕРО.

Умереть могу я,
 Когда хочу. Любовь не въ нашей волѣ
 И ненависть, а въ смерти властны мы.
 Одинъ ударъ ножа, одинъ лишь шагъ
 Съ утеса, что повисъ надъ бездной моря —
 И съ жизнію, съ мученьями ея,
 Съ невѣрными мечтами о блаженствѣ
 Земного счастья и съ вѣрнымъ горемъ
 Расчетъ поконченъ!.. Я умру, Олимпій,
 И ты тогда поймешь, какъ я тебя
 Любила беззавѣтно, какъ страдала,
 Когда меня отвергнулъ ты...

За сценой слышны музыка и пѣніе.

Что это?

Она идетъ къ выходу и открываетъ зававѣску. Въ глубинѣ сцены видна набережная и море. Начинающійся разсвѣтъ. Толпа народа,—мужчины, женщины, дѣвушки, въ разноцвѣтныхъ праздничныхъ одеждахъ: бѣлыхъ, голубыхъ, розовыхъ, зеленыхъ, желтыхъ,—медленно проходитъ съ зажженными факелами, съ корзи-

нами цвѣтовъ, жертвенными голубями, съ гирляндами и вѣнками. Впереди въ бѣлыхъ, расшитыхъ золотомъ одеждахъ идутъ съ арфами, лирами, флейтами и систрами пѣвцы и музыкантши.

Пѣніе подъ аккомпаниментъ арфъ, флейтъ и лиръ.

ХОРЪ, за сценой.

Въ пѣнѣ волнъ морскихъ рожденная,
 Къ женамъ, къ дѣвамъ благосклонная
 Ты пріемлешь ихъ моленія.
 Мать любви и наслажденія,
 Мать и неба и земли,
 На землѣ и въ небѣ властная,
 Златокудрая, прекрасная,
 Афродита, намъ внимли!

ГЕРО, возвращается къ Олимпію.

Олимпій, видѣлъ ты, народъ прошелъ
 На праздникъ Афродиты? Слышалъ гимнъ
 Молитвенный: онъ прозвучалъ неожиданнымъ
 Призовомъ неба для меня!

Въ мистическомъ порывѣ.

Тамъ, въ храмѣ,
 Предъ алтаремъ богини, оскорбленной
 Тобой и мной, я вымолю для насъ
 Прощеніе. Она проститъ и приметъ
 Послѣднюю, святую жертву Геро —
 Жизнь, отданную за любовь. Иду!

Поднимаетъ съ ковра ожерелье Афродиты и бросается къ выходу. Олимпій остается пораженный. За сценой звучать отдаленные звуки музыки и послѣднія слова гимна: «Златокудрая, прекрасная, Афродита, намъ внимли».

ЗАНАВѢСЪ МЕДЛЕННО ОПУСКАЕТСЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Л И Ц А:

Олимпій.

Геро.

Береника, царица.

Верховный жрецъ Афродиты.

Туни, его жена.

Нократесъ, философъ.

Аристипъ.

Врачъ.

Тимо.

Мирто.

Дафна.

Музоріона.

} Куртизанки.

Доротя, дѣвочка 15 лѣтъ.

Первый.

Второй.

} Граждане.

Куртизанки, народъ, пѣвцы, пѣвицы-музыкантши, стража царицы, рабы.

Дѣйствіе въ Александріи.

Декорація перваго дѣйствія.—Восходъ солнца.

I.

Дафна, Тимо, Мирто, Музоріона и другія дѣвушки и женщины выходятъ слѣва. Въ рукахъ у всѣхъ различныя приношенія Афродитѣ; корзины съ цвѣтами, вѣнки, миртовыя вѣтки, покрывала, драгоцѣнности, голуби. Оживленная веселая группа. Говорѣтъ.
Смѣхъ.

ТИМО.

Мы, однако, забрались на праздникъ слишкомъ рано.
Храмъ еще не отворили.

МИРТО.

Что ты приносишь въ даръ богинѣ?

ТИМО.

Покрывало. Вышила золотомъ сама.

ДАФНА.

Покажи-ка, покажи.

Тимо показываетъ. Ее окружаютъ другія куртизанки.

МИРТО.

Прелесть! Чудо!

МУЗОРІОНА.

Это Адонисъ и Афродита? Очаровательно!

МИРТО.

Неужели ты сама вышивала?

ТИМО.

Все, до послѣдняго цвѣточка.

ДАФНА.

Ну, Тимо, потрудились же ты.

ТИМО.

Да какже не трудиться для богини? Она была такъ благосклонна ко мнѣ.

ДАФНА.

Да, ты счастливая. Афродита тебя любить и посылаетъ тѣбѣ однѣ радости. А вотъ мнѣ...

ТИМО.

Ты все тоскуешь объ Олимпіи? Бѣдненькая. Что же у тебя для Афродиты?

ДАФНА.

А вотъ—золотой браслетъ въ видѣ змѣи. Пусть вокругъ шеи того, кто меня покинулъ, Афродита обовьетъ мою ненависть и месть, какъ эта змѣя обвивала мои руки.

МУЗОРІОНА.

Какая ты злая, Дафна. Вѣдь ненавистью не воротишь любви.

ДАФНА.

Тебѣ хорошо говорить: злая. Твой Клеомень два года не расстаётся съ тобой, не хочетъ ни на кого глядѣть и осыпаетъ тебя золотомъ. Вонъ, я вижу, ты принесла богинѣ голубка и голубку.

МУЗОРІОНА.

Да. Это я и Клеомень. У голубки крылья бѣлыя, какъ мои руки, и лапки красныя, какъ мои губы.

ТИМО, МИРТО и другія куртизанки
вмѣстѣ.

Ну, ну, не хвались, пожалуйста, своею красотой. Вѣдь ужъ мы давно знаемъ, что ты красива и что безъ ума отъ своего Клеомена.—И онъ отъ тебя.

ДОРОТЕЯ, подходит и бросается на шею Музоріонѣ.

Ахъ, какъ бы я хотѣла быть такой красивой, какъ ты, Музоріона.

МУЗОРИОНА, цѣлуетъ ее.

Здравствуй, милая Доротея.

ТИМО, МИРТО и прочія.

Ахъ, крошка!—И ты пришла на праздникъ Афродиты.—Что же ты принесла въ даръ богинѣ?—Смотрите, смотрите: у ней маленькій вѣнчекъ изъ шафрана!—Бѣдненькая!—Да вѣдь жрецъ осмѣетъ тебя за такое приношеніе.

ДОРОТЕЯ, сквозь слезы.

Что же вы смѣетесь? Правда, я бѣдна. У меня нѣтъ ни золота, ни серебра для богини, ни роскошныхъ цвѣтовъ, какъ у васъ. Но я принесу ей больше, чѣмъ вы.

КУРТИЗАНКИ, смѣются.

Вотъ какъ!—Скажите, пожалуйста!—Что же такое ты принесешь Афродитѣ?

ДОРОТЕЯ.

Я посвящаю богинѣ свою жизнь. Я хочу жить въ садахъ ея храма, я отказываюсь отъ свѣта.

КУРТИЗАНКИ.

Каково!—Едва отъ земли видно, а ужъ хочетъ посвятить себя богинѣ. — Полно крошка!—Подожди еще.—Тебѣ еще надо вырасти.

Смѣясь, цѣлуютъ ее и тормошатъ. За сценой отдаленная музыка и чуть слышное пѣніе.

ТИМО, МИРТО и другія.

А, процесія подходитъ.—Пора бы и храмъ отворить.—Что это жрецы медлятъ.

Справа выходитъ группа мужчинъ: Нократесь, Аристипъ и др.

II.

Тѣ же, Нократесь, Аристипъ.

ТИМО.

Смотрите, смотрите: даже Нократесь пришелъ на праздникъ богини.

МИРТО и ДАФНА.

Какой Нократесь? — Торговецъ ароматами изъ Бубасты?

ТИМО.

Нѣтъ, тотъ умный. А этотъ—другой. Этотъ совсѣмъ дуракъ. Философъ. Онъ далъ обѣтъ молчанія, не говоритъ ни одного слова и только молчитъ.

МИРТО.

Какъ это хорошо для него, если онъ дуракъ: по крайней мѣрѣ, не говоритъ глупостей.

ТИМО.

Еще бы не хорошо! Онъ до того домолчался, что всѣ въ Александріи считаютъ его умнымъ.

Куртизанки смѣются.

Здравствуй, Нократесь.

Нократесь останавливается, взглядываетъ на нее, киваетъ головой и, торжественно, медленно проходитъ.

МИРТО.

Голубушка, Тимо, потѣшь...

Шепчетъ ей на ухо, смѣясь.

Можетъ, онъ заговорить. Мнѣ ужасно хочется, чтобы онъ заговорилъ.

ТИМО, смѣясь, киваетъ головой, подбѣгаетъ къ Нократесу и останавливаетъ его за руку.

Что же, почтенный Нократесь, ты ничего не отвѣтилъ мнѣ? Скажи хоть одно словечко для праздника Афродиты. Богиня разрѣшитъ тебѣ твой обѣтъ молчанія... Ну, если не можешь сказать слова, такъ хоть поцѣлуй меня въ лобъ въ знакъ привѣта.

Подставляетъ ему лобъ для поцѣлуя. Нократесь важно наклоняется и цѣлуетъ ее. Тимо потихоньку, за его спиной, протягиваетъ руку и сдергиваетъ у него съ головы парикъ.

Ахъ, прости, я нечаянно задѣла.

Вѣ куртизанки покатываются со смѣху. Нократесь нѣкоторое время стоитъ, какъ потерянный; потомъ съ гнѣвомъ бросается поднять парикъ, но Мирто предупреждаетъ его: она схватываетъ парикъ и прижимаетъ его къ груди съ видомъ комическаго благоговѣнія.

МИРТО.

Почтенный Нократесь, умоляю тебя, оставь его мнѣ. Я принесу эти священные волосы съ твоего мудраго чела въ даръ Афродитѣ.

КУРТИЗАНКИ, съ хохотомъ окруживъ Нократеса.

Да, да, почтенный Нократесь.—Въ даръ богинѣ.— Неужели ты не можешь пожертвовать его.—Просимъ тебя.—Правда, на твоёмъ мудромъ челѣ не останется ни одного волоска.—Но вѣдь зато у тебя есть борода.—И какая длинная, точно у козла.

Философъ старается отнять парикъ у Мирто, въ гнѣвѣ, порывается говорить и браниться и едва сдерживается, заикаясь и тараща глаза.

НОКРАТЕСЪ, вырвавъ, наконецъ, парикъ у Мирто, убѣгаетъ, покрывая на ходу имъ голову.
Трещотки!

КУРТИЗАНКИ, хохочутъ и аплодируютъ ему вслѣдъ.

Браво, браво, Нократесъ!—Браво! Твоя философія молчанія не выдержала.—Заговориль-таки, мудрецъ.—Запѣль филинъ! Ха, ха, ха...

III.

Тѣ же и Аристипъ.

АРИСТИПЪ, пьяный, пошатываясь.

Мой привѣтъ, красавицы. У васъ тутъ, я вижу, того... веселье?

КУРТИЗАНКИ.

А, Аристипъ! — Толстый Аристипъ. — Здравствуй, Аристипъ, полный кубокъ. — Раздутый мѣхъ съ виномъ, здравствуй.

МИРТО.

Что это? ты тоже собрался на праздникъ?

АРИСТИПЪ.

На какой праздникъ, красавицы? Развѣ тутъ праздникъ?

Куртизанки смѣются.

МИРТО.

Вотъ это хорошо! Да для чего же ты такъ рано поднялся и пришелъ сюда?

АРИСТИПЪ.

Рано? Развѣ теперь рано?

Оглядывается и соображаетъ.

А вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, ты, кажется, права: какъ будто солнце только что всходитъ. Гм... Зачѣмъ же я рано поднялся? Да я, моя красавица, совсѣмъ не поднимался, потому что я еще не ложился сегодня.

КУРТИЗАНКИ, смѣются.

Какъ не ложился? Откуда же ты идешь?

АРИСТИПЪ.

Съ оргіи, красавицы, съ оргіи. Чего вы смѣтаетесь? Превеселыя вы, клянусь Бахусомъ! Превеселыя... Такъ вы говорите, тутъ у васъ праздникъ?

ТИМО.

Да какъ же: праздникъ Афродиты.

АРИСТИПЪ.

А! то-то, я вижу, вы всѣ принарядились. И того... съ приношеніями: цвѣточки, голубочки, вѣночки... Мило, мои красавицы, очень мило... очень...

МИРТО.

Вотъ и ты бы, Аристипъ, принеси что-нибудь богинѣ.

АРИСТИПЪ.

Афродитѣ? Нѣтъ, красавица, это не по моей части. Афродита—это по вашей части... Да... я жертвую только Бахусу. Я вотъ въ прошломъ октябрѣ пожертвовалъ ему цѣлую бочку.

МИРТО.

Съ виномъ?

АРИСТИПЪ.

Пустую, милая Мирто, пустую. Я предварительно выпилъ ее всю во славу Бахуса.

Куртизанки смѣются. За сценой музыка и пѣніе.

КУРТИЗАНКИ.

А, вотъ и процессія подходитъ. Процессія, процессія!

IV.

Выходятъ съ лѣвой стороны сцены: мужчины и женщины, въ пестрыхъ праздничныхъ одеждахъ, арфистки, флейтистки, пѣвицы.
Музыка и пѣніе.

ХОРЪ, подъ аккомпаниментъ арфъ и лиръ.

Ты иришла сіяя красотою дивною,
Въ часъ, когда катилась, будто жемчугъ, пѣна
По волнамъ лазурнымъ, при лучахъ зари...
Мы къ тебѣ возносимъ гимнъ мольбы призывный:
Матерь Афродита-Анадіомена
Сладкою любовью жизнь намъ озари!

Часть толпы, во время пѣнія, подвигается къ террасѣ храма и въ глубину сцены; другая часть переходитъ къ деревьямъ направо.

ОДИНЪ ИЗЪ ТОЛПЫ.

Смотрите, смотрите, кто это тутъ за деревьями?
Боги, да вѣдь это мертвецъ!

Нѣсколько челоуѣкъ толпятся около деревьевъ.

ДРУГІЕ ГОЛОСА.

Гдѣ? гдѣ? — Что такое? — Трупъ. — Трупъ женщины. — Она убита. — Кто убитъ? — Женщина, видите,

мертвая женщина. Какой ужасъ!—Она еще тепла.— Она жива. — Нѣтъ, мертвая. — Жива, говорю вамъ, дышетъ.—Поднимите ее.—Осторожнѣе, осторожнѣе.— Сюда, сюда.

Выносятъ на авансцену окровавленную Туни. Мужчины, женщины, всѣ окружаютъ ее въ смятеніи.

V.

Тѣ же и Туни.

ГОЛОСА МУЖЧИНЪ И ЖЕНЩИНЪ.

Жива, жива, дышетъ.—Сколько крови.—Откиньте волосы съ ея лица.—Вотъ, вотъ такъ.—Боги, да это жрица. — Туни. — Она, она, я ее хорошо знаю. — Да, да, это жена жреца, Туни...

Нѣсколько голосовъ вмѣстѣ.

Жена жреца! Какое ужасное преступленіе.

ГОЛОСА ВЪ ТОЛПѢ.

Нѣтъ ли здѣсь врача. — Врача!

ВРАЧЪ, выдѣляется изъ толпы.

Я врачъ. Постойте, отстранитесь.

ГОЛОСА.

Врачъ. — Врачъ. — Мудрый Калимахъ. — Разступитесь. — Мѣсто врачу.

ВРАЧЪ, наклоняется надъ Туни и приподнимаетъ ей голову.

Она еще жива. Воды, дайте воды.

ГОЛОСА.

Воды. — Бѣгите къ фонтану. — Воды.

Приносятъ воду изъ фонтана. Врачъ смачиваетъ край своей одежды и прикладываетъ къ головѣ Туни. Толпа, затаивъ дыханіе, смотритъ.

ГОЛОСА, тихо.

Оживаетъ. — Вздохнула. — Пошевелилась...

Въ это время золотыя двери храма отворяются и на террасѣ появляется верховный жрецъ въ сопровожденіи другихъ жрецовъ. Весь народъ обращается къ нему, за исключеніемъ врача и двухъ человѣкъ, остающихся возлѣ Туни.

IV.

Тѣ же и жрецъ.

ЖРЕЦЪ, воздѣвъ руки, къ народу.

Горе! Горе! Горе!

Неизреченное, неслыханное горе!

Внемли народъ, собравшійся на праздникъ

Любви подательницы Афродиты!

Изъ устъ моихъ, что столько лѣтъ вѣщали

Тебѣ благословенія богини,

Въ священный этотъ день услышишь ты

Ужасную, какъ громъ небесный, вѣсть!

Оскорблена богиня несказанно,

Поругана въ святилищѣ своемъ:

Невѣдомой рукою святотатца

Похищена святыня — ожерелье

Жемчужное богини.

ГОЛОСА.

— Какъ! Изъ храма

Украденъ жемчугъ Анадіомены? —

— Уборъ священный снять съ богини? —
Кѣмъ?

— Кто нечестивый святотатецъ?—
Гдѣ онъ?

ЖРЕЦЪ.

Кто посягнулъ на злое — неизвѣстно.
Во тьмѣ ночной потайнымъ ходомъ воръ
Въ святилище прокрался, даръ небесный
Похитилъ дерзновенно и сокрылся
Въ ночную тьму, откуда онъ исшелъ,
Но кто бъ онъ ни былъ, гдѣ бы ни таился,
Его постигнетъ кара божества...
По власти, мнѣ дарованной отъ неба,
Днесъ призываю на его главу
Преступную проклятье Афродиты
И всѣхъ боговъ небесъ и преисподней!

ГОЛОСА.

— Проклятіе!—Проклятье святотатцу!
— Проклятіе!

ЖРЕЦЪ.

Такое преступленье
Ужасное—предвѣстіе иныхъ
Ужасныхъ преступленій. Зло въ семь мірѣ
Не ходитъ одиноко: за собою
Оно ведетъ другое зло...

ВРАЧЪ, выступая впередъ.

Печальнымъ

Пророчествомъ звучать твои слова,
Но то, что предрекаешь ты, свершилось...
Сдержи страданья сердца своего
И погляди сюда: вотъ злое дѣло,
Рожденное вослѣдъ за святотатствомъ.

Онъ отстраняетъ знакомъ толпу и показываетъ на Туни.

ЖРЕЦЪ, бросается къ Туни.

О, боги! Туни! Мертвая?

ВРАЧЪ.

Осталась

Въ ней жизнь еще на нѣсколько мгновеній.
Смотри, она очнулась...

ЖРЕЦЪ.

Туни... Туни...

Жена моя возлюбленная... слышишь—
Меня ты? Слышишь?.. Что съ тобой, скажи...
Хоть слово только, слово...

ТУНИ.

Умираю...

Прости меня... прошай...

Снова впадаетъ въ обморокъ.

ЖРЕЦЪ

Кто это сдѣлалъ?..

Кто, бѣдная моя, сгубилъ тебя?..
За что?.. за что?.. за что?..

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Ее нашли мы

Вонъ тамъ подъ деревомъ... А вотъ кинжалъ,
Которымъ закололъ ее убійца,
Онъ здѣсь валялся у скамьи...

ВТОРОЙ.

Здѣсь кровью

Обагрена земля. Злодѣй, должно быть,
Тутъ поразилъ ее... и отползти
Несчастливая старалась къ храму...

ЖРЕЦЪ.

Туни,

Очнись... очнись... Ты узнаешь меня?..

Ты узнаешь...

ТУНИ, придя въ себя, прерываю-
щимся шопотомъ.

Дай руку... Я должна...

Сказать тебѣ... все, все сказать...

Охъ, тяжело... я задыхаюсь... слушай...

Убійца... въ храмъ... богини ожерелье...

Я не могу... убійца...

Умираеть.

ВРАЧЪ, наклоняясь надъ ней.

Умерла.

ЖРЕЦЪ,

Да, умерла...

Съ рыданіемъ припадаетъ къ трупу Туни, потомъ встаетъ и торжественно обращается къ окружающимъ.

Вы всѣ, что предстоите.

Здѣсь предъ кровавой жертвой преступленья,

Вы поняли ея предсмертныхъ словъ

Свидѣтельство ужасное: погибла

Она отъ той же проклятой руки,

Которая совершила святотатство!

ГОЛОСА.

— Да, да! Она сказала, умирая.

— Она сказала это! да...

ЖРЕЦЪ.

Падемъ во прахъ,

Главы посылемъ пепломъ и рыдая

Съ молитвою къ богинѣ воззовемъ
О мести праведной!

Воздѣваетъ руки къ небу. Народъ падаетъ на колѣни. Женщины
съ плачемъ бьются о землю головой, разметавъ волосы.

О, Афродита,

Владычица и неба, и земли!

Въ отчаяніи скорбномъ прибѣгаемъ
Къ тебѣ съ моленьями и со слезами:

Услышь насъ, оскорбленная богиня!

Яви твою божественную силу,

Твой гнѣвъ карающій—и порази

Небесной, страшной казню убійцу

И святотатца! О, приди на помощь

Къ народу твоему, что, содрогаясь

Отъ ужаса и горя, въ день священный,

Передъ поруганнымъ и оскверненнымъ храмомъ

Возноситъ вопль о мщеньи! Укажи

Преступника, да не падетъ проклятье

Его вины на весь народъ! Приди!

Геро выходитъ изъ дверей храма и останавливается на верхнихъ ступеняхъ лѣстницы. Лѣвой рукой она поддерживаеъ надъ головою развѣвающееся красное покрывало. Въ правой рукѣ держитъ зеркало. Восходящее солнце бросаетъ красноватый отблескъ на ожерелье Афродиты, жемчуги котораго горять, какъ рубины, на груди Геро. При видѣ ея вся толпа на мигъ замираетъ отъ изумленія и благоговѣйнаго восторга.

VII.

Тѣ же и Геро.

ГОЛОСА НАРОДА.

— Смотрите: Афродита! Афродита!

— О, чудо! — Низошла сама богиня

На зовъ моленій нашихъ.—Ожерелье

Жемчужное—на ней!—Священный жемчугъ
 Себѣ богиня возвратила!—Чудо!
 — Хвала богинѣ Анадіоменѣ!
 — Хвала! — Хвала! — Преклонимся предъ свѣтомъ
 Ея небесной красоты! — Хвала!

Необычайно восторженное волненіе въ народной толпѣ. Одни падаютъ ницъ, другіе простираютъ руки къ Геро.

ЖРЕЦЪ, находившійся нѣкоторое
 время подъ влияніемъ общаго экстаза, опомнившись.

Безумцы, ослѣпленные безумцы!
 Умолкните! Очнитесь! Укротите
 Восторгъ кощунственный! Вглядитесь: кто
 Стоитъ предъ вами на порогѣ храма!
 Вы приняли гетеру за богиню!

Движеніе въ толпѣ.

ГОЛОСА.

Не Афродитѣ это?—Нѣтъ!—Такъ кто же?
 — Да это—Геро!—Быть не можетъ!—Геро
 Златоволосая!—Она! она!—На ней
 Богини ожерелье!—Да.—Откуда жъ
 Она взяла святыню?

ГЕРО, въ мистическомъ экстазѣ.

Да, я—Геро!

Я въ образѣ священномъ Афродиты
 Стою предъ вами. На груди моей
 Священный жемчугъ. Я его украла
 Изъ храма. Я убила жрицу Туни.
 Я это сдѣлала—вы слышите ли—я!

Минута общаго оцѣпенѣнія и безмолвія. Потомъ страшный взрывъ
 народной ярости.

ГОЛОСА МУЖЧИНЪ И ЖЕНЩИНЪ.

— Смерть святотаткѣ!—Смерть убійцѣ!—Смерть!
— На ключья разорвать ее!—Распятъ
Гетеру подлую!

Народъ бросается къ Геро. Изъ глубины сцены, слѣва, показываются носилки царицы. Ихъ несутъ восемь черныхъ рабовъ. Носилки изъ вызолоченнаго кедра, украшены символическими изображеніями ястреба, сфинкса съ двойною короною и льва. Надъ сидѣньемъ родъ зонта въ видѣ распушеннаго опахала. Царица держитъ въ рукахъ лиліеобразный скипетръ. На головѣ діадема. За носилками стража.

VIII.

Тѣ же и Береника.

БЕРЕНИКА, къ народу, повелительно.

Остановитесь!

НАРОДЪ, отступаетъ.

— Царица! Царица! Тише! Царица!

Крики смолкаютъ. Нѣкоторые преклоняютъ головы; другіе падаютъ на колѣни.

ЖРЕЦЪ, выступивъ впередъ.

Властительница! Радостнымъ привѣтомъ
И твой народъ, и мы, жрецы богини,
Должны бы нынѣ встрѣтить твой приходъ
На свѣтлый праздникъ Анадіомены,
Но преступленье страшное...

БЕРЕНИКА.

Я знаю.

Я видѣла и слышала.

Къ Геро, медленно, оглядывая ее властнымъ и мрачнымъ взглядомъ.

Зачѣмъ

Ты это сдѣлала?

ГЕРО.

Любила я

И за любовь я умереть хотѣла.

БЕРЕНИКА.

Въ твоихъ словахъ нѣтъ смысла. Ты безумна.

НАРОДЪ.

Смерть святотаткѣ и убійцѣ!

БЕРЕНИКА.

Слышишь?

Твоя судьба сейчасъ должна свершиться.

ГЕРО.

Я жду свою судьбу и смерть зову!

БЕРЕНИКА, къ народу.

Народъ! Я слышала твой правый судъ.

Еще на небѣ не угаснетъ солнце —

Преступная гетера приметъ казнь.

Стражѣ.

Въ темницу отвести ее!

Стража окружаетъ Геро.

НАРОДЪ.

Распятъ

За поруганье божества убійцу!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Л И Ц А:

Олимпій.
Геро.
Мирто.
Тимо.
Музаріона.

Доротея.
Жрецъ.
Тюремщикъ.
Палачъ.
Народъ.

Темница. Въ лѣвой стѣнѣ окно, въ которое льются красноватые лучи заката. Въ глубинѣ сцены дверь. На авансценѣ каменное ложе, прислоненное къ пилону. Въ пилонѣ кольцо съ цѣпью.

I.

Тюремщикъ, Геро.

Геро, въ длинной бѣлой шерстяной одеждѣ, сидитъ на ложѣ, сжавши виски руками и опершись локтями на колѣни. Тюремщикъ, старикъ съ добродушнымъ и кроткимъ лицомъ, стоитъ возлѣ нея.

ТЮРЕМЩИКЪ.

Ты — любимица боговъ. Право, любимица боговъ. Сдѣлай-ка я, старый рабъ, такое, что ты сдѣлала! Да

меня бы за ноги повѣсили, разорвали бы на клочья калеными щипцами, бросили бы мой трупъ шакаламъ. А тебѣ вонъ какая легкая смерть! дадутъ сладкую цикуту и все тутъ. Убей меня Зевесъ, это несправедливо. Неправильно. Тебѣ кто-то покровительствуетъ.

ГЕРО.

Дай мнѣ напитокъ. Меня мучаетъ жажда.

ТЮРЕМЩИКЪ, подаетъ чашу.

На вотъ. Испей. Да приготовься, дитя мое, палачъ съ цикутой не замедлитъ.

Уходитъ. Геро встаетъ, растерянно дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, потомъ садится опять на ложѣ, машинально распускаетъ волосы и снова подбираетъ ихъ.

ГЕРО.

Смерть. Умереть должна я. Умереть...

Все думаю объ этомъ, все— объ этомъ.

Иль жизни жаль мнѣ? Иль жалѣю я

О томъ, что сдѣлала? Нѣтъ, ни о чемъ

Я не жалѣю... Не любить— не жить!

И вотъ за что теперь я умираю...

Да: не любить— не жить. Вѣдь жизнь прекрасна,

Вѣдь солнце такъ привѣтно свѣтитъ намъ

И юность къ радости зоветъ и шепчетъ:

Иди, куда влекутъ желанья сердца,

Играй и пой, покуда не порвутся

Серебряныя струны звонкой арфы,

Свѣти, какъ лампа, золотымъ сіяньемъ,

Покуда яркій пламень не погаснетъ,

Живи и наслаждайся счастьемъ жизни,

Пока земля не возвратится въ землю.

Содрогается. Пауза.

Такъ вотъ чѣмъ стану я теперь: землей!

Истлѣетъ это тѣло и померкнутъ

Мои глаза и волосы спадутъ,

Останется лишь голый, страшный черепъ
 Съ оскаленными бѣлыми зубами,
 Останется костлявый остовъ... Ужасъ!
 И этотъ черепъ, этотъ остовъ—тутъ
 Во мнѣ. Я прежде никогда объ этомъ
 Не думала... Я чувствую подъ кожей
 И ямы глазъ, и кости рукъ и ногъ.
 Еще живая вижу, вижу я
 Чѣмъ буду тамъ... въ землѣ, въ могилѣ темной!
 Отъ этой мысли леденѣетъ сердце...
 Прочь отъ меня, проклятый призракъ тлѣнья!
 Прочь отъ меня!

Подходить къ окну.

Какъ тихъ заката часъ,
 Послѣдній часъ... да, для меня послѣдній!..
 Сверкаетъ пурпуръ и небесъ, и моря,
 И солнце въ діадемѣ золотой
 Склоняется надъ сонною волной
 И крылья бѣлыхъ птицъ мелькаютъ, будто
 Изъ облаковъ невидимой рукою
 Разсыпанные лотоса цвѣты...
 О, міръ земной, міръ свѣтлой красоты!
 Какъ эти птицы изъ туманной дали,
 Къ тебѣ, къ тебѣ летятъ мои мечты,
 Прощальныя моленья и печали...

II.

Геро, Тюремщикъ, Мирто, Тимо, Музаріона, Доротея.

ТЮРЕМЩИКЪ, въ дверяхъ.

Идите, идите, красавицы. Попрошайтесь. Это до-
 зволено. Только не мѣшкайте. На минуточку. Скоро
 зайдетъ солнце. А приказъ такой: чтобы все было
 окончено до ночи. Идите.

Мирто, Тимо, Музаріона, Доротея входятъ. Тюремщикъ уходитъ.

МИРТО, ТИМО, МУЗАРІОНА, ДОРОТЕЯ вмѣстѣ.

Геро.—Дорогая!—Здравствуй!
Мы навѣстить тебя пришли.

ГЕРО.

Отъ сердца
Благодарю, подруги. Здравствуй Мирто.
Музаріона! Милая Тимо!
И ты, малютка Доротея! Здравствуй.
Дай поцѣлую я тебя на счастье.

Улыбалась сквозь слезы.

Вѣдь, говорятъ, предсмертный поцѣлуй
Приноситъ счастье.

МИРТО.

Полно, полно, Геро.
Ты не умрешь.

ГЕРО.

Какъ не умру?

МУЗАРІОНА.

Царица
Тебя помилуетъ.

ТИМО.

Объ этомъ всѣ
Толкуютъ. За тебя просилъ Олимпій

ГЕРО.

Онъ за меня просилъ царицу?

МИРТО.

Да.

Ему царица вѣрно не откажетъ.

ГЕРО, помолчавъ.

Царица мнѣ не дастъ прощенья. Нѣтъ.
Вы слышали, что говорилъ тюремщикъ?

МИРТО.

Да, но приказъ вѣдь могутъ отмѣнить.

ТИМО.

Ахъ, для чего ты жемчугомъ богини
Прельстилась, Геро!..

МУЗАРІОНА.

Красотой своей

И безъ убора Анодіомены
Ты всѣхъ плѣняла...

ГЕРО.

Умоляю васъ,

Не будемъ говорить объ этомъ.

ДОРОТЕЯ, заливаясь слезами, бро-
сается къ ней на шею.

Геро,

Не умирай!.. Ты умереть не можешь...
Вѣдь ты ко всѣмъ, ко всѣмъ была добра...
Тебя простятъ за доброту...

ГЕРО.

Бѣдняжка,

Не плачь. Я знаю, ты меня любила...
Прошу тебя, поди въ мой садъ съ зарей.
Тамъ распустились нѣжныя фіалки,
Цвѣтутъ нарцисы, лиліи и розы
Душистыя. Нарви цвѣтовъ и свей
Живой вѣнокъ, какъ дѣлала ты часто,
И принеси его мнѣ на могилу...

Къ прочимъ.

И вы, подруги юности моей,
 Не разъ со мной дѣлившія веселье
 И радости,—вы пожалѣйте завтра
 О бѣдной Геро: стоны вашихъ жалобъ,
 Быть можетъ, долетятъ въ обитель смерти
 Печальную, гдѣ буду я тогда.

МИРТО, ТИМО, МУЗАРІОНА вмѣстѣ.

Не думай такъ... Не надрывай намъ сердце...
 Не говори.

Плачуть.

ГЕРО.

Ну, полноте, не плачьте.
 Разстанемся. Мгновенья улетаютъ,
 И близокъ часъ мой роковой. Прощайте.
 Обнимаетъ всѣхъ.

ВСѢ, рыдая.

Прощай... Прощай... Ахъ, Геро... Геро... Геро...
 Уходятъ плача.

III.

Геро, потомъ Олимпій.

ГЕРО, смотря вслѣдъ уходящимъ.

Онѣ уходятъ съ плачемъ... Но рыданья
 Замолкнутъ, слезы высохнутъ въ глазахъ,
 И въ нихъ улыбка жизни вновь заблещетъ.
 Ихъ горе будетъ кратко... А мое?
 Мое еще короче: смерть мгновенно
 Его изъ сердца выветъ вмѣстѣ съ жизнью,

И перлы слезъ съ моихъ очей потухшихъ
Сотретъ своей холодною рукой...

Входитъ Олимпій. Геро встаетъ.

Ты за меня просилъ царицу?

олимпій.

Да.

геро.

Прощенье ты принесъ?

Олимпій молчитъ.

Я поняла

Твое молчанье.

Обезсиленная опускается на ложе.

олимпій, съ рыданіемъ бросается къ
ея ногамъ.

Геро, Геро, Геро!

За что погибла ты! За что? За что?..

Будь проклятъ ненавистный тотъ порывъ,

Когда тебя отвергъ я въ изступленьи!

О, если бы я зналъ... Вѣдь я любилъ,

Любилъ тебя тогда, какъ и теперь

Люблю безумно!

геро, въ страстномъ восторгѣ при-
влекаетъ его къ себѣ.

Дорогой мой, милый!

Ты любишь?.. Я теперь умру спокойно

Безъ скорби и безъ жалобъ: въ этотъ мигъ

Ты подарилъ мнѣ счастье цѣлой жизни!

И пусть она угаснетъ, какъ звѣзда,

Упавшая съ небесъ.

олимпій.

Ты умираешь

Изъ-за меня. Признался я царицѣ,

Что я виновенъ, а не ты, и все жъ

У ней тебѣ не вымолилъ прощенья!
 Въ ревнивомъ бѣшенствѣ она велѣла
 Убить тебя, а мнѣ сказала злобно:
 «Живи, коль можешь жить». Но я умру,
 Умру съ тобою вмѣстѣ.

ГЕРО.

Нѣтъ, Олимпій,
 Ты не умрешь, ты будешь жить. Со мною
 Умреть лишь преступленіе, что сдѣлалъ
 Ты для любви моей.

олимпій.

Я не хочу,
 Чтобъ память о тебѣ была покрыта
 Позоромъ святотатства и убійства!

ГЕРО.

О, пусть меня безжалостно осудятъ,
 Пусть люди проклянутъ меня. Но ты
 Простишь меня за то, что омрачила
 Я свѣтлый путь твой. Обо мнѣ ты будешь
 Съ печалью вспоминать и сожалѣньемъ.
 Жить въ памяти твоей, какъ грустный призракъ,
 Мелькать передъ тобой и пробуждать
 Невольный вздохъ: «она меня любила!»—
 Для мертвой Геро этого довольно
 И больше ничего не нужно ей
 Въ могилѣ темной.

олимпій.

Геро,
 Зачѣмъ лишь въ часъ предсмертный предо мною
 Открыла ты святилище своей
 Души прекрасной! Сколько ты могла
 Дать счастья мнѣ! И какъ бы ты счастлива
 Была со мной!.. И что жъ?—Обречена ты
 На смерть, на казнь...

ГЕРО.

Такъ присудилъ мнѣ рокъ.

Тамъ, далеко, въ странѣ моихъ отцовъ,
 Когда еще ребенкомъ я бродила
 У водъ священныхъ Иордана, мнѣ
 Одна сивилла мудрая сказала:
 «Владѣть сокровищемъ боговъ ты будешь
 И покоришь ты волю человѣка,
 Который создалъ божество, и смерть
 Ты примешь за него». Не разъ объ этомъ
 Пророчествѣ мечтала я съ тѣхъ поръ
 И все ждала: когда же совершится,
 Что мнѣ судьбой назначено. И вотъ
 Все совершилось...

Входятъ тюремщикъ и палачъ съ чашей; Геро, увидѣвъ ихъ,
 встаетъ и, блѣднѣя, указываетъ Олимпію на палача.

А! мой часъ настальъ.

IV.

Тѣ же, палачъ, тюремщикъ.

ПАЛАЧЪ, подходитъ къ Геро.

Я принеси чашу.

ТЮРЕМЩИКЪ.

Ну, дитя мое, пора. Цикута хорошо приготовлена.
 Нужно ее выпить. Не бойся. Никакой боли не бу-
 дешь чувствовать.

ГЕРО.

Я не боюсь.

Палачу.

Скажи, умру сейчасъ я,
 Какъ выпью чашу?

ПАЛАЧЪ.

НѢТЬ. Цикута

Не убиваетъ вдругъ.

Геро смотритъ нѣсколько мгновений на Олимпія. Молчаніе. Геро беретъ чашу. Рука ея дрожитъ. Послѣ краткаго колебанія, она выпиваетъ медленно ядъ.

ГЕРО, отдавъ чашу палачу.

Уйди.

Палачъ и тюремщикъ уходятъ

Олимпій,

Дай руку... поддержи меня.

Склоняется на ложе, поддерживаемая Олимпіемъ.

ОЛИМПІЙ, рыдающимъ голосомъ.

Ты очень

Страдаешь, Геро? Чувствуешь ты боль?

ГЕРО.

НѢТЬ, милый, ничего... Я не страдаю...

Нисколько не страдаю... Мнѣ легко...

Я чувствую одно: мгновенья быстро

Уходятъ и уходитъ съ ними жизнь,

И все мнѣ кажется, что вотъ настало

Послѣднее мгновеніе...

олимпій.

Ужасно,

Ужасно это сознавать...

ГЕРО.

Олимпій,

Не отводи твой взглядъ отъ глазъ моихъ,

Возлюбленный смотри въ мои глаза:

Вѣдь ласкою прощальною любви

Они горятъ, и эту ласку скоро

Навѣки смерть отниметь у тебя...
 Ты видишь, я удерживаю слезы,
 Хоть сердце разрывается отъ муки:
 Сіянье свѣта затмевать слезами
 Не стану я, хочу тебя я видѣть...
 Хочу тебя я слышать... О, скажи
 Въ послѣдній разъ любви признанье...

олимпій.

Геро,

Люблю тебя, люблю...

ГЕРО, ослабѣвающимъ голосомъ.

Благодарю...

Но отчего ты говоришь такъ тихо?..
 Твои слова, какъ будто, шопотъ лилій,
 Проснувшихся подъ лаской вѣтерка...
 Зачѣмъ ты такъ далеко отъ меня?
 Приди, приди ко мнѣ...

олимпій.

Я, Геро, тутъ,

Съ тобою...

ГЕРО.

Отчего же какъ въ туманѣ
 Тебя я вижу?.. Милый, умоляю:
 Не отнимай руки твоей...

олимпій.

Она

Въ твоей рукѣ.

ГЕРО.

Не чувствую я больше
 Твоихъ объятій... это смерть подходитъ...
 Слабѣю я... и мысли въ головѣ
 Мѣшаются...

Закрываетъ глаза. Короткая пауза.

Не странно ль это, милый:
 Я думаю о тебѣ, хочу и въ сердцѣ
 Твой образъ удержать... а предо мной,
 Какъ вереница призраковъ, мелькаютъ
 Далекихъ дѣтскихъ дней воспоминанья...
 Мнѣ видятся вершины нашихъ горъ
 Въ лучахъ заката розовыхъ... Я слышу
 И горлицъ воркованіе, и пѣсни,
 Что пѣли дѣвушки въ вечерній часъ
 Въ тѣни зеленыхъ пальмъ и кипарисовъ...
 Какъ страстные напѣвы этихъ пѣсенъ
 Ласкаютъ сердце... Слышишь, милый, слышишь...
 Склоняется головой на грудь къ Олимпію, мечтательно смотритъ
 передъ собою, какъ будто прислушиваясь, и говоритъ постепен-
 но замирающимъ голосомъ.

Мой возлюбленный, мой братъ...

Ночь сошла... Въ покоѣ

Дремлетъ мой зеленый садъ

И струится ароматъ

Нарда и алоэ...

Я цвѣтами убрала

Одръ благоуханный,

Я курильницы зажгла...

Я ждала... тебя ждала...

Ты... пришелъ... желанный...

Послѣднія слова переходятъ въ прерывистый шопотъ. Умираетъ.
 Лучи заката погасли. На сценѣ темнѣетъ.

Олимпій, держать Геро въ своихъ
 объятіяхъ, нѣкоторое время молча смотритъ въ лицо умершей;
 потомъ бережно опускаетъ ее на ложе и встаетъ.

Ты умерла... нѣтъ, тихо ты уснула

Въ блаженныхъ грезахъ о любви, о счастьяѣ

Свиданья съ милымъ...

Вынимаетъ кинжалъ изъ-подъ одежды.

За могилой, Геро,

Проснешься ты, и тѣнь твоя обниметъ

Мою рыдающую тѣнь.

За сценой шумъ и крики. Олимпій прислушивается.

V.

Тѣ же, жрецъ, тюремщикъ, народъ.

ГОЛОСА, за сценой.

— Хотимъ

Мы видѣть трупъ гетеры!—Гдѣ онъ?—Гдѣ
Казненная преступница?

Входятъ жрецъ и тюремщикъ съ факеломъ. За ними врывается толпа народа. Тюремщикъ подходитъ къ трупу Геро и освѣщаетъ его факеломъ.

ЖРЕЦЪ, указывая на трупъ, народу.

Смотрите:

Свершился правый судъ надъ святотаткой
И казнь небесъ ее постигла!

ОЛИМПІЙ.

Жрецъ,

Ты заблуждаешься. Ее убилъ
Безумный судъ людской, а судъ небесный,
Карающій, еще свершиться долженъ...

Я сдѣлалъ то, за что она безвинно

Смерть приняла! И я казню себя

За преступленье!

Поражаетъ себя кинжаломъ, падаетъ у трупа Геро и цѣлуетъ его.

Геро... Геро...

Прими... мое послѣднее лобзанье...

ЖРЕЦЪ И НАРОДЪ, въ ужасѣ.

— Онъ умеръ!—О, несчастный!—О, несчастный!

ЗАНАВѢСЬ.

ЖЕНЩИНА СЪ КИНЖАЛОМЪ

АРТУРА ШНИЦЛЕРА

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Небольшой залъ въ картинной галлерей. Произведенія эпохи итальянскаго возрожденія. На задней стѣнѣ картина, на которой изображена женщина въ бѣлой одеждѣ. Въ правой рукѣ у ней кинжалъ. Она глядитъ внизъ, какъ будто смотритъ на человѣка, котораго только что заколола. По срединѣ зала диванъ. Сначала на сценѣ тишина, потомъ медленно проходитъ сторожъ.

Входитъ Паулина въ изящной мѣховой кофточкѣ; въ рукѣ у нея каталогъ. Она разглядываетъ картины по лѣвой стѣнѣ. Черезъ нѣсколько секундъ входитъ Леонгардъ, молодой человѣкъ въ темномъ пальто, и останавливается передъ Паулиною.

ЛЕОНГАРДЪ.

Здравствуйте.

ПАУЛИНА, оборачивается и улыбается.

Здравствуйте.

Я только что пришла. Вѣдь это залъ
Девятый? Да? Я не ошиблась?

ЛЕОНГАРДЪ.

То есть

Какъ не ошиблись?

ПАУЛИНА.

Въ прошлый разъ восьмой
Мы осмотрѣли залъ?

ЛЕОНГАРДЪ.

О, я не думалъ,
Что вы относитесь серьезно такъ
Къ осмотру галереи и не смѣлъ я,
Надѣяться, что вы придете.

ПАУЛИНА.

Вамъ
Я обѣщала.

ЛЕОНГАРДЪ.

Вѣрно, очень долго
Вчера не расходились?

ПАУЛИНА.

До утра.
Жаль, рано вы ушли. Ахъ это было
Такое торжество.

ЛЕОНГАРДЪ.

Вашъ мужъ почтенъ
Былъ черезчуръ.

ПАУЛИНА.

Вамъ это непріятно?

ЛЕОНГАРДЪ.

Мнѣ все равно, хотя бы цѣлый міръ
У ногъ его лежалъ. Но вы, Паулина,
Вчера его любили больше, имъ
Гордились вы.

ПАУЛИНА.

Что жъ, я могла гордиться.
А развѣ вы не восхищались? развѣ
Не аплодировали, какъ безумный, вы,
Когда спустился занавѣсъ.

ЛЕОНГАРДЪ.

Вы это

Замѣтили?

ПАУЛИНА.

На васъ, глядѣла я

Все время.

Онъ цѣлуетъ ей руку.

ПАУЛИНА, медленно отнимая руку.

Кажется, хотѣли вы

Мнѣ показать какую-то картину,

Которая похожа на меня.

ЛЕОНГАРДЪ.

Да. Вотъ картина.

ПАУЛИНА.

Останавливается противъ картины «Женщина съ кинжаломъ».

Эта? Въ самомъ дѣлѣ,

Есть что-то сходное...

ЛЕОНГАРДЪ.

Не что-то,—нѣтъ,

А вы—вы совершенно, посмотрите.

Но только безъ кинжала.

ПАУЛИНА.

Почему

Вы говорите: «Только безъ кинжала?»

Улыбается.

Кто знаетъ?..

Заглядываетъ въ каталогъ.

«Нумеръ восемьсотъ второй»

Художникъ итальянецъ. Умеръ... умеръ...

Вотъ: «Въ тысяча пятьсотъ тридцатомъ».

ЛЕОНГАРДЪ.

Ваши

У ней глаза.

ПАУЛИНА.

Да. Можетъ быть. Побудемъ
Здѣсь, въ этомъ залѣ. Здѣсь пріятно такъ.

ЛЕОНГАРДЪ.

Паулина...

ПАУЛИНА.

Тамъ, средь нѣмцевъ и голанцевъ,
Совсѣмъ не то. А тутъ... Представьте, мнѣ
Все кажется роднымъ, знакомымъ, будто
Всѣ эти лица видѣла я... Вотъ
Красавецъ этотъ на меня глядитъ,
Какъ на знакомую.

Показываетъ на одну картину.

Меня нисколько
Не удивило бы, когда со мной
Раскланялся бы онъ.

ЛЕОНГАРДЪ.

Какъ знать, быть можетъ,
Въ шестнадцатомъ столѣтїи бывалъ
Онъ въ вашемъ домѣ.

ПАУЛИНА.

Очень вѣроятно,
Вѣдь флорентинкой мать моя была...
Во всякомъ случаѣ, въ то время люди
Красивѣй одѣвались, чѣмъ теперь...
Я, впрочемъ, этимъ не хочу сказать вамъ,

Что ваше мнѣ не нравится пальто.
Напротивъ, къ вамъ оно идетъ.

Леонгардъ кланяется.

Но все же
Признаться я должна, когда бы...

ЛЕОНГАРДЪ.

Что?

ПАУЛИНА, улыбаясь.

Я встрѣтила васъ вотъ въ такомъ костюмѣ,
То...

ЛЕОНГАРДЪ.

Я въ отчаяннѣ, что не имѣлъ
Въ то время удовольствія...

ПАУЛИНА.

Кто знаетъ,
Быть можетъ, съ вами жили мы тогда,
Да только позабыли.

ЛЕОНГАРДЪ.

О, повѣрьте,
Я не забылъ бы этого.

ПАУЛИНА, задумчиво.

Нѣтъ, нѣтъ,
Не говорите такъ. Быть можетъ, нужно
Лишь только сильно пожелать, чтобъ жизнь
Былую вспомнить...

Пауза. Паулина разглядываетъ то одну, то другую картину.

ЛЕОНГАРДЪ.

Всѣ о вашемъ мужѣ
Сегодня говорятъ.

ПАУЛИНА, очнувшись.

Еще бы нѣтъ...

ЛЕОНГАРДЪ, подчеркиваетъ.

О немъ, но также и о васъ.

ПАУЛИНА.

Конечно.

Хочетъ пройти дальше.

ЛЕОНГАРДЪ.

Паулина...

ПАУЛИНА, разсѣянно оборачивается
къ нему.

Ну?

ЛЕОНГАРДЪ.

Какъ выдержать могли

Вы это все?..

Она, молча, глядитъ на него съ странной улыбкой.

Вѣдь всѣ въ театрѣ знали

Что значить эта пьеса. Знали всѣ

Что это за исторія...

ПАУЛИНА, быстро перебивая.

Принцесы

Маріи, кажется...

ЛЕОНГАРДЪ.

Да, названа

Такъ героиня...

ПАУЛИНА.

Кто же далъ вамъ право

Предполагать иное?

ЛЕОНГАРДЪ.

Цѣлый городъ

Объ этомъ знаетъ столько же, какъ я.
Я знаю даже больше.

ПАУЛИНА.

Что жъ такое

Вы знаете?

ЛЕОНГАРДЪ.

Я знаю, что вчера
Была минута—вы въ душѣ, Паулина,
Его возненавидѣли.

ПАУЛИНА.

Кого?

ЛЕОНГАРДЪ.

Того, кто вашу жизнь считаетъ средствомъ
Для проявленья своего таланта
И остроумія.

ПАУЛИНА.

Быть можетъ, смыслъ
Моей всей жизни въ этомъ.

ЛЕОНГАРДЪ.

Неужели

Онъ также въ томъ, чтобъ веселить толпу
И тайнами души прекрасной вашей?

Спокойно.

Марія героиня пьесы! Всѣ
Въ театрѣ знали: вѣдь она тутъ въ ложѣ!
Готфридъ! Но каждый зритель понималъ,
Что это авторъ... Рѣчи, поцѣлуи
На сценѣ, низкая его измѣна,
Ея отчаянье, ея прощенье

И возвращеніе его... все горе,
 Всѣ слезы и мольбы... вѣдь это правда,
 Вѣдь господинъ Готфридъ все это въ пьесѣ
 Изобразилъ подробно, и принцеса
 Марія слушала все это тутъ
 На представленьи этомъ. Ахъ, Паулина,
 Вчера все время у меня въ душѣ
 Такое было чувство, что сейчасъ—вотъ
 Я долженъ къ вамъ бѣжать, васъ увезти,
 Освободить, спасти васъ. Вы казались
 Рабыней, оскорбленной, беззащитной.
 Мнѣ было жалко васъ, мнѣ было стыдно...

ПАУЛИНА.

Вамъ было стыдно? Вамъ? Но почему?

ЛЕОНГАРДЪ.

Какъ почему? Я васъ люблю, Паулина.

Паулина спокойно глядитъ на него.

Вы сердитесь? Я знаю, что могу
 Такъ говорить вамъ потому лишь только,
 Что для меня нѣтъ въ мірѣ ничего
 Иного, кромѣ васъ, что умереть я
 Готовъ за васъ и потому еще
 Что молодъ я.

ПАУЛИНА.

Быть можетъ, это правда.

Но мы оставимъ это все. Пойдемъ
 Смотрѣть картины.

Отклоняя его.

Я прошу, не надо,
 Такихъ рѣчей...

ЛЕОНГАРДЪ, настойчиво.

Но отчего, Паулина?

Скажите сами: почему пришли

Сегодня вы? Зачѣмъ три дня назадъ
 Вы то же сдѣлали? Зачѣмъ, когда я
 Вчера сидѣлъ близъ васъ, колѣни ваши
 Моихъ коснулись? Почему вашъ взглядъ
 Блеститъ, когда со мной вы говорите?
 И ваши губы жаждутъ губъ моихъ,
 Когда стоимъ мы рядомъ?

ПАУЛИНА.

Леонгардъ,

Вопросы эти дерзки. Я на нихъ
 Не отвѣчаю отрицаньемъ. Это
 Была бы ложь и трусость. Но еще
 Я больше солгала бы передъ вами,
 Когда бъ сказала, что я васъ люблю.
 Нѣтъ, не было ни одного мгновенья,
 Когда я васъ любила, хоть была
 Минута страстная, когда могла я
 Отдаться вамъ. Счастливый этотъ мигъ
 Вы прозѣвали, онъ не повторится.
 Но все-таки онъ былъ. Я признаюсь,
 Мнѣ въ этомъ нѣтъ стыда, вамъ нѣту чести.
 Такіе случаи порой бываютъ,
 Но женщины другія говорятъ
 Въ подобныхъ случаяхъ: «Я къ вамъ питаю
 Любовь сестры... не требуйте другой».
 А я скажу вамъ прямо: я волнуюсь
 Почти такимъ же чувствомъ, какъ и то,
 Какого вы желаете, но это
 Не дружба, нѣтъ, не дружба...

Останавливается въ смущеніи.

Развѣ я

Объ этомъ прежде вамъ не говорила?

ЛЕОНГАРДЪ, страстно.

Нѣтъ, вы не говорили никогда!

ПАУЛИНА.

Какъ странно... мнѣ казалось такъ...

ЛЕОНГАРДЪ.

Зачѣмъ вы

Вдругъ замолчали?

ПАУЛИНА.

Что со мной? Гдѣ я?

Потерянно.

Я замолчала?.. Да... Ну что жъ еще
Хотите, вы сказать? Прощайте.

ЛЕОНГАРДЪ.

Васъ,

Паулина, я не понимаю.

ПАУЛИНА.

Нынче

Мы съ вами видимся въ послѣдній разъ.

ЛЕОНГАРДЪ.

Въ послѣдній?

ПАУЛИНА.

Да. Я завтра ѣду съ мужемъ
Въ Италію.

ЛЕОНГАРДЪ.

Когда жъ вернетесь вы?

ПАУЛИНА.

Не знаю. Никогда—для васъ.

ЛЕОНГАРДЪ.

Паулина,

Вы шутите. Про это до сихъ поръ
Не говорили вы.

ПАУЛИНА.

И не могла: объ этомъ
Узнала я лишь нынче утромъ.

ЛЕОНГАРДЪ.

Что жъ
Случилось? Зачѣмъ же уѣзжать вамъ?

ПАУЛИНА.

Зачѣмъ, что не хочу я за мгновенье,—
Какъ это называется у васъ?—
Да, за мгновенье сладкаго блаженства
Пожертвовать спокойствіемъ и счастьемъ,
Быть можетъ, даже жизнью.

ЛЕОНГАРДЪ.

А вашъ мужъ—
Что скажетъ онъ по поводу рѣшенья
Внезапнаго—въ Италію?..

ПАУЛИНА.

Его
Просила я со мною ѣхать вмѣстѣ.

ЛЕОНГАРДЪ.

Но подъ какимъ предлогомъ? Подъ какимъ?

ПАУЛИНА.

Безъ всякаго предлога. Какъ всегда, я
Ему сказала правду.

ЛЕОНГАРДЪ.

Какъ всегда?

ПАУЛИНА.

Я поклялася говорить о каждомъ
Движеніи моей души, и онъ
Мнѣ тоже поклялся.

ЛЕОНГАРДЪ.

И нынче утромъ!?

ПАУЛИНА.

Ему призналась я, что мнѣ грозитъ
Опасность.

ЛЕОНГАРДЪ.

Что же онъ?

ПАУЛИНА.

Я вамъ сказала:

Мы уѣзжаемъ вмѣстѣ.

ЛЕОНГАРДЪ.

Неужели,

Вы думаете, онъ проститъ вамъ это
Когда-нибудь?

ПАУЛИНА.

Но отчего жъ? Вѣдь я
Ему простила больше.

ЛЕОНГАРДЪ.

Онъ мужчина,

А мы самолюбивы всѣ. При томъ
Вѣдь онъ поэтъ и, стало быть, въ сто разъ онъ
Самолюбивѣе другихъ. Онъ будетъ
Всю жизнь васъ этимъ мучить.

ПАУЛИНА.

Я снесу

Мученія.

ЛЕОНГАРДЪ.

Онъ будетъ такъ терзать васъ,
Какъ будто бы на самомъ дѣлѣ вы
Другому отдались.

ПАУЛИНА.

Когда бъ на самомъ дѣлѣ
Случилось такъ—меня убилъ бы онъ.

ЛЕОНГАРДЪ.

Э, полноте. На эту тему пьесу
Онъ новую напишетъ и затѣмъ,
Въ концѣ-концовъ, вамъ будетъ благодаренъ.

ПАУЛИНА.

Пожалуй. Онъ способенъ и на то,
И на другое.

ЛЕОНГАРДЪ.

Но когда жъ, Паулина,
Вы ѣдете?

ПАУЛИНА.

Я вамъ сказала: завтра.

ЛЕОНГАРДЪ.

А, завтра. Такъ сегодня—наше, да?

ПАУЛИНА.

Вы сумасшедшій.

ЛЕОНГАРДЪ.

Вечеромъ сегодня.

Я жду васъ.

ПАУЛИНА.

Вы сошли съ ума.

ЛЕОНГАРДЪ.

Клянусь,
Я никогда не говорилъ умнѣе.

ПАУЛИНА.

Подумайте: теперь, теперь, когда
Онъ знаетъ много такъ...

ЛЕОНГАРДЪ.

О я, Паулина,
За васъ готовъ погибнуть! Хватаетъ ее за руку.

ПАУЛИНА.

НѢТЬ, нѢТЬ, нѢТЬ!
Прощайте. Это было бы безумно
Вѣдь я васъ вовсе не люблю. Прощайте.

ЛЕОНГАРДЪ.

Паулина!

Начинается полуденный перезвонъ.

ПАУЛИНА.

Ахъ, пустите. Мнѣ пора
Идти домой. Вы слышите: ужъ полдень.
Онъ знаетъ, что я здѣсь, что я пошла
Проститься съ вами. Если бъ я сегодня
Осмѣлилася вечеромъ къ вамъ...

ЛЕОНГАРДЪ.

Ну?

ПАУЛИНА.

Погибли бы мы оба.

ЛЕОНГАРДЪ.

Я, Паулина,

Васъ буду ждять, я...

Останавливается передъ картиной «Женщина съ кинжаломъ».
Перезвонъ продолжается.

ПАУЛИНА, вглядываясь въ картину.

Кто, смотрите, тамъ

Лежить въ тѣни?

ЛЕОНГАРДЪ.

Гдѣ?

ПАУЛИНА.

Тутъ вотъ на картинѣ?

Не видите вы развѣ?

ЛЕОНГАРДЪ.

Ничего

Не вижу.

ПАУЛИНА.

Это вы.

ЛЕОНГАРДЪ.

Какъ я, Паулина?..

Вотъ штука странная...

ПАУЛИНА, озираясь.

Нѣтъ это все

Такъ странно... Кто писалъ картину эту?

ЛЕОНГАРДЪ!

Мы только что читали: итальянскій
Художникъ. Въ тысяча пятьсотъ тридцатомъ
Году онъ умеръ.

ПАУЛИНА.

Это вѣрно?

ЛЕОНГАРДЪ.

Да.

Что съ вами?

ПАУЛИНА.

Но вѣдь это я. Ужели
Меня не узнаете вы? А здѣсь вотъ
Въ тѣни убитый юноша лежитъ:
Вѣдь это вы?

ЛЕОНГАРДЪ.

Паулина, перестаньте...

Что съ вами?

ПАУЛИНА.

Помните вы, Леонгардъ?

Беретъ его за руку. Оба садятся на диванъ передъ картиной.

ЛЕОНГАРДЪ.

Что—помню?

ПАУЛИНА.

Помнишь ли ты, Лионардо?..

Сцена внезапно темнѣетъ. Быстрая перемѣна. Перезвонъ продолжается. Когда сцена освѣтилась—звонъ сразу затихъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Мастерская художника Ремиджіо. Начинаетъ свѣтать. Налѣво тяжелая темноокрасная портьера. Большое окно въ глубинѣ сцены. Нѣсколько копій античныхъ статуй. На стѣнахъ картины, соотвѣтствующія эпохѣ. На мольбертѣ, ближе къ авансценѣ, завѣшанная картина.

У портьеры, на полу, лежитъ Ліонардо (Леонгардъ). Онъ не спитъ. Темно. Полная тишина. Входитъ Паола (Паулина), въ ночномъ пеньюарѣ, совершенно похожая на женщину въ картинѣ перваго дѣйствія. Она проходитъ мимо Ліонардо, не замѣчая его, приближается къ мольберту и отдергиваетъ завѣсу картины. Картина та же, что и въ первомъ дѣйствіи, но не оконченная: нѣтъ протянутой руки съ кинжаломъ. Разумѣется, картина становится видимой по мѣрѣ того, какъ въ комнатѣ свѣтлѣетъ. Паола долго разглядываетъ картину. Ліонардо, лежащій на полу близко отъ Паолы, цѣлуетъ край ея платья.

ПАОЛА, слегка отстраняясь.

Что съ вами? Вы все здѣсь? Вы не ушли?

ЛІОНАРДО.

Нѣтъ, не ушелъ, Паола; я остался
У вашей двери.

ПАОЛА.

Но теперь пора

Вамъ уходить.

ЛИОНАРДО.

Отъ вашихъ поцѣлуевъ
Я ощущаю чудный ароматъ
На волосахъ моихъ, и не хочу я,
Чтобы его развѣялъ вѣтеръ ночи.

ПАОЛА.

Ну это неумно. Ужъ разсвѣтаетъ.
Проснуться можетъ кто-нибудь изъ слугъ
И васъ увидятъ здѣсь.

ЛИОНАРДО.

Тогда останусь
И буду ждать я дня: пусть засяетъ
Онъ надъ моей работой. Встаетъ.

ПАОЛА.

Для чего
Вы трудитесь? Напрасныя старанья!
Будь вы ученикомъ Андреа Гальби,
Бассано младшаго, иль Франко,—вы
Могли бъ имѣть надежду, Лионардо.
Но здѣсь вы боретесь съ недостижимымъ.
Вамъ надо бросить кисти! Для чего
Не уничтожите вашъ трудъ? Въ безсильѣ
Вы ползаете здѣсь, на томъ полу,
Гдѣ ходитъ гордо и свободно мастеръ,
Съ которымъ вы не можете сравняться.

ЛИОНАРДО.

Я знаю, что ничтоженъ я. Дышать
Я не имѣю права тамъ, гдѣ геній
Творитъ великое. Не разъ встрѣчалъ
Я утро мрачной и угрюмой думой:
Не кончить ли мнѣ съ жизнью въ этотъ день?

Но нынче день пришелъ иной, Паола:
 Всю славу, все чудесное искусство
 Ремиджіо охотно я отдамъ
 За счастье сладостныхъ воспоминаній
 О ласкахъ тѣхъ, которыми меня
 Дарила въ эту ночь его Паола!
 Спросите у него, что взялъ бы онъ,
 Когда ему пришлось бы дѣлать выборъ.

ПАОЛА, мрачно.

Тутъ выбора никто не можетъ дѣлать:
 Ни онъ, ни я, ни вы—все отъ судьбы.

ЛІОНАРДО.

Но каждому дается по заслугамъ.

ПАОЛА, задумчиво.

Вы думаете?

ЛІОНАРДО.

Онъ не видитъ въ васъ
 Достоинствъ вашихъ; я же больше вижу
 Того, что въ васъ сокрыто. Для меня
 Вы кажетесь чудеснымъ воплощеньемъ
 Той красоты, которую въ мечтахъ
 Я создалъ; въ вашемъ тѣлѣ, въ вашемъ взглядѣ
 Таится для меня всей жизни смыслъ.
 Что для Ремиджіо вы?—Полотно
 Картины. Онъ коварнымъ поцѣлуемъ
 Влечетъ къ себѣ васъ, чтобъ имѣть успѣхъ,
 Васъ отражая на своихъ картинахъ.
 И вѣрьте мнѣ, когда ему удастся
 Создать картину—для него любовь
 Теряетъ прелесть.

ПАОЛА.

Да, я это знаю.

Я для него тогда ничто, я призракъ
И все мое живое остается
Въ созданіи его.

Смотрять его картину.

Загадка. Вотъ

Гляжу я на картину. Вѣдь такую
Я не была, но быть могла бы я.

Тутъ что-то есть, что кажется и хуже
И лучше чѣмъ сама я. Жажда жизни
Въ полуоткрытыхъ свѣтитя глазахъ...

Ахъ, будь онъ здѣсь! Будь здѣсь онъ!.. Что-то скажетъ
Картина обо мнѣ иль я о ней?..

Ремиджіо ты слишкомъ, слишкомъ долго
Въ разлукѣ былъ со мною... Цѣлый годъ—
Вѣдь это вѣчность...

ЛИОНАРДО.

Полноте, Паола

Вы грезите: и мѣсяць не прошелъ
Съ тѣхъ поръ, какъ онъ оставилъ васъ.

ПАОЛА.

Тоскою—

Не днями время измѣряла я.
Ахъ, наконецъ, сегодня онъ пріѣдетъ...

ЛИОНАРДО.

Вы ошибаетесь. Коль онъ вчера
Флоренцію покинулъ, то лишь завтра
Къ полудню можетъ онъ пріѣхать.

ПАОЛА.

Нѣтъ

Сегодня.

ЛІОНАРДО, съ ироніей.

Если онъ на крыльяхъ вѣтра
Къ вамъ полетитъ. Но такъ какъ на конѣ
Онъ ѣдетъ, то его на завтра ждите.

ПАОЛА, съ тоской.

Зачѣмъ я не могу перемѣнить
Ходъ времени. Вы говорите, день?
Но онъ не наступилъ. Я отдала бы
Всю жизнь, что мнѣ осталась, только бъ онъ
Теперь, сейчасъ пріѣхалъ бы...

ЛІОНАРДО.

Паола!

ПАОЛА, равнодушно.

Что?

ЛІОНАРДО, страстно.

Взгляни же на меня.

Хватаетъ ея руку и держитъ.

ПАОЛА, оставивъ въ его рукѣ свою,
оборачивается.

Зачѣмъ? Вѣдь хорошо тебя я знаю.
Ну да, ты юный Ліонардо, пажъ
Изъ дома знатнаго? Иль Арагонскій
Ты принцъ? Иль краски растираешь ты?
Нѣтъ, ты не пажъ, не принцъ, не растираешь
Ты краски. Кто же ты? Ахъ, ты художникъ,
Красавецъ Ліонардо. Знаю. Ну
Зачѣмъ же хочешь ты, чтобъ на тебя я
Глядѣла? Ахъ, не открывая глазъ
Скажу тебѣ я все и даже больше,
Чѣмъ ты желаешь. Волоса твои
Черны и вьются мягкими кудрями

Глаза же голубые у тебя
 И съ тѣмными рѣсницами, а шея
 Бѣла какъ шея дѣвушки; ты строень
 И крѣпокъ и рука твоя сильна.
 Довольно ли сказала я? Ужели
 Еще глядѣть мнѣ на тебя. Пусти,
 Пусти мнѣ руку.

ЛИОНАРДО.

Для чего, Паола,
 Со мною такъ играешь ты?

ПАОЛА.

Заказъ

Онъ во Флоренціи не получилъ ли?
 Коль получилъ, то съ нимъ поѣду я.
 Съ тѣхъ поръ, какъ вышла замужъ, Ліонардо,
 Я не бывала въ городѣ родномъ.
 Есть братья у меня. Я не страдаю
 Тоской по родинѣ, однако... Тамъ
 Дворъ Медичи, тамъ много дамъ развратныхъ
 Слышала я, когда къ нимъ пріѣзжаетъ
 Художникъ изъ страны чужой, онѣ
 Ждутъ у дверей его опочивальни,
 Чтобъ каждой въ очередь войти туда...

ЛИОНАРДО.

Не все ль тебѣ равно, съ кѣмъ ночь проводить
 Ремиджіо?

ПАОЛА.

Ты, Ліонардо, правъ,
 Я этому не придаю значенья
 Но все-таки, мы видимъ иногда,
 Какъ не ничтожны приключенья ночи,
 Они преслѣдуютъ мечту и днемъ
 Обманомъ призрачной любви.

ЛИОНАРДО.

Паола,

Вѣдь нынѣшнею ночью ты сама
Была моей.

ПАОЛА.

Твоей? Осмѣлся только
Ты это повторить при свѣтѣ дня!
Ты слышалъ нѣжныя мои моленья?
Шептала я тебѣ слова любви?
Нѣтъ, ты внималъ лишь крики дикой страсти.
Теперь—нѣтъ ничего, такъ ничего
И не было!

ЛИОНАРДО.

Паола, нѣтъ, то было
И значить есть! И права на тебя
Я не теряю.

ПАОЛА.

Права? Нѣтъ, погасло
То право вмѣстѣ съ звѣздами. Пойми:
Ты потерялъ его, хотя ты юнъ
И полонъ доблести, красы и силы.
Ты потерялъ его, какъ еслибъ ты
Уродомъ былъ, иль мальчикомъ, иль старцемъ
Разслабленнымъ.

ЛИОНАРДО.

Паола, знаю я
Зачѣмъ ты это говоришь: ты хочешь
Словами злыми испытать мою
Любовь и нѣжность. Замолчи, довольно.

ПАОЛА.

Ты замолчи. Настало утро.

ЛІОНАРДО.

Снова

Вернется ночь.

ПАОЛА.

Нѣтъ, наша—никогда!
Вы поняли? Такъ прочь на ваше мѣсто.

ЛІОНАРДО, на колѣняхъ.

Оно въ могилѣ или здѣсь.

ПАОЛА.

Не смѣй

Меня касаться!

ЛІОНАРДО.

Ненависти полонъ
Твой взглядъ теперь, а вспомни, какъ ласкалъ
Меня онъ ночьюю.

ПАОЛА.

Я вамъ повторяю—
Довольно! Или небомъ я клянусь
Я съ вами поступлю, какъ съ куртизанкой
Ремиджіо мой поступилъ: она
Вѣдь также у него въ ногахъ валялась
И умоляла: «Ахъ, я васъ люблю,
Ахъ, какъ люблю, ахъ, вспомните, какъ ночьюю
Сегодня, ахъ»...

ЛІОНАРДО.

А мужъ вашъ?

ПАОЛА.

Онъ прогналъ

Нахальную бабенку.

Долгая пауза.

ЛІОНАРДО, медленно встаетъ, потомъ
другимъ тономъ.

Нѣтъ, Паола,

Не куртизанка я, и не похожъ
Я на нее. А будь она такою—
То сдѣлала бы то же, что теперь
Намѣренъ сдѣлать я съ собой. Прощайте.

ПАОЛА.

Убить себя ты хочешь? Ну такъ что же—
Я стою этого.

ЛІОНАРДО.

Да. Потому
Я такъ и поступлю. Предъ вашей дверью
И вашимъ же кинжаломъ.

Беретъ съ маленькаго столика кинжалъ.

Всѣ повѣрятъ—

Ремиджіо со всѣми—что не могъ
Я вынести обиды и мученій
Отверженной любви. За мой позоръ,
За жгучій стыдъ мой и за васъ, Паола,
Я съ жизнію покончу.

ПАОЛА.

За меня?

ЛІОНАРДО.

Не будете бояться вы, что взглядомъ
Могу себя я выдать и открыть
Паденье ваше.

ПАОЛА.

Что ты говоришь мнѣ?
Не думаешь ли ты, что я боюсь?

ЛИОНАРДО.

Бойтесь вы того, чего боятся
 Всѣ жены: наказанія отъ мужа,
 Когда узнаетъ объ измѣнѣ онъ.
 Вы можете вздохнуть свободно—въ сердце
 Я поражу вашъ страхъ. Направляется къ выходу.

ПАОЛА.

Нѣтъ, повторить
 Вы не осмѣлитесь передо мною,
 Что умереть хотите потому,
 Что я боюсь...

ЛИОНАРДО.

Паола, не трусливы
 Душою вы. Но вы хотите жить
 И смѣлости въ своей винѣ сознаться
 У васъ не хватитъ.

ПАОЛА.

Я въ своей винѣ
 Признаюсь.
 Стукъ копытъ во дворѣ.

ЛИОНАРДО.

Мужъ вашъ... слышите, Паола?
 Оба прислушиваются.

ПАОЛА.

Тсс... Тише.

ЛИОНАРДО.

Это онъ.

ПАОЛА.

Вы видите: его тоска сильнѣе
 Была препятствій всѣхъ. Онъ возвратился
 Смотрить въ окно.

Онъ съ лошади слѣзаетъ, отдаетъ
Узду слугѣ... Иди, иди, скорѣе:
Я жду и я готова...

ЛІОНАРДО.

Что хотите

Вы сдѣлать?

ПАОЛА.

Я сказала вамъ

ЛІОНАРДО.

Нѣтъ, нѣтъ

Я васъ молю: безумнаго поступка
Не дѣлайте. Великодушью мужа
Не довѣряйте.

ПАОЛА.

Ищетъ онъ меня

Веселымъ взглядомъ.

Дѣлаетъ рукой привѣтствіе.

Мой привѣтъ! Боюсь я,
Не улыбнешься больше ты.

ЛІОНАРДО.

Когда

Васъ совѣсть побуждаетъ на сознанье
Въ проступкѣ, я прошу васъ не винить
Себя предъ нимъ. Скажите, что виновенъ
Лишь я одинъ. Скажите: опоилъ
Я васъ любовнымъ зельемъ или смертью
Грозилъ я вамъ. Молчите о себѣ.
Вѣдь гордость онъ свою сильнѣе любитъ,
Чѣмъ васъ: объ этомъ самъ онъ говорилъ
За ужиномъ прощальнымъ... Я услышалъ
Тогда его слова, а вы со мной
Сидѣли рядомъ, на меня взглянули...

ПАОЛА.

Вы это помните еще?

ЛИОНАРДО.

Клянусь,

Онъ такъ поступитъ, какъ сказалъ тогда онъ
Вамъ въ шутку: въ горло вцѣпится онъ вамъ,
Какъ звѣрь, зубами. Васъ я умоляю
Паола—слышите его шаги
На лѣстницѣ?—Коль скажете ему вы—
Возврата ужъ не будетъ: неизбежна
Тогда погибель. О, простите мнѣ
Мои слова, прошу васъ. Ненавистнымъ
Вамъ взглядомъ я не буду никогда
Тревожить васъ... Сегодня же покину
Я этотъ городъ, я исчезну... Знаю,
Не мнѣ принадлежите вы, но все жъ
И не ему: онъ права не имѣетъ
На вашу жизнь... И ваша смерть теперь
Была бы не простымъ уже несчастьемъ,
Но преступленіемъ, грѣхомъ! Живите!
Вы слишкомъ хороши для смерти. Вы
Съ собою унесете слишкомъ много
И красоты, и счастья, когда
Васъ смерть возьметъ... Паола, вѣрю я
Въ васъ, въ ваше мужество... Клянусь, чрезъ часъ
Меня не будетъ, я умру... Смотрите,
Мечъ у него въ рукѣ...

Входитъ Ремиджіо и весело бросается къ женѣ.

ПАОЛА.

Остановись!

Не рано ли меня ты обнимаешь?
Вотъ этотъ былъ любовникомъ моимъ
Сегодняшнею ночью.

Продолжительная пауза.

РЕМИДЖІО.

Ліонардо—

Уйди.

ЛІОНАРДО.

Ремиджіо, убей меня,
Я милосердія не принимаю.

РЕМИДЖІО.

Не милосердіе мое тебя
Отсюда гонить. И мой гнѣвъ дороги
Тебѣ не преградить: я этихъ чувствъ
Къ тебѣ не примѣняю, Ліонардо,
Ты просто мнѣ не нуженъ и тебя
Я удаляю

ЛІОНАРДО.

Объ одномъ молю я,
Лишь объ одномъ—о смерти за вину.

РЕМИДЖІО.

Пусть убиваетъ тотъ, кто ненавидить,
Иль тотъ, кто любить. Равнодушью нѣтъ
Необходимости въ оружьи. Кто же
Стеклянный кубокъ будетъ разбивать,
Коль изъ него напитокъ запрещенный
Ребенокъ выпилъ? Для меня ничто
Твое сознаніе. Ты, Ліонардо,
Въ моихъ глазахъ лишь жалкое орудье
Случайности.

ЛІОНАРДО.

О смерти я просилъ.
Теперь—я требую.

РЕМИДЖІО.

Твои мольбы,
Какъ и желанья—для меня ничтожны.

ЛИОНАРДО.

Тогда я васъ заставлю.

РЕМИДЖІО.

Нѣтъ, меня
Еще никто не заставлялъ то сдѣлать,
Чего я не хочу.

ЛИОНАРДО.

На площадь выйду
И громко закричу я: нынче ночью
Мнѣ отдалась Ремиджіо жена

РЕМИДЖІО.

Такъ что жъ такое? Только часомъ раньше
О томъ узнають.

ЛИОНАРДО.

Передъ всѣмъ дворомъ
Надъ вами буду нагло издѣваться.
Скажу, что вы изъ трусости кичитесь
Постыднымъ равнодушіемъ; скажу,
Что завлеченъ я былъ насильно вашей
Женой.

РЕМИДЖІО.

Тебя за это осмѣютъ

ЛИОНАРДО.

Еще вамъ повторяю я: убейте
Меня, Ремиджіо. Быть можетъ, мигъ
Пройдетъ завѣтный и тогда проснется
Желаніе иное у меня.
Вы знаете, что васъ возненавидѣтъ
Давно я могъ за многое. Теперь,
Когда предъ вашимъ я великодушьемъ
Униженный стою, во мнѣ горитъ

Такая ненависть, что гдѣ бъ я съ вами
 Не встрѣтился—я васъ готовъ убить.
 Особенно за то васъ ненавижу,
 Что смерти нѣтъ для васъ и вы всегда
 Жить будете въ произведеньяхъ вашихъ.
 Но это-то сознаніе, какъ бичъ
 Меня сильнѣй къ убійству подгоняетъ!
 Ремиджіо! Не говорите мнѣ:
 Уйди отъ насъ. Клянусь вамъ небесами:
 Какъ только я перешагну порогъ
 У дома вашего, такъ вы погибли!

РЕМИДЖІО, подходитъ къ двери и
 открываетъ ее.

Открыта дверь. Иди своей дорогой.

Оборачивается. Ліонардо направляется къ двери.

ПАОЛА.

Не отпускай его, не отпускай:
 Онъ сдержитъ клятву злобную.

ЛІОНАРДО, оборачивѣтся.

Сдержу я,

Пока я живъ.

ПАОЛА.

Да, лишь пока ты живъ!

Бросается на него и закалываетъ. Ліонардо падаетъ и умираетъ.
 Паола стоитъ въ той самой позѣ, какъ женщина въ картинѣ въ
 первомъ дѣйствіи: съ кинжаломъ въ рукѣ, смотря на мертваго
 Ліонардо.

РЕМИДЖІО.

Паола!

Долгая пауза. Паола неподвижна до конца явленія. Ремиджіо
 смотритъ на нее. Лицо его постепенно преобразуется. Онъ вдох-
 новленъ, почти радостенъ.

Вотъ разгадка въ чемъ... Ужели
 Мечта моя исполнилась: насталь
 Мигъ просвѣтленья и мою картину
 Готовъ создать я?.. Да, я такъ ее
 Закончу. Боже! умоляю, сжался;
 Дай только часъ покой моей душѣ
 И твердость дай рукѣ моей.

Подходить къ двери. Запираетъ ее и быстро идетъ къ мольберту.
 Паола стоитъ неподвижно.

Быстрая перемѣна. Темнѣетъ. Начинается перезвонъ, какъ въ
 концѣ перваго дѣйствія. Когда на сценѣ опять свѣтло — Леон-
 гардъ и Паулина сидятъ на диванѣ.

ЛЕОНГАРДЪ, держа за руку Паулину

Что съ вами?

Паулина какъ бы очнулась отъ глубокаго сна. Она озирается,
 порывисто встаетъ, будто собираясь уйти.

Что съ вами, Паулина?..

Онъ также встаетъ. Паулина приходитъ въ себя. На лицѣ ея
 появляется выраженіе покорности судьбѣ. Она протягиваетъ Ле-
 онгарду руку, въ упоръ глядитъ ему въ глаза.

ПАУЛИНА, безъ любви, но рѣши-
 тельно.

Я приду.

Уходить.

ЗАНАВѢСЪ.

СТАРЫЯ КОМЕДИИ ЛЮБВИ

Изъ Victor Mistifiguerros el Rojo

Мадонна Беатриче.

Боккаччо «Декамеронъ». День VII. Новелла VII.

Л И Ц А:

Эгано деи Галуцци.
Беатриче, его жена,
Аникино.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Комната въ виллѣ Эгано. Въ глубинѣ сцены альковъ. Вечеръ. Комната освѣщена лампой.

I.

Беатриче и Аникино играютъ въ шахматы.

БЕАТРИЧЕ, дѣлаетъ ходъ.

Шахъ королю.

АНИКИНО.

Мадонна, вы сегодня
Играете счастливо.

БЕАТРИЧЕ.

А тебѣ

Въ игрѣ нѣтъ счастья, бѣдный Аникино.

АНИКИНО, печально вздыхаетъ.

Да, счастья нѣтъ...

БЕАТРИЧЕ, смѣется.

Ты горько такъ вздохнулъ,
Какъ будто въ самомъ дѣлѣ угрожаетъ
Тебѣ судьба бѣдою. Не грусти.
Пословицу ты знаешь: кто несчастливъ
Въ игрѣ—удача у того въ любви.

АНИКИНО.

Ахъ, если бъ такъ, мадонна. Я вздыхаю
Не потому, что счастья нѣтъ въ игрѣ,
А потому, что именно удачи
Нѣтъ у меня въ другомъ...

БЕАТРИЧЕ.

Въ любви? Вотъ какъ!
Въ любви... Ты долженъ рассказать объ этомъ,
Все рассказать... коль любишь ты меня.

АНИКИНО.

Мадонна, вы сказали... вы сказали?..

БЕАТРИЧЕ.

Сказала я, что думаю. Всегда
Ты вѣрнымъ былъ слугою мнѣ и мужу,
И потому считаю долгомъ я
Помочь тебѣ въ твоёмъ любовномъ горѣ...
Ну, кто же дама та, что заставляетъ
Тебя вздыхать?

АНИКИНО.

Мадонна, я боюсь,
Вы на меня разгнѣваетесь, если
Я это вамъ скажу. Боюсь, что вы
Меня другому выдадите...

БЕАТРИЧЕ.

Вѣрь мнѣ,
Что я не разсержусь и никому
Не передамъ того, что мнѣ расскажешь,
Коль этого самъ не захочешь ты.

АНИКИНО.

Тогда я все открою вамъ, мадонна,
И выдамъ свой обманъ, что я скрывалъ
Съ такимъ мученіемъ такъ долго, долго...

БЕАТРИЧЕ.

Обманъ! Какой же ты скрывалъ обманъ?

АНИКИНО.

Не Аникино я, а Лодовико
Меня зовутъ.

БЕАТРИЧЕ.

Какъ—Лодовико?

АНИКИНО.

Да,
Мадонна. Я не здѣшній. Флорентинецъ
Быль мой отецъ, но городъ свой родной
Покинулъ онъ и проживалъ въ Парижѣ.
Тамъ я родился и пажомъ служилъ
У короля французскаго съ другими
Дворянами и научился тамъ
И обхожденію, и добрымъ нравамъ...

Случилось разъ, у молодыхъ людей
 Изъ свиты разговоръ зашелъ о дамахъ,
 Прославившихся красотой своей
 Во Франціи и въ Англии; и рыцарь
 Одинъ, изъѣздившій весь свѣтъ, сказалъ,
 Что онъ нигдѣ красавицы подобной
 Не видѣлъ, какъ... мадонна Беатриче,
 Жена Эгано деи Галуцци...

БЕАТРИЧЕ.

Нѣтъ,

Не можетъ быть! Ужели такъ далеко,
 Въ Парижѣ, говорили обо мнѣ?..
 Ты это выдумалъ...

АНИКИНО.

Клянусь, мадонна!

И вмѣстѣ съ рыцаремъ другіе всѣ,
 Видавшіе въ Болоньѣ васъ, согласно
 Превозносили вашу красоту.
 И вотъ, когда услышалъ я объ этомъ,
 Во мнѣ желанье тайное зажглось
 Увидѣть васъ. До той поры никѣмъ я
 Не увлекался изъ прекрасныхъ дамъ.
 Меня мечта завѣтная манила
 И день и ночь въ Болонью и мечту
 Завѣтную осуществилъ я скоро:
 Приѣхалъ я сюда и увидалъ
 На празднествѣ одномъ васъ... О, мадонна,
 Вы показались мнѣ еще свѣтлѣй,
 Еще прекраснѣй, чѣмъ въ моихъ мечтаньяхъ
 Я представлялъ вашъ образъ дорогой!..

БЕАТРИЧЕ.

Но это просто сказка, Аникино,
 Волшебная..

АНИКИНО.

Рѣшился я тогда

Въ вашъ домъ войти и поступилъ на службу
 Къ супругу вашему, назвавъ себя
 Мной выдуманнѣмъ именемъ. Простите
 Несчастнаго, который любитъ васъ
 Такой безумной, роковой любовью,
 Что долженъ умереть, коль вы надъ нимъ
 Не сжалитесь...

БЕАТРИЧЕ, съ притворнымъ гнѣвомъ.

Нѣтъ, юноша лукавый,

Я не могу простить тебя за то,
 Что ты такъ долго...

АНИКИНО.

Вѣрьте мнѣ, мадонна,

Я никогда бы не посмѣлъ открыть
 Моей преступной тайны, если бъ сами
 Вы мнѣ не приказали... И теперь,
 Когда вы все узнали, объ одномъ лишь
 Я васъ молю: дозвольте мнѣ, какъ прежде,
 Слугою вашимъ только быть, не больше,
 Чтобъ видѣть васъ и вашей красотой
 Въ нѣмомъ восторгѣ тайно любоваться.
 Вѣдь въ этомъ вся была моя вина
 До сей поры: ужели мнѣ прощенья
 За это не найдете вы въ душѣ
 Небесной вашей?..

БЕАТРИЧЕ, въ прежнемъ тонѣ.

Слушай, не за эту

Вину тебя я не могу простить,
 А вотъ за что: какъ могъ ты, Аникино,
 Скрывать такъ долго предо мной любовь?
 Глупецъ! Ужель ты думалъ, что давно я
 Не догадалася о томъ? Глупецъ,

Ужель ты думалъ, что тебя давно бы
Не удалила, если бы...

Перемѣняя тонъ на страстный,

Сама

Тебя не полюбила я!

АНИКИНО, въ смущеніи восторга.

Мадонна!

Возможно ли? Я счастью своему
Повѣрить не могу!

БЕАТРИЧЕ.

Вотъ видишь, свыкся

Ты такъ съ обманомъ, что теперь тебѣ

И правда даже кажется обманомъ.

Мы, женщины Болоніи, любви

Безъ лживыхъ слезъ и вздоховъ отдаемся.

Такъ знай же, Аникино, до сихъ поръ

На всѣ мольбы, подарки, обѣщанья

И рыцарей, и молодыхъ дворянъ,

Меня къ любви склонявшихъ, отвѣчала

Я равнодушіемъ и не могла

Я полюбить кого-нибудь. Но сердце

Ты взялъ мое. Теперь владѣешь имъ

Ты больше, чѣмъ сама я. Ты достоинъ

Моей любви, я подарю ее

Тебѣ вполнѣ.

АНИКИНО.

Когда же, дорогая?..

БЕАТРИЧЕ.

Сегодня жъ вечеромъ.

АНИКИНО.

Но гдѣ же мы

Увидимся?

БЕАТРИЧЕ.

Здѣсь, у меня.

АНИКИНО.

А мужъ твой?

БЕАТРИЧЕ.

Онъ на охотѣ.

АНИКИНО.

Но вернуться онъ
Сію минуту можетъ...

За сценой охотничьи рога.

Чу, вотъ слышишь,

Звучать рога?.. Онъ возвратился...

БЕАТРИЧЕ.

Да,

Ты правъ. Эгано возвратился. Голосъ
Его я слышу.

АНИКИНО, въ тревогѣ.

Онъ идетъ сюда...

Какъ мнѣ уйти?..

БЕАТРИЧЕ, спокойно.

Не нужно уходить.

Останься здѣсь и спрячься тамъ въ альковѣ.

АНИКИНО.

Но онъ найдетъ меня и... что жъ тогда?..

БЕАТРИЧЕ.

Тогда... Не бойся, спрячься поскорѣе.
Сюда, сюда вотъ...

Увлекаетъ его въ глубину сцены и прячетъ въ альковѣ.

Входитъ Эгано.

II.

Эгано, Беатриче.

ЭГАНО.

Здравствуй, Беатриче.

Цѣлуеть ее.

БЕАТРИЧЕ.

Съ охоты скоро воротился ты.

ЭГАНО.

Удачи не было. Съ утра шло худо.

Чуть выѣхали къ лѣсу, у коня

У моего подпруга ослабѣла.

Я старому Гульельмо говорю:

«Гульельмо, а? неладная примѣта?»

— Да, точно, ваша милость,—онъ въ отвѣтъ,—

Пословица недаромъ: «Какъ о стѣну

Брыкнетъ осель, такъ и отдастся». Ты

Согласна съ этимъ?

БЕАТРИЧЕ.

Съ чѣмъ?

ЭГАНО.

Да объ ослѣ-то?

БЕАТРИЧЕ.

Согласна. Только для чего жъ осла

Гульельмо вспомнилъ—я не понимаю.

ЭГАНО.

Какъ для чего? Сказалъ я, у сѣдла

Подпруга ослабѣла. Подтянулъ онъ

Да на меня и смотрить, ну при этомъ

Пословицу и помянулъ старикъ..
Но, впрочемъ, это все равно. Скучала,
Чай, безъ меня?

БЕАТРИЧЕ.

Конечно.

ЭГАНО, треплетъ ее по щекѣ.

Вотъ жена!

Такой, ей Богу, нѣтъ еще въ Болоньѣ
Ни у кого. Ну, развлеклась бы чѣмъ:
Велѣла бы на лютнѣ Аникино
Сыграть и спѣть: прекрасно онъ поетъ:
Я самъ люблю послушать... Какъ та пѣсня
Любимая твоя?.. Да: «Разсказать
Я не могу, куда была Амуромъ
Приведена...»

БЕАТРИЧЕ.

Вотъ кстати ты сейчасъ
Заговорилъ объ Аникино. Вѣришь
Ему, Эгано, ты?

ЭГАНО.

Зачѣмъ, жена,
Объ этомъ спрашивать меня? Ты знаешь,
Какъ юношу я этого люблю.
Онъ скромень, честень. Больше чѣмъ на прочихъ
Я полагаюсь на него.

БЕАТРИЧЕ.

И я

О немъ судила также, но сегодня
Перемѣнила мнѣнье.

ЭГАНО.

Почему?

БЕАТРИЧЕ.

Вотъ почему: когда ты на охоту
Уѣхалъ и одна осталась я,
Ко мнѣ пришелъ твой вѣрный Аникино
И мнѣ осмѣлился признаться...

ЭГАНО.

Въ чемъ?

БЕАТРИЧЕ.

Въ любви.

ЭГАНО.

Въ любви?! Зачѣмъ?

БЕАТРИЧЕ.

Затѣмъ, конечно,

Чтобъ раздѣлила я его любовь.

ЭГАНО.

Ахъ, негодяй! Да какъ онъ смѣлъ подумать,
Что можешь ты любить кого-нибудь,
Когда меня ты любишь?!. Беатриче,
Да ты, быть можетъ, шутишь? Не могу
Повѣрить я: онъ былъ всегда такъ скромень...

БЕАТРИЧЕ.

Чтобъ доказать тебѣ, что я не лгу—
Притворно согласилась я отвѣтить
На страсть его и обѣщала въ садъ
Придти съ нимъ на свиданіе.

ЭГАНО.

Когда же?

БЕАТРИЧЕ.

Да вотъ теперъ: онъ долженъ ждать меня,
Гдѣ двѣ сосны.

ЭГАНО.

Ахъ, негодяй, мошенникъ!
Что жъ, неужели ты пойдешь къ нему?

БЕАТРИЧЕ.

И мысли я объ этомъ не имѣла.
Но если ты желаешь испытать,
Насколько вѣренъ Аникино, можешь
Пойти туда сейчасъ же.

ЭГАНО, торопливо.

Да, да, да!

Отлично! Превосходно! Я поймаю
Обманщика на мѣстѣ и задамъ
Ему такого жара!

Хочетъ идти.

БЕАТРИЧЕ.

Подожди же:

Вѣдь онъ тебя замѣтитъ и тогда
Уйдетъ, конечно.

ЭГАНО.

Улизнетъ? Ты вѣрно

Сказало это: улизнетъ онъ, плутъ!

БЕАТРИЧЕ.

Но если бы мое надѣлъ ты платье
И покрывало? Въ темнотѣ тебя
Онъ приметъ за меня.

ЭГАНО, въ восхищеніи хлопаетъ себя
по бокамъ.

Нѣтъ, Беатриче,

Ты не жена,—сокровище ты, кладъ!
Вѣрна, нѣжна, да и умна при этомъ,
Какъ семь эллинскихъ мудрецовъ... Давай
Скорѣе твой нарядъ и покрывало.

Она подаетъ ему. Онъ торопливо одѣвается.

Ну ловко я захлопну въ западную
Лукавую лисицу. Ты увидишь,
Ужъ отсчитаю жъ Аникино я
На ребрахъ службу честную... За вѣрность
И разумъ хитрый поцѣлуй меня...

Цѣлуетъ ее.

Узнаетъ плутъ, какъ назначать свиданья
Чужой женѣ и господамъ своей!..

Быстро уходитъ, Беатриче, весело смѣясь, подбѣгаетъ къ алькову.
Открываетъ занавѣски и выводитъ за руку смущеннаго Аникино.

БЕАТРИЧЕ.

Что, Аникино, натерпѣлся страха?...
Вѣдь я чуть-чуть не предала тебя
Супругу милому?

АНИКИНО.

Ахъ, Беатриче,
Ты духъ небесъ иль демонъ?

БЕАТРИЧЕ, продолжаетъ смѣяться.

Пополамъ

То и другое... Ну, не будемъ даромъ
Мы времени терять: покуда тамъ
Въ саду, Эгано, полный мести жаромъ,
Тебя напрасно добрый часъ прождетъ—
Мы предадимся счастья сладкимъ чарамъ.

АНИКИНО.

Но онъ вѣдь не дождется и придетъ
Сюда опять?

ВЕАТРИЧЕ.

Какъ поступить намъ надо,
Чтобъ ревность обмануть его—
Я научу. Не бойся ничего:
Теперь тебя ждетъ за любовь награда.

З А Н А В Ъ С Ъ .

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Садъ. Направо, на авансценѣ, двѣ сосны. Подъ ними мраморная скамья. Налѣво другія деревья. Свѣтитъ луна.

I.

ЭГАНО, сидитъ на скамьѣ, кутаясь
въ покрывало.

Брр! Ночь свѣжа. Трясусь я отъ озноба.

Пожалуй, лихорадку наживешь...

Вотъ нынѣшняя молодежь—

Охъ, надобно смотрѣть за нею въ оба!

Ну, кто бъ отъ Аникино ждалъ?

Мальчишку обласкалъ и взялъ на службу:

Дѣвицы былъ скромнѣй, во всемъ мнѣ угождалъ—

И чѣмъ же отплатилъ за дружбу!

Вѣдь счастье, что влюблена

Въ меня жена

И вѣрность сохраняетъ строго:

За это я благодарю судьбу.

А будь она повѣтреннѣй немного—
 Навѣрное бы здѣсь, на лбу,
 Эгано, ты имѣлъ два рога!

Встаетъ со скамьи.

Однако, что жъ онъ? Гдѣ жъ онъ, плутъ?
 Ужъ часъ почти я дожидаюсь тутъ.

Иль, можетъ, я ошибся. Надо
 Искать его не съ этой стороны,
 А близъ аллеи дальней сада:

Тамъ тоже двѣ растутъ сосны.

Сказла мнѣ неясно Беатриче...

Схожу туда—не прозѣвать бы дичи.

Гульельмо говорилъ, на этотъ счетъ

Пословица есть умная въ народѣ:

«Осель, коль въ ясляхъ сѣна не найдеть,

Капусту ищеть въ огородѣ...»

Уходитъ налѣво за деревья. Съ правой стороны выходятъ
 Беатриче и Аникино; въ рукахъ у него лютя и палка.

II.

Беатриче и Аникино.

БЕАТРИЧЕ, оглядывается.

Куда жъ онъ скрылся? Надоѣло ждать,
 Должно быть; побродить пошелъ въ саду...

Запой-ка, Аникино, серенаду:

Услышавъ, онъ придетъ сюда опять,

Тогда его другой ты встрѣтишь пѣсней!

АНИКИНО, обнимая ее.

Ахъ, Беатриче, въ жизни я чудеснѣй

Не зналъ часовъ, какъ этотъ сладкій часъ,

Что провели мы въ ласкахъ наслажденья...

БЕАТРИЧЕ.

И проведемъ еще не разъ...
 Ну, поцѣлуй меня—и пѣнье—
 Приманку старику—начни,
 А я укроюсь тамъ въ тѣни
 И во время явлюся на потѣху,
 Коль раньше не умру со смѣху.

Смѣясь, цѣлуетъ его и уходитъ за деревья налѣво.

АНИКИНО, садится на скамью и поетъ,
 аккомпанируя на лютнѣ.

«Лети амуръ крылатый,
 Лети, спѣши
 Къ прекрасной королевѣ
 Моей души.

«Зови ее съ мольбою,
 Ко мнѣ зови,
 Скажи, что умираю
 Я отъ любви...

Эгано показывается изъ-за деревьевъ направо.

III.

Аникино, Эгано, потомъ Беатриче.

ЭГАНО, тихо.

Ага, пришелъ... Каковъ, каковъ нахаль!
 На цѣлый садъ выводитъ ноты.
 «Мужъ не пріѣхаль, думаетъ, съ охоты...»
 А мужъ какъ разъ и услыхаль!

Подходитъ къ Аникино.

Ну, подожди, иного тона
 Ты серенаду запоешь...

Подражая женскому голосу.

Я, Аникино, здѣсь, пришла я...

АНИКИНО, встаетъ со скамьи.

Ахъ, мадонна,

Ужели это вы?

ЭГАНО.

А кто жъ?

Вѣдь самъ ты, негодяй... нѣтъ, я сказать хотѣла,
Самъ, милый, ты назначилъ мнѣ
Свиданье здѣсь, у сосенъ, при лунѣ?
Я, какъ амуръ, на крыльяхъ прилетѣла...

АНИКИНО.

Въ васъ, стало-быть, пылаетъ страсти жаръ
Ко мнѣ?

ЭГАНО, сквозь зубы.

Пылаетъ...

АНИКИНО.

А—Эгано?

ЭГАНО.

Ну, что жъ Эгано?

АНИКИНО.

Онъ, конечно, старъ,

Онъ...

ЭГАНО, сердито.

Не похожъ на юнаго болвана,
Что женъ чужихъ готовъ прельщать...

Опомнившись.

Нѣтъ, нѣтъ, не то хотѣла я сказать,
А вотъ что: мнѣ... мерзавца молодого...

АНИКИНО.

Мерзавца?.. О, мадонна, что за слово?

ЭГАНО.

Обмолвилась, обмолвилась опять:
Красавца мнѣ пріятнѣе такого,
Какъ ты, любить.

АНИКИНО.

И цѣловать?

ЭГАНО, со сдерживаемымъ бѣшен-
ствомъ.

Ну, да...

АНИКИНО.

И вы, забывъ о мужѣ,

Своею нѣжною рукой
Обнимете меня, какъ плющъ порой
Высокій тополь обнимаетъ?

ЭГАНО.

Туже—

Какъ петлей обниму, лишь шею приготовь!

АНИКИНО.

Ну, это ужъ чрезчуръ...

ЭГАНО.

Любовь

Моя сильна...

АНИКИНО.

И не краснѣя

Вы можете супругу своему
Такъ измѣнить? И слышу не во снѣ я
Такую рѣчь?...

ЭГАНО.

Тебя я не пойму:

Вѣдь самъ же ты совѣтывалъ ему
Измѣну сдѣлать, вызвалъ на свиданье...

АНИКИНО.

Мадонна, это было испытанье.

ЭГАНО.

Какъ, испытанье.

АНИКИНО.

Неужель

Вы думали, имѣлъ я злую цѣль
 Почтеннаго и добраго Эгано
 Покрыть позоромъ низкаго обмана?
 Нѣтъ, я желалъ лишь одного—
 Увидѣть, вѣрны ли вы мужу
 И любите ль вы искренно его...
 Я завтра жъ вашу лживость обнаружу
 И все я господину расскажу.
 А васъ за вашъ поступокъ скверный
 Теперъ достойно накажу:
 Расправлюсь я съ женой невѣрной
 Вотъ такъ! вотъ такъ!

Хватаетъ его за руку и бьетъ палкой.

ЭГАНО, кричить.

Ай! ай! Постой!..

Вѣдь я—не я! Нѣтъ, то есть не она я!
 Считаться не могу женой...

АНИКИНО.

Вы женщина безстыдная, дурная:

Вы, мужа обманувши, за жену

Себя не признаете? Ну,

Я этого такъ не могу оставить

И долженъ вамъ еще, еще прибавить!

Хочетъ его снова ударить. Эгано вырывается и бѣжитъ. Ани-
 кино преслѣдуетъ его.

ЭГАНО.

Ой! Ой! Спасите! Ой!

БЕАТРИЧЕ, выбѣгаетъ изъ-за деревь-
евъ.Что тутъ такое? Ты кричишь, Эгано?
Что приключилося съ тобой?АНИКИНО, съ притворнымъ изумле-
ніемъ.Мадонна, вы?... Какъ это странно!
Я думалъ, что вы были тутъ сейчасъ.

Кого же принялъ я за васъ?

Вглядывается въ Эгано.

О, небо! Неужели господина?!

ЭГАНО.

Да, да, меня ты принялъ, Аникино,
И «принялъ» хорошо...

АНИКИНО.

Простите мнѣ

Невольную ошибку.

ЭГАНО.

Въ фальшь ошибка

Не ставится...

Дѣлаетъ кислую гримасу.

Но на моей спинѣ

Ты все жъ работалъ черезчуръ ужъ шибко!

БЕАТРИЧЕ.

Да для чего же кутерьму

Затѣяли вы здѣсь такую?

ЭГАНО.

Я все тебѣ сейчасъ же растолкую:

Чтобъ испытать его, свиданье ты ему

Назначила, а онъ тебѣ назначилъ
 Любовное свиданье для того жъ,
 И вѣрный мнѣ слуга—онъ одурачилъ,
 Отлично...

БЕАТРИЧЕ.

Одурачилъ онъ кого жъ?

ЭГАНО, съ торжествомъ.

Тебя!

БЕАТРИЧЕ.

Меня? Да я вѣдь на свиданье
 Не вышла, съ нимъ въ саду я не была.

ЭГАНО, еще болѣе торжествуя.

А получила наказанье!!

БЕАТРИЧЕ.

Но какъ его я получить могла?

ЭГАНО.

Ахъ, Беатриче, ты вѣдь со смекалкой,
 А вещь простую въ толкъ не можешь взять:
 Чтобы твою невѣрность наказать,
 Меня поколотилъ онъ палкой,
 Ну, поняла теперь?

БЕАТРИЧЕ.

Да, поняла.

ЭГАНО.

Еще бы! Кажется, все это ясно.
 Гульельмо говоритъ прекрасно:
 «Полезна палка для осла,
 Коль съ доброй цѣлью бьетъ, а не напрасно».

Я въ эту убѣдился ночь,
Насколько ты вѣрна и вѣренъ Аникино;
Не только что за друга, а за сына
Теперь его признать не прочь...
Мы, старые мужья, рога частенько носимъ,
Но у кого подобный есть слуга,
Тотъ спи спокойно: у него рога.
Не вырастутъ, хоть будь онъ лосемъ!

З А Н А В Ъ С Ъ .

Фьямметта.

Ариосто. «Orlando «Furioso». Пѣснь XXVIII.

Л И Ц А:

Астольфо.

Джьокондо.

Фьямметта.

Греко.

Бруно, хозяинъ гостинницы.

Дѣйствіе въ Неаполѣ.

Комната гостинницы. Въ средней стѣнѣ дверь и окно. Въ правой и лѣвой стѣнахъ, близко къ аванценѣ, двери съ опущенными портьерами. Посрединѣ комнаты большая софа.—Вечеръ.

I.

Фьямметта, Бруно.

ФЬЯММЕТА.

Такъ что жъ синьоръ Астольфо приказалъ?

БРУНО.

Когда синьоры вышли на прогулку—
Вы отдыхать изволили. Они
Не пожелали васъ будить.—«Съ дороги,—
Сказалъ синьоръ Джьокондо,—утомилась
Она, конечно», то есть это вы—
Такъ полагаю—синьорина... Точно,
Съ дороги сонъ и отдыхъ—доложить
Осмѣлюсь—дѣло—третье...

ФЪЯММЕТТА.

Почему же

Не первое и не второе?

БРУНО, внушительно.

Первымъ

Бываетъ доброе вино; второе—
На вертелѣ зажаренный каплунъ;
А сонъ—ужь третье дѣло, синьорина.

ФЪЯММЕТТА, смѣется.

Я этого не знала... Да, такъ что жъ,
Однако, приказалъ синьоръ Астольфо?

БРУНО.

Онъ приказалъ вамъ доложить: пошли
Синьоры въ лодкѣ покататься. Вечеръ
Ужъ очень ясенъ да и море ихъ
Взманило тишиною. Возвратятся
Они какъ только выглянетъ луна.
Вотъ, синьорина, все, что передать вамъ
Я долженъ былъ.

За окномъ слышна лютня.

ФЪЯММЕТТА, прислушиваясь.

Благодарю. Кто тамъ

Играетъ?

БРУНО.

Уличный пѣвецъ. Онъ пѣсню
Споетъ сейчасъ. Надѣюсь, синьорина
Останется довольна: соловей!

ГРЕКО, за сценой, поеть.

Выйду ль я весною
На зеленый лугъ,
О любви цвѣточки
Шепчутся вокругъ.
Выйду ль я весною
Въ мой тѣнистый садъ,
О любви деревья
Тихо говорятъ.
Выйду ли весною
Къ морю я—и тутъ
Волны голубыя
О любви поють.

БРУНО.

Не правда ль, синьорина, голосъ—чудо
И пѣсня славная?

ФЪЯММЕТТА, взволнованно.

Да, хороша...

Слыхала эту пѣсню я: далеко,
На Кипрѣ, юноша одинъ пѣвалъ
Такимъ же чуднымъ голосомъ. Откуда
Пѣвецъ вашъ?

БРУНО.

Онъ не здѣшній, синьорина.
Пришелъ въ Неаполь съ годъ тому.

ФЪЯММЕТТА.

Прошу

Сюда его послать: хочу послушать
Я пѣніе его.

ВРУНО.

О, бѣдняка
Вы ошастливите. Сейчасъ придетъ онъ.
Уходитъ.

ФЪЯММЕТТА.

Какъ сердце у меня забилося... Нѣтъ,
Не можетъ быть, не можетъ...
Входитъ Греко.

II.

Фьямметта, Греко.

ГРЕКО.

Синьорина,

Вы пожелали слышать...

ФЪЯММЕТТА.

Греко! Ты?

Ахъ, неужели это ты?..

ГРЕКО.

Фьямметта!

Бросаются другъ къ другу и берутся за руки.
Нѣтъ, это сонъ! Повѣрить не могу?
Да развѣ ты не умерла? Я думалъ,
Что умерла...

ФЪЯММЕТТА, улыбаясь.

Какъ видишь—нѣтъ, жива.

ГРЕКО.

Ахъ, какъ я радъ, какъ счастливъ я...

ФЪЯММЕТТА.

Я тоже...

ГРЕКО.

Дай на тебя взглянуть... О, ты милѣй
Еще, чѣмъ прежде... Какъ ты очутилась
Въ Неаполѣ?

ФЪЯММЕТТА.

Приѣхала...

ГРЕКО.

Съ двумя

Венеціанцами сегодня утромъ?
Я издали замѣтилъ васъ, когда
Къ гостинницѣ втроемъ вы подъѣзжали.
Лицо твое не видно было мнѣ,
Но въ ту минуту о тебѣ я вспомнилъ
И цѣлый день до вечера бродилъ
Вздыхая, чуть не плача, и неволью
Сюда влекло меня. Когда жъ пришелъ,
То, самъ не знаю почему, зацѣлъ я
Подъ окнами...

ФЪЯММЕТТА.

Ту пѣсенку, что тамъ,
На Кипрѣ, мы бывало распѣвали
Невѣстою и женихомъ? Ахъ, я
Сейчасъ узнала голосъ твой и сердце
Такъ у меня забилося...

ГРЕКО.

О, какъ все
Чудесно это—правда?

ФЪЯММЕТТА.

Правда.

ГРЕКО.

Гдѣ же

Была ты? Что случилось съ тобою
 Съ той ночи, какъ похитили тебя
 Пираты?.. Вѣдь ужъ годъ... нѣтъ, больше, больше
 Прошло съ тѣхъ поръ...

ФЪЯММЕТТА.

Сначала я жила
 У нихъ на островѣ рабой. Но вскорѣ
 Меня пираты продали.

ГРЕКО.

Кому?

ФЪЯММЕТТА.

Да вотъ синьорамъ этимъ, что со мною
 Пріѣхали сегодня.

ГРЕКО.

Кто жъ они?

ФЪЯММЕТТА.

Они венеціанскіе дворяне
 И вмѣстѣ путешествуютъ. Меня
 Они сердечно любятъ и съ собою
 Повсюду возятъ...

ГРЕКО.

Для чего?

ФЪЯММЕТТА.

Боюсь,

Что будетъ трудно объяснить мнѣ... Эти
 Синьоры очень странные... Они
 Женаты оба.

ГРЕКО.

Да? А гдѣ жъ ихъ жены?

ФЪЯММЕТТА.

Въ Венеціи живутъ.

ГРЕКО.

Такъ женъ своихъ

Покинули они?

ФЪЯММЕТТА.

Да.

ГРЕКО.

Почему же?

ФЪЯММЕТТА.

Они объ этомъ рассказали мнѣ:
 Въ Венеціи Астольфо и Джьокондо—
 Такъ ихъ зовутъ—красивѣй всѣхъ мужчинъ
 Считались и ихъ жены были тоже
 Красавицы. Но, видишь ли, мужьямъ
 Онѣ безстыдно измѣнили. Карликъ
 Уродливый плѣнилъ жену Астольфо,
 Жена Джьокондо увлеклась слугой!
 Синьоры этой низкою измѣной
 Такъ оскорбились, что, покинувъ женъ,
 Пустились странствовать. Вездѣ прельщали
 Они своею красотою дамъ
 И добродѣтель ихъ губили. Скоро
 Имъ надоѣло на поляхъ чужихъ
 Охотиться. Увѣрившись, что честныхъ
 Нѣтъ женщинъ, вздумали они вдвоемъ
 Любить одну.

ГРЕКО.

Одну? Возможно ль это—
 Одну любить вдвоемъ?

ФЪЯММЕТТА.

Узнавъ меня,
Они моей прельстились красотой,
Купили у пиратовъ и со мной
Повсюду путешествуютъ...

ГРЕКО.

И что же
Не ссорятся между собой они
Изъ-за твоей любви?

ФЪЯММЕТТА.

О, нѣтъ. Напротивъ:
Они живутъ въ большомъ ладу... Дарятъ
Мнѣ вещи чудныя, меня ласкаютъ
И окружаютъ роскошью такой,
Какъ будто знатная была я дама.

ГРЕКО.

Такъ, значитъ, ты довольна и тебѣ
Живется съ ними весело?

ФЪЯММЕТТА.

Какъ можетъ
Быть весело мнѣ: я раба:

ГРЕКО.

Но ты
Изъ нихъ кого-нибудь, навѣрно, любишь—
Джьокондо иль Астольфо?

ФЪЯММЕТТА.

Никого.

ГРЕКО.

Какъ—никого не любишь?!

ФЪЯММЕТТА, смущенно.

Нѣтъ...

Бросается къ нему въ объятія.

Тебя я

Всегда любила и теперь люблю
Тебя, лишь одного тебя, повѣрь мнѣ!

ГРЕКО.

Фьямметта, ты мнѣ возвращаешь счастье
И свѣтъ, и радость жизни! Съ ночи той,
Когда тебя похитили пираты,
Я зналъ лишь горе. Я хотѣлъ тогда
Въ отчаянны убить себя и вѣрно
Убилъ бы, если бъ тайная надежда
Меня не удержала, что найду
Тебя, быть можетъ, гдѣ-нибудь. Покинулъ
Я островъ нашъ родной, пошелъ блуждать
По свѣту, полный мукъ воспоминанья
О счастіи погибнувшемъ моемъ...
И вотъ сбылось нежданно то, о чемъ я
Въ слезахъ молился съ каждою зарей
И вечеромъ, и утромъ: вновь я встрѣтилъ
Свою любовь... Такъ—правда—ты меня
Не разлюбила, помнила?

ФЪЯММЕТТА.

Могла ли

Я позабыть и разлюбить: вѣдь мы
Еще дѣтьми другъ друга полюбили.

ГРЕКО, съ увлеченіемъ.

Да, да, еще дѣтьми... Сама судьба,
Должно быть, насъ связала въ этой жизни.
Ты видишь, какъ все вышло хорошо:
Другъ друга потеряли мы и снова
Нашли другъ друга... И теперь опять
Счастливо заживемъ!..

ФЪЯММЕТА.

Мой бѣдный Греко,
О чемъ ты гредишь? Иль утратилъ ты
Разсудокъ свой отъ радости свиданья?
Ты позабылъ, что я...

Плачетъ.

Ахъ, милый мой,
На горе, не на радость мы съ тобою
Вновь свидѣлись... ужъ лучше бъ никогда
Намъ не видаться... никогда... Синьоры
Вѣдь завтра жъ уѣзжаютъ и меня
Они съ собою увезутъ.

ГРЕКО.

Какъ—завтра?

ФЪЯММЕТА.

Да мы садимся утромъ на корабль...
И ты меня ужъ больше не увидишь,
Быть можетъ, въ этой жизни...

ГРЕКО.

Нѣтъ!.. Повѣрь
Фьямметта, небо сжалится надъ нами:
Оно не можетъ такъ жестоко насъ
Наказывать... Съ тобой я не разстанусь...
Тебѣ еще такъ много я сказать
Хотѣлъ...

ФЪЯММЕТА.

И я... Но что же дѣлать, милый,
Намъ нужно разойтись... сейчасъ...

ГРЕКО.

Сейчасъ?

ФЪЯММЕТТА.

Да, вѣдь синьоры могутъ воротиться
Съ прогулки. Видишь ты: взошла луна.
Они придутъ...

ГРЕКО, съ рѣшимостью.

Должны мы увидаться
Съ тобой еще.

ФЪЯММЕТТА.

Но гдѣ жъ, когда жъ?

ГРЕКО

Я ночью

Приду къ тебѣ.

ФЪЯММЕТТА.

Нѣтъ, это невозможно!
Синьоры...

ГРЕКО.

Но они вѣдь будутъ спать.
Гдѣ спать они?

ФЪЯММЕТТА.

Въ той комнатѣ Астольфо,
Указываетъ на дверь направо.
А въ этой вотъ—Джъокондо.
Указываетъ на дверь налѣво.

ГРЕКО.

Ну, а ты?

ФЪЯММЕТТА.

Я—здѣсь.

ГРЕКО.

Сюда я и приду.

ФЪЯММЕТТА.

Но какже
Войдешь ты, Греко? Дверь запрутъ они.

ГРЕКО.

Въ окно я влѣзу.

ФЪЯММЕТТА.

Нѣтъ, тебя прошу я,
Не дѣлай этого безумья... нѣтъ!..
Они тебя замѣтятъ и тогда вѣдь
Убьютъ тебя они!

ГРЕКО.

Мнѣ все равно!
Но я приду. Я не могу, Фьямметта,
Хоть разъ еще не увидать тебя...
А тамъ... пусть будетъ, что судьбой жестокой
Мнѣ суждено!.. И если встрѣчу смерть,
Ты все жъ въ послѣднія мгновенья жизни
Свиданьемъ сладкимъ утолишь мои
Страданія...

ФЪЯММЕТТА, испуганно прислушиваясь.

Постой... Ты слышишь, Греко?
Тамъ голоса... Они идутъ сюда!..
Уйди, уйди!..

ГРЕКО.

Молю я, дорогая,
Окно мнѣ ночью отвори... прощай!..
Торопливо цѣлуетъ ее и убѣгаетъ въ дверь въ глубинѣ сцены.
Фьямметта уходитъ въ дверь направо. Изъ двери направо выхо-
дятъ Астольфо и Джьокондо.

III.

Астольфо и Джьокондо.

АСТОЛЬФО.

Я думаю, Джьокондо, въ цѣломъ мірѣ
 Счастливей насъ не сыщется людей.
 Съ тѣхъ поръ, какъ женщинъ испытавъ невѣрность
 Въ различныхъ странахъ, раздѣлили мы
 Свою любовь и отдаемъ Фьямметтѣ
 Мы поровну желаній нашихъ дань,—
 Съ тѣхъ поръ невозмутимо наше счастье:
 Какъ свѣтлый ручеекъ, течетъ оно
 Между зеленыхъ береговъ...

ДЖЬОКОНДО.

Сравненье

Невѣрное ты сдѣлалъ.

АСТОЛЬФО.

Почему же?

ДЖЬОКОНДО.

Вѣдь свѣтлый ручеекъ не наше счастье,
 А счастье Фьямметты: мы съ тобою
 Два берега, среди которыхъ онъ
 Струится и журчитъ волной лазурной.

АСТОЛЬФО.

Пускай сравненіе мое невѣрно,
 Мысль все-таки вѣрна. Теперь мы чужды
 И подозрѣній ревности слѣпой,
 И муки безпрестаннаго сомнѣнья—
 Не тяготѣетъ ли на насъ позоръ
 Измѣны женской, хитраго обмана,

Не охладѣла ль къ нашимъ ласкамъ та,
Кого мы полюбили, и другому
Не жаждетъ ли отдать свою любовь.

Джъокондо.

Да, это все прошло для насъ. Какъ вспомнишь,
Что наши жены измѣнили намъ,
Что всѣ другія женщины намъ лгали,
Любви и страсти клятвы и слова
Сегодня расточая предо мною,
А завтра предъ тобой,—какъ вспомнишь всѣ
Притворныя улыбки, взгляды, вздохи,
Такъ, право, странно думать, что такимъ
Мы вздоромъ тѣшились, блуждая долго,
Какъ жалкіе слѣпцы, что предъ собой
Пути не видятъ.

Астольфо.

Но зато дорогу
Нашли прямую къ счастію теперь.
Въ Фьяметтѣ мы не можемъ сомнѣваться,
Изъ-за ея любви въ ревнивый споръ
Не вступимъ мы другъ съ другомъ. Я увѣренъ,
Что если бы обычай былъ такой,
Чтобъ каждая жена имѣла пару
Мужей,—въ семьяхъ согласіе и миръ
Тотчасъ бы воцарились... Гдѣ жъ Фьяметта?
Ужель все спитъ?..

Фьяметта входитъ.

А, вотъ она!

Они оба цѣлуются съ ней.

Ну, что

Не разсердилась ты насъ немножко:
Ушли мы прогуляться безъ тебя?
Потомъ ужъ мы жалѣли... Что за вечеръ!
Какое море!

ДЖЬОКОНДО.

А когда луна
Взошла и бросила на волны сѣтку
Изъ золота—подумала бы ты,
Что это феи рѣзвятся, играя
Кудрями золотыхъ своихъ волосъ!

ФЪЯММЕТТА.

Зачѣмъ же вы меня не разбудили?

АСТОЛЬФО.

Мы думали: придется завтра встать
Съ зарей, такъ отдохнуть тебѣ полезно...

Шутливо.

Ну, что жъ, не видѣла ли ты во снѣ
Меня?

ДЖЬОКОНДО, также.

Или меня?

ФЪЯММЕТТА, также.

Обоихъ вмѣстѣ.

АСТОЛЬФО.

Вотъ это хорошо! Какъ на яву,
И въ грезахъ сна всегда съ тобой мы оба.

ФЪЯММЕТТА, вздыхаетъ.

Да, вы всегда со мной...

АСТОЛЬФО.

А все жъ скажи,
Фьямметта, искренно: ну, хоть немножко
Вѣдь одного изъ насъ въ душѣ своей
Предпочитаешь, вѣрно, ты другому?

ФЪЯММЕТТА.

Нѣтъ, нѣтъ, равны вы для меня. Добры
 Ко мнѣ всегда, дарите мнѣ наряды,
 Ласкаете... и я любить должна
 Обоихъ васъ.

АСТОЛЬФО, съ восторгомъ.

Ты слышишь ли, Джьокондо?..

Обнимемся!.. Клянусь я, небеса,
 Завидовать должны намъ. Мы, какъ братья,
 Другъ съ другомъ дѣлимъ счастье свое,
 Насъ женщина прелестнѣйшая любить
 И намъ въ любви, какъ божество, вѣрна!..
 Да: ты и я и милая Фьямметта —
 Вѣдь, право, мы восьмое чудо свѣта!..

За дивный нашъ союзъ любви втроемъ,
 Невиданный еще съ потопа,
 Я предлагаю выпить. Позовемъ
 Хозяина. Хоть онъ на эфіопа
 Немножко смахиваетъ, но
 Недурно въ погребѣ его вино.

Громко зоветь.

Хозяинъ! Эй хозяинъ!

ВРУНО, входитъ.

Что угодно

Синьорамъ?

АСТОЛЬФО.

Кипрскаго! Проворнѣй—ну!

ДЖЬОКОНДО.

И сиракузскаго.

АСТОЛЬФО.

Да, превосходно!..

И все, что слѣдуетъ къ вину.

Ты понялъ?

БРУНО.

Въ мигъ одинъ, синьоры!

Уходить.

АСТОЛЬФО.

Фьямметта, ты свѣтлѣй Авроры
Была съ утра сегодня, а теперь,
Мнѣ кажется, ты вдругъ печальна стала?
Коль горе есть, такъ намъ его повѣрь.

ФЬЯММЕТТА.

Какое жъ горе? просто я устала.

АСТОЛЬФО.

Постой, сейчасъ дадутъ вино:

Тебя мгновенно оживить оно.

А—вотъ!

Бруно и слуга приносятъ кубки съ виномъ, чаши и плоды, ставятъ на столъ и уходятъ. Астольфо наливаетъ вино.

Нальемъ три полныхъ чаши

И выпьемъ,—выпьемъ ихъ до дна—

За то, чтобъ ты была всегда вѣрна,

И намъ казалася всѣхъ женщинъ краше!

Пьютъ.

ДЖЬОКОНДО, Фьямметтъ.

Ну что, вотъ ожила сейчасъ?

Въ улыбка нѣтъ слѣда печали

И щечки, точно розы, запылали

И засверкаль огонь прелестныхъ глазъ...

АСТОЛЬФО.

Теперь бы пѣсню спѣть—какъ разъ!

Любовь, вино и пѣсня—это

Джьокондо я и ты: вѣдь ихъ союзъ

Древнѣе нашего и выдержалъ искусь
Тысячелѣтній... Спой Фьямметта—
Вотъ лютня.

Подаетъ лютню.

ФЪЯММЕТТА.

Хорошо, но что жъ
Вамъ спѣть?

АСТОЛЬФО.

Что хочешь. Ты поешь
Чудесно все.

ФЪЯММЕТТА.

Мнѣ вспомнилось: когда я
Жила на островѣ родномъ—
Пѣвала я о вѣтеркѣ морскомъ,
Что вѣялъ мнѣ въ лицо, въ кудряхъ моихъ играя...
Я дѣвочкой почти была тогда...
Хотите эту пѣсню?

АСТОЛЬФО.

Да.

ФЪЯММЕТТА, поетъ аккомпанируя на
лютнѣ.

Милый мой далекъ, далекъ,
На чужой онъ сторонѣ...
Вольный моря вѣтерокъ,
Ты лети, лети ко мнѣ
Ты мнѣ кудри золотыя
Поцѣлуями развей!

* *
* *

И чрезъ волны голубыя
Въ край, гдѣ милый одинокъ,
Унеси ты, вѣтерокъ, .

Унеси скорѣй, скорѣй,
Ароматъ моихъ кудрей!

* * *

Пусть, дыша ихъ ароматомъ,
Вспоминаетъ онъ меня тамъ,
Вспоминаетъ, какъ у скаль
Въ утра часъ и предъ закатомъ
Эти кудри цѣловаль!

АСТОЛЬФО.

Прелестно! Чудно!

ДЖЬОКОНДО.

Въ пѣснѣ этой
Есть что-то сходное съ самой Фьямметтой—
Не правда ли, Астольфо? Какъ волна
У скаль ея родного моря,
Какъ эта пѣсня милая—она
То будто радостью полна,
То будто тихой жалобою горя!

АСТОЛЬФО.

Ты чуткой уловилъ душой
Гармонію пѣвицы съ пѣсней:
Природой обѣ созданы одной—
Въ нихъ грусть и радость жизни молодой
И тѣмъ ихъ красота чудеснѣй!

Въ отдаленіи звонъ часовъ.

Однако, надо на покой.
Вы слышите на башнѣ полночь било?
Въ объятъя къ богу сна пора.
Прощай, Фьямметта. До утра.

Цѣлуешь ее. Шутливо.

Ахъ, если бѣ тысячу ты подарила
Такихъ мнѣ поцѣлуевъ и во снѣ!

ДЖЬОКОНДО, цѣлуя Фьямметту.

Съ условіемъ: чтобъ столько же и мнѣ.

Пожимаютъ другъ другу руки и уходятъ: Астольфо—въ дверь
направо; Джьокондо—въ дверь направо.

IV.

Фьямметта, потомъ Греко.

ФЪЯММЕТА, одна.

Боялась я все время, что тревогу
Я выкажу... Однако—ничего,
Они не догадались, слава Богу...
Но какъ же мнѣ теперь принять его?..
Вѣдь кто-нибудь изъ нихъ войдетъ, замѣтитъ...
Оглядывается кругомъ.

Хотя бы ночь была темна,
Такъ нѣтъ, какъ на бѣду, луна
Невыносимо ярко свѣтитъ!

Что если я не отворю окна?..

Нѣтъ, нѣтъ, я не могу... Проститься
Намъ надо... И притомъ случится
Вѣдь можетъ хуже: онъ себя убьетъ
Съ отчаянья...

Въ окно легкой стукъ. Она въ волненіи подбѣгаетъ къ окну.

О, небо, онъ стучится!..

Сейчасъ, сейчасъ я отворю...

Открываетъ окно. Греко влѣзаетъ въ комнату.

ГРЕКО.

Ну вотъ,

Фьямметта, я съ тобою снова!

Какъ долго ждалъ я...

ФЪЯММЕТТА, шопотомъ.

Тсс... ни слова!

Они слышатъ...

ГРЕКО, также

Гдѣ они?

Спать улеглись?

ФЪЯММЕТТА, беретъ его за руку и
ведетъ къ софѣ.

Сядь здѣсь, въ тѣни...

О, Греко, что ты сдѣлалъ... Если любишь
Меня ты...

ГРЕКО.

Всей душой люблю!

ФЪЯММЕТТА.

Уйди, уйди скорѣй, молю,
Ты и себя, да и меня погубишь...

ГРЕКО.

Уйдемъ съ тобою вмѣстѣ.

ФЪЯММЕТТА.

Ахъ,
Ты говоришь въ безумьи... всюду
Они найдутъ насъ...

ГРЕКО.

Брось свой страхъ:
Вѣдь я теперь съ тобою буду.
Любовь научитъ насъ куда
И какъ намъ скрыться...

ФЪЯММЕТТА, шопотомъ, съ тревогой.

Тише, тише...

Ты слышишь, слышишь, Греко?..

ГРЕКО.

Да,
 Какъ будто шорохъ. Вѣрно мыши,
 Иль дунуль вѣтерокъ въ окно...

ФЪЯММЕТТА.

Нѣтъ, нѣтъ: шаги за дверью этой...

Показываетъ на-право.

Молчи...

Въ страхѣ зажимаетъ ему ротъ рукой. Астольфо открываетъ
 портьеру правой двери и показывается на порогѣ.

V.

Фьямметта, Греко, Астольфо, Джьокондо.

АСТОЛЬФО.

Охъ, это кипрское вино:

Заснуть мнѣ не даетъ оно...

Не знаю, какъ развлечь себя. Съ Фьямметтой

Хоть поболтать бы нѣсколько минутъ:

Она еще не спитъ, быть можетъ...

Вглядывается въ темноту.

Я опоздалъ: Джьокондо съ нею тутъ.

Скрывается за портьерой. Изъ-за портьеры двери налѣво пока-
 зывается Джьокондо.

ДЖЬОКОНДО.

Меня безсонница тревожить

Отъ сиракузскаго... Не надо на ночь пить...

Со скуки вздумалъ я поговорить

Съ Фьямметтой, если не легла Фьямметта...

Вглядывается въ темноту.

Нѣтъ, вижу, невозможно это:
Астольфо съ нею.

Скрывается за портьерой.

ФЪЯММЕТТА, прижавъ руку къ сердцу.

Ахъ, едва
Дышу отъ страха! Какъ жива
Осталась я—не понимаю...

ГРЕКО.

Зачѣмъ такъ волноваться...

ФЪЯММЕТТА.

Могъ

Погибнуть ты...

ГРЕКО.

О нѣтъ, я знаю
Любви насъ охраняетъ богъ
И ничего я не боюсь съ тобою.

ФЪЯММЕТТА.

О, Греко, какъ ты смѣлъ душою!

ГРЕКО.

А ты—какъ ты нѣжна...

Цѣлуетъ ее.

ФЪЯММЕТТА, прислушивается и вздра-
гивать.

Постой... Опять?..

АСТОЛЬФО, выглядываетъ изъ-за
портьеры.

Онъ не ушелъ еще?.. Болтать
Джьокондо любить непомѣрно
И надоѣлъ онъ ей навѣрно...

Вглядывается.

Цѣлуется. Отлично: онъ сейчасъ
Простится съ ней. Я выйду чрезъ мгновенье...
Скрывается за портьерой. Изъ-за портьеры другой двери выгля-
дываетъ Джьокондо.

ДЖЬОКОНДО.

Онъ все еще у ней! Терпѣнье,
Ей Богу, можно потерять сто разъ!
Цѣлуется онъ ее, прощается. Прекрасно!
Черезъ минуту очередь моя:
Поговорить надѣюсь съ нею я.
Скрывается за портьерой.

ГРЕКО.

Вотъ видишь, и теперь напрасно.
Ты испугалась. Отгони
Твой страхъ.

Смѣется.

Я думаю, они

Лунатики—твои синьоры:
Ведутъ съ собою разговоры
Глядятъ, не видя ничего, во снѣ...
Астольфо и Джьокондо оба въ одно время выглядываютъ изъ-за
портьеры.

АСТОЛЬФО.

Нѣтъ, этого не вынести мнѣ:
Вѣдь, кажется, Джьокондо съ ней простился
И вновь пришелъ!

ДЖЬОКОНДО.

Астольфо воротился!

Иль онъ сидѣтъ съ ней хочетъ до зари?..

АСТОЛЬФО.

Ахъ, чортъ возьми!

ДЖЬОКОНДО.

Ахъ, дьяволъ побери!

Оба бросаются въ раздраженіи другъ къ другу. Греко проворно
прячется за софу.

АСТОЛЬФО.

Вѣдь это, наконецъ, безсовѣстно!

ДЖЬОКОНДО.

Вѣдь это

Безчестно просто!

АСТОЛЬФО.

Иль Фьямметта

Съ тобой однимъ бесѣдовать должна?

ДЖЬОКОНДО.

Иль разговаривать съ тобой однимъ она
Обязана?

АСТОЛЬФО.

Ужъ, какъ ты хочешь,
Но съ нею одному нельзя сидѣть всю ночь.

ДЖЬОКОНДО.

Астольфо, ты меня морочишь!

АСТОЛЬФО.

Нѣтъ, ты меня, Джьокондо, не морочь!

АСТОЛЬФО.

Я ваши разговоры слышалъ:
Ты съ нею здѣсь все время былъ.

Джьокондо.

Неправда—ты съ ней говорилъ,
А я сейчасъ лишь только вышелъ.

АСТОЛЬФО.

Ты лжешь, Джьокондо!

ДЖЬОКОНДО.

Самъ ты лжешь

Астольфо!

АСТОЛЬФО, стараясь быть хладнокровнымъ.

Стой, вѣдь этакъ скоро

Дойдетъ у насъ и до оружья ссора...

Разсудимъ. Коль не я, не ты, такъ кто жъ

Къ Фьямметтѣ приходилъ для разговора?

ДЖЬОКОНДО.

Пусть дастъ сама она отвѣтъ.

Фьямметтѣ.

Скажи, я былъ съ тобою?

ФЪЯММЕТТА, въ страхѣ и смущеніи.

Нѣтъ.

АСТОЛЬФО.

А я?

ФЪЯММЕТТА.

Нѣтъ, не былъ.

АСТОЛЬФО.

Съ кѣмъ же разговоры

Ты цѣлый часъ почти вела?

Ну, отвѣчай! Что жъ ты молчишь?

ФЪЯММЕТТА, падаетъ передъ ними на колѣна.

Синьоры,

Простите... съ Греко я была...

ДЖЬОКОНДО.

Какъ—съ Греко?!

АСТОЛЬФО.

Что такое Греко?

ФЪЯММЕТТА, жалобно.

Ахъ, это имя челоуѣка,
Котораго давно, давно,
Еще на Кипрѣ, я любила...

АСТОЛЬФО.

Но какъ же онъ попалъ сюда?

ФЪЯММЕТТА, наивно.

ВЪ ОКНО!

ДЖЪОКОНДО.

Въ окно?!

ФЪЯММЕТТА, прежнимъ тономъ.

Да, я окно открыла:

Дверь на замкѣ была вѣдь заперта,
А ключъ у васъ...

АСТОЛЬФО, Джьокондо.

Нѣтъ, это даже мило!

ДЖЪОКОНДО.

Сама святая простота!

Пауза. Астольфо и Джьокондо смотрятъ другъ на друга и вдругъ
разражаются веселымъ хохотомъ. Долго не могутъ удержать смѣха.
Перестаютъ, посмотреть другъ на друга и начинаютъ опять.

АСТОЛЬФО, Фьяметтъ.

Но ты сейчасъ вела вѣдь разговоры
Съ нимъ, съ этимъ Греко: гдѣ же онъ?

ГРЕКО, поднимается изъ-за софы.

Я здѣсь, достойные синьоры!
Примите низкій мой поклонъ.

ДЖЬОКОНДО, смѣясь.

Онъ влѣзъ въ окно, а изъ-подъ пола вышелъ!
Ну, Греко—или какъ тебя зовутъ—
Должно быть, ты преловкій плутъ.

ГРЕКО.

Такую похвалу не разъ я слышалъ
И радъ, синьоръ, что слышу вновь отъ васъ.

АСТОЛЬФО.

А въ окна тоже лазилъ ты не разъ
Къ чужимъ красавицамъ?

ГРЕКО.

Прошу прощенья,

Но не заслуживаю я
Подобнаго дурного мнѣнья:
Фьямметта не чужая, а моя
Невѣста, данная мнѣ небесами,
И я ее одну любилъ всегда,
Какъ и она меня любила. Да.
Не вѣрите—ее спросите сами

АСТОЛЬФО.

Посмотримъ.

Фьямметтѣ.

Неужель любви двоихъ
Тебѣ, Фьямметта, не довольно было?
Вѣдь ты любила жъ насъ?

ФЪЯММЕТТА.

Любила

Я Греко одного: онъ мой женихъ.
А васъ за ваши добрыя заботы
Я почитала.

АСТОЛЬФО.

Ну, Джьокондо, что ты
На это скажешь?

ДЖЬОКОНДО.

Справедливъ и простъ
Ея отвѣтъ. А мы...

Смѣется.

Должно быть рожь,
У насъ преглупыя: мы на котовъ похожи,
Которымъ прищемили хвостъ.

АСТОЛЬФО.

Ты правъ... Ну, что жъ, когда ты Греко,
Фьямметта, любишь одного—
Возьми себѣ въ мужья его.

ДЖЬОКОНДО.

И будь съ нимъ счастлива хоть до скончанья вѣка!

АСТОЛЬФО.

Тебя мы за любовь, конечно, наградимъ—
Богатое приданое дадимъ...

А намъ... осталось одно намъ:

Взглядъ измѣнить на женскую любовь

И, въ заключенье сказки, вновь

Въ Венецію вернуться къ нашимъ женамъ.

ЗАНАВѢСЪ.

Цѣна 1 руб.

2007054979